

КРОВЬ НА ПЕСКЕ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ САДДАМА

Кто здесь убит, кто погиб в набегах...

Дожил до старости лишь трусливый.

*Абид ибн аль-Абрас, поэт
доисламской Аравии (VI в.)*

НОЧЬ МОГУЩЕСТВА

Наверное, пережить свою последнюю ночь этому высокому еще крепкому старику было легче, чем множеству безвестных узников, когда-либо ожидавших казни. Он знал: то мгновение, когда он расстанется с жизнью, вновь и вновь будут переживать миллионы людей – одни с ликованием, другие, скрежеща зубами от бессильной ярости. Поэтому он просто не мог позволить себе провала в финальной сцене захватывающей драмы длиной почти в семьдесят лет. Он листал Коран, пробегая глазами одну суру за другой. За эти месяцы великая книга по-новому раскрылась ему. А ведь он думал, что, зная ее почти наизусть, он и понимал ее во всей глубине. Нет! Многие строки, читанные прежде бесчисленное число раз, переписанные его кровью, в эти часы накануне праздника жертвоприношения, явили ему новую, опаляющую суть. «Ночь могущества лучше тысячи месяцев» (Сура 97, 3) – никогда в такой потрясающей очевидности не открывалось ему многосмысленное значение слов,

начертанных каламом Пророка. Та ночь – когда был было ниспослано откровение, когда совершилась великая победа духа. Но вот пришла и его ночь могущества – ночь, когда будет явлена победа одинокого духа над ужасающей машиной...

Он взошел на эшафот спокойный и сосредоточенный. Вокруг сновали молодцы в черных масках, слышались проклятия, но старик отрешенно молчал. Один из плачей надрывно прокричал прямо в ухо ему: "Ты погубил нас! Ты убивал нас. Ты заставил нас жить в нищете". Старик мельком взглянул на задиравшего его и невольно отметил темно-коричневую кожу на шее ниже маски, выдававшую уроженца шиитского юга. Ответил презрительно: "Я спас вас от нищеты и несчастий и разгромил ваших врагов, персов и американцев". Голова в маске прорычала: "Будь проклят!" "Будь проклят!" – без злости ответил приговоренный.

Нет нужды приукрашивать дела этого старика, который, не успев докончить слова молитвы, сорвался в бездну. Он совершил немало скверных поступков и преступлений. Возможно, если бы он был свергнут собственным народом, никто и не подумал бы негодовать по поводу его казни. Но лишенный власти иноплеменниками и повешенный их приспешниками, он самым образом своей смерти отомстил им, тем, кто поспешно объявил себя победителями. Он ушел с полным сознанием того, что месть эта будет настигать их на непредсказуемых витках истории.

Это был жестокий и великодушный, коварный и наивный, сильный и уязвимый человек. Он был мачо. Таких почти не осталось. Зато все больше других – «политкорректных» ханжей. Уж их-то не приговорят к смерти, их даже не подвергнут штрафу за нарушение правил дорожного движения.

Когда на всей земле установится двухпартийная демократия с двухпалатным парламентом, только в книгах о прошлом будут оживать герои, которые пришли к власти с оружием в руках и правили, советуясь с богами, а не с выбранными на пять лет стряпчими. Мы последнее поколение, кому дано увидеть живых героев, ставших вождями. И заглянувших в глаза вечности не на пропахших лекарствами перинах, а на эшафоте.

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ

Мы часто слышим, что живем в эпоху крушения последних империй. Но то же самое могли сказать о своем времени те, кто пережил Первую, а затем и Вторую мировую войну. Под империями понимаются чаще всего крупные государства, главной проблемой которых были взаимоотношения между входящими в них народами. Однако одновременно с гибелью Российской, Германской, Османской, Австро-Венгерской империй возникали государства, подобные Югославии и Чехословакии, которые несли в своем генетическом коде проблемы, унаследованные от сверхдержавы, в которую они прежде входили.

В числе многонациональных государств, созданных по замыслу тех, кто перекраивал карту мира после Первой мировой войны, оказался Ирак. Название страны пошло от древнего географического понятия *Ирак* (по-арабски “земля по берегам”) *Арабский*, то есть населенные арабами земли по берегам двух великих рек Ближнего Востока – *Тигра* и *Евфрата*. Это арабский аналог известного с древности наименования этого края – Месопотамия или Междуречье. Три вилайета Османской империи - Мосульский, Багдадский и Бассорский - вошли в новое образование.

Из века в век богатейшая равнина Междуречья становилась полем битвы между народами и расами. Индоевропейцы по языку, по антропологическому типу, по психологическому складу, по культурным традициям – курды и персы – противостоят по всему периметру северных и восточных рубежей месопотамской низменности семитическим народам – арабам и ассирийцам. Но расово-культурные противостояния дополняются религиозными разделениями внутри семитической расы (арабы – мусульмане, ассирийцы – христиане), внутри самой арабской нации (60% шииты, 40% - сунниты). Национальные и религиозные меньшинства – турки (по-местному, туркоманы), сабейцы, евреи тоже вносили свои оттенки в пеструю палитру жизни Ирака. Однако многонациональный состав населения страны нередко становился источником проблем и противоречий, разрешение которых требовало большого политического искусства.

Советский арабист Р.Андреасян писал в книге “Нефть и арабские страны”: “Пожалуй, наиболее гармонично среди

арабских стран наделен экономическими ресурсами Ирак. Здесь сочетаются первостепенные по значению запасы нефти, природного газа и серы с двумя полноводными реками при наличии немалой территории и довольно многочисленного населения. Только в связи с разорительной войной Ирак был вынужден прибегнуть к импорту рабочей силы”. Справедливость этой оценки была подтверждена за десятилетие блокады, когда страна сумела выстоять, опираясь на внутренние ресурсы. Но не только они оказались основным фактором выживания. Политическая воля нации, олицетворяемая ее многолетним лидером, стала столь же значимым условием прочности государства.

В 1991 году, в дни первого нашествия громадной армии, основу которой составили американские войска, многим казалось, что скроенная версальскими портными страна вот-вот расползется на куски, как случилось это со многими другими, пережившими военный разгром. Однако Ирак пережил политический шторм, и когда тучи рассеялись, оказалось, что штурвал находится в тех же крепких руках, что направили страну навстречу “буре в пустыне”.

Часто говорили, что политический стиль Саддама Хусейна – это стиль азартного игрока. Стоило международному сообществу чуть забыть об Ираке и его лидере, как президент преподносил очередной сюрприз. Западные журналисты задавались вопросом: а не доставляет ли ему удовольствие ходить по лезвию бритвы? Говоря о Саддаме Хусейне, обычно принимали за аксиому его авантюризм, приписывали ему слабое понимание расстановки сил вне Ирака. Старались доказать, что в действиях Саддама

нет продуманности и долговременного прогноза, что он действует непредсказуемо, поддаваясь минутным страстям. А предпринятые им военно-политические акции объясняли импульсивностью его натуры.

Но вся история становления Саддама Хусейна как политика говорит о том, что он умел правильно определять цели и продумывать пути их достижения. Да и известные по разным, вполне авторитетным свидетельствам черты его характера заставляли усомниться в том, что “он мятежный просит бури”, будучи захвачен азартом огромных ставок в рискованной политической игре. Напротив, в его политическом мировоззрении просматривалась своеобразная архитектура, а в его действиях как внутри, так и вне страны улавливалась определенная логика. Другой вопрос, совпадала ли природа этой логики с той, что привычна западному сознанию. Сомнительно, что образ президента Ирака можно без искажений увидеть через привычную призму рационалистического мировосприятия. Что может понять пристрастный аналитик, вооруженный пресловутыми «общечеловеческими ценностями»?

Еще в 20-х годах минувшего века британский разведчик Лоуренс утверждал: «Арабов понять было легко, ум их был подчинен тем же законам логики, как и наш, и не было ни основания, ни оправдания, кроме нашей лени и невежества, считать их непонятными и трудно разгадываемыми и оставлять их неисследованными». Однако, он явно поторопился с выводами. Запад и по сей день пытается действовать в этом регионе, исходя из собственной логики, ею же он поверяет поступки лидеров арабского мира. Как ни

странно, европоцентризм, а вернее сказать, западоцентризм, до сих пор продолжает определять мышление тех, кто стремится к установлению нового мирового порядка. Им почему-то кажется, что подавляющее большинство человечества примет ценности меньшинства, сложившиеся в результате многовекового развития на основе принципов римского права и моральных императивов европейской буржуазии.

Но далеко не все народы готовы выбросить белые флаги по достижении определенного процента потерь на поле битвы. Политика Саддама Хусейна кажется импульсивной и нелогичной тем, чьи предки предпочитали оккупацию чрезмерным разрушениям собственного имущества. Нам же, русским, привыкшим воевать до последнего солдата, куда понятнее мотивы поступков арабского лидера. Не было ли в его молниеносных акциях преемственности со стремительными налетами и исчезновениями бедуинов, у которых за тысячелетия сложился своеобразный кодекс воинской доблести?

Невозможно судить страны Востока и вообще страны с длинной историей по тем меркам, которые приемлемы для Америки. Американская история началась 300 лет назад, а каждый "старый" народ тащит за собой грехи десятков веков, тысячелетий. Тот же Ирак – традиции насилия в политической жизни, отсутствие представительного начала в западном смысле этого слова имеют корни глубиной в 5000 лет, попробуй обруби их в одночасье, не изменив психологию человека. Опрометчиво мерить психикой фермеров, животноводов (именно их обозначают словом «ковбой»),

народы, которые в крови своей несут наследие шумеров, Вавилона, Ассирии, долгих столетий войн и смут, рабства и угнетения.

История Ирака необъяснима без учета того вызова, который бросали государству различные деструктивные силы. Бесконечные восстания курдов, (начиная с 1891 года их было десятки), волнения на юге, столкновения по всему периметру границ. Государство, возникшее в этих условиях, просто не могло себе позволить роскошь быть разоруженным. Там, где имеется армия, тем более армия сильная, всегда есть негативные последствия ставки на силу. Это рок нации, а не грех ее.

За века и тысячелетия на территории Ирака сменилось много народов, несколько цивилизаций, несколько религий. Земля, где явился на свет Саддам Хусейн, на протяжении всей своей истории была яблоком раздора между сильнейшими державами. За Месопотамию сражались Вавилония и Ассирия, империи Дария и Александра, Рим и Парфия, Византия и Персидское царство Сасанидов. В подсознании детей этой земли переплелись мифы шумеро-вавилонского времени, зороастризма, иудаизма, христианства и ислама. И этот причудливый сплав определяет духовный мир людей, живущих среди реалий начала XXI века. Значит, чтобы приблизиться к пониманию их поступков и национального самосознания, надо увидеть историческую перспективу, теряющуюся где-то за пять тысячелетий до наших дней. Ведь иногда удается определить характер народа и человека через его вкусы и пристрастия. Быть может, что-то могут подсказать нам предпочтения лидера нации. Тот, о ком

я собираюсь говорить, любил воинственную и страстную доисламскую поэзию, обожал оружие. Это, наверное, наложило отпечаток и на тот политический режим, который сложился в Ираке после баасистского переворота 1968 года.

Люди, с которыми я встретился в этой стране, каждый по-своему помогли мне понять происхождение политической системы, существовавшей до марта 2003 года. А поскольку ее черты в опосредованном виде были отражением черт личности Саддама Хусейна, главного строителя баасистского государства, то без осмысления феноменов арабского национализма и иракской революции нельзя набросать даже эскизный портрет этого лидера.

Повествование в этой книги ведется в двух временных планах. Главный герой ее стал достоянием истории и упоминается в прошедшем времени. Но отдельные части повествования даются в настоящем времени, как было записано в путевом дневнике. Потому что мне хотелось бы передать непосредственность восприятия недавней действительности. Которой теперь уже нет...

ХОЛМ, С КОТОРОГО ВИДНА ВЕЧНОСТЬ

С вершины холма, одиноко поднимающегося над бескрайней равниной Междуречья, виден безжизненный простор, лишенный растительности. Лишь вдали на западе простирается широкая зеленая полоса пальмовых рощ по берегу Евфрата. Только одно яркое пятно выделяется в окрестностях - бирюзовый купол мечети, расположенной на соседнем, гораздо более пологом холме – эта мечеть воздвигнута на месте рождения праотца Авраама. В 15

километрах отсюда лежат руины Вавилона. Здесь начинается мир Библии.

Холм, на котором я стою, скрывает под собой огромное сооружение из сырцового кирпича – ступенчатую пирамиду (*зиккурат*) города-государства Борсиппа. Много веков он считался останками Вавилонской башни, и только в XX веке это убеждение местных жителей и путешественников было поставлено под сомнение.

На самой вершине вздымается гребнем обнажившаяся под ураганными ветрами часть кладки зиккурата. Среди кирпичей видны последовательно расположенные отверстия, из которых выглядывают головы и хвосты голубей. Их воркование слышится то сильнее, то слабее, по мере того, как то усиливается, то слабеет раскаленный ветер, летящий из пустыни. Сила его такова, что он может опрокинуть человека, стоящего на кромке древней кладки.

Этому зиккурату столько же лет, сколько египетским пирамидам, а может быть и больше, во всяком случае, первые зиккураты Междуречья, построенные древними шумерами, появились раньше, и первая египетская пирамида, ступенчатая пирамида Джосера, удивительно напоминает ступенчатые горы из кирпича, возведенные шумерами. Эти горы строились для того, чтобы приблизить храмы, которые помещались на вершинах зиккуратов, к небу, к бессмертным богам, к вечным таинственным звездам, к главному царственному светилу - Луне. Но может быть они строились и для того, чтобы жрецы, восходящие на вершину, могли видеть среди бесконечной плоской равнины другие зиккураты, другие храмы? Наверное отсюда, с вершины зиккурата Борсиппы

можно было подавать сигналы жрецам, стоявшим на вершине Вавилонской башни, те, в свою очередь, могли сноситься со жрецами соседнего Киша. Цепь городов-государств, покровительствуемых разными богами, тянулась на сотни километров вдоль Евфрата.

Сегодня я не вижу отсюда этих воздвигнутых человеком холмов, но я вижу гораздо больше, стоя среди груд оплавленного древним пожаром кирпича. Я различаю в дымке тысячелетий то, что жило и цвело на этой земле. Это сегодня здесь безжизненная пустыня на месте зеленеющих полей и садов. Сотни войн, десятки иноземных нашествий, приводивших к разрушению оросительных систем и массовому истреблению населения, сделали свое дело. Геродот, создававший свою историю на половине временного пути от шумеров до наших дней (25 веков назад), еще писал о невероятном плодородии Вавилонии...

Серые полузанесенные песком и пылью квадраты руин далеко внизу. Воображение рисует устланные коврами и циновками открытые дворики, пестрые толпы в узких улочках и на площадях, а доносящееся сквозь посвист ветра воркование голубей, кажется неумолчным гомоном толпы на неведомом, давно умершем языке. Загадочные шумеры, пришедшие на эту землю невесть откуда, были низкорослыми, коренастыми, с короткими сильными ногами и руками, с лунообразно изогнутыми бровями и широко раскрытыми удивленными глазами. Такими, во всяком случае, они представлены художниками и скульпторами, творившими в этих местах пять тысяч лет назад – фигурки царей и жрецов, облаченных в одеяния из горностаевого меха, поражают

своим резким отличием от всех наций Ближнего и Среднего Востока, знакомых по древним фрескам и барельефам.

Но шумеров можно встретить не только в музеях – их поминутно встречаешь на улицах Хиллы, Басры, Эд-Дивании. Их, конечно, зовут сегодня Мухаммедами, Саидами или Халедами, но удивленные глаза, лунообразно изогнутые брови и коренастые фигуры – это явное наследие тех, кто населял эти ныне занесенные пылью библейские холмы во времена Лугальзаггеси, Куригальзу, Мескаламдуга и других великих шумерских царей.

Если, несмотря на постоянную смену народов и племен, владевших Месопотамией в течение тысячелетий, расовый тип шумера сохранился и продолжает жить на той же самой земле, то мы, наверное, имеем право предположить, что и психологические, духовные особенности этого человеческого типа сохранились до наших дней и входят, как характерные черты в национальный склад современного иракца. Духовный мир шумеров мы можем изучать по их произведениям: всемирно известному эпосу о Гильгамеше, религиозным гимнам, деловой переписке, документам храмов и царских канцелярий.

Конечно, напрямую вывести характер Саддама Хусейна из характеров его предшественников, правивших Междуречьем, вряд ли возможно, но то, что президент Ирака кое в чем сознательно подчеркивал свою преемственность с древними владыками, говорит, что они не были чужды ему. Материальным выражением такой преемственности служит один маленький факт – на руинах зиккуратов и царских дворцов шумеров находят кирпичи, на которых стоят печати

древних царей, сообщающие о том, что такой-то в таком-то году воздвиг то или иное сооружение во славу одного из богов. Модернизированные руины Вавилона, надстроенные при Саддаме (сейчас над развалинами дворцов Навуходоносора высятся современные стены) сложены из кирпичей, на которых также имеются оттиски, правда уже не на клинописи, а на арабском языке, которые сообщают: Саддам Хусейн, президент Ирака воздвиг эти стены в дар народу Ирака.

Эта демонстрируемая преемственность предполагала, естественно, и преемственность геополитических амбиций. Если Навуходоносор разрушил израильское царство, а Саддам Хусейн являлся наиболее последовательным сторонником ликвидации “сионистского образования”¹ на священной арабской земле, то можно говорить и о более весомых ассоциациях.

В этом регионе Ближнего Востока, сходятся границы трех стран, представляющих три основных расово-языковых конгломерата, объединенных одной религией; Турция, Иран и Ирак являются как бы передовыми отрядами тюркской, арийской и семитической культур. В период кризиса исламской цивилизации, явным образом обозначившийся в начале этого века с распадом Османской империи, в каждой из названных стран пришли к власти режимы, начавшие пробуждать посредством пропаганды в сознании своих подданных древние религиозно-культурные пласты, которые были погребены под толщей исламских представлений. Делалось

¹ Так именуют еврейское государство в арабской прессе и официальных документах.

это для доказательства особой древности культуры и самостоятельности культуры своей нации.

В разгромленной Антантой Турции Мустафа Кемаль поддерживал усилия ученых и пропагандистов, которые доказывали что турецкий этнос сложился на основе древнейшего арийского населения Анатолии – хеттов (*Анадолу* – мать-земля по-хеттски – одна из распространенных идеограмм в кемалистской пропаганде). С одной стороны, это должно было показать, что греки, представляющие турок как кочевников-пришельцев, сами были захватчиками и дикарями в пору сокрушения ими древних арийских государств Анатолии. С другой стороны, эта пропаганда была адресована Западу, где в 20-30-е годы набирали силу фашистские и профашистские режимы, активно использовавшие в своей идеологической продукции аналогичные положения.

В соседнем Иране вошедший на трон в 1925 г. главнокомандующий шахской армией Реза-хан также начал поддерживать усилия местных патриотов, доказывавших самобытность древнеиранской культуры. Если Мустафа Кемаль пошел на законодательное отделение ислама от государства, то Реза не мог столь решительно отстранить мусульманское духовенство от политического влияния, но исподволь отход от исламских норм жизни происходил достаточно последовательно, что также в немалой степени было связано со стремлением к модернизации и симпатией к Гитлеру. После переворота, произведенного после оккупации Ирана британскими и советскими войсками в 1941 г., на престол вошел сын Резы Мухаммад. Но после вывода

иностранных войск из Ирана в 1946 г. “ариизация” возобновилась. Велись широкомасштабные работы по воссозданию столицы древнего Ирана Персеполиса, где шах с потрясающей пышностью принимал своих гостей из ближних и дальних стран. Было прекращено притеснение остатков зороастрийцев – исповедников государственной религии доисламского государства Сасанидов. Наконец, шах совершил величайшее преступление против ислама (так считают ныне правящие страной муллы) – в 1955 г. он отменил мусульманское летосчисление от *хиджры*, то есть бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г., и ввел отсчет лет от основания шахской монархии (550 г. до Р.Х.).

В Ираке до 1933 г. правил ставленник англичан король Фейсал, представитель потомства племени *хашемитов*, из которого происходил и пророк Мухаммед. Его отец, правитель Мекки, поддался на уговоры англичан поднять восстание против Османской империи, в состав которой входила Аравия. Британцы обещали ему арабийский трон, но вместо этого сослали в Южную Африку, а его сыновей сделали королями вновь образованных государств – Трансиордании и Сирии. В последней из них и короновался Фейсал. Но поскольку эта страна отходила по секретному англо-французскому соглашению Франции, новые хозяева попросту прогнали новоиспеченного короля. Тогда англичане посадили Фейсала на специально созданный для него трон Ирака – Лига Наций предоставила мандат на управление этой страной Великобритании, делавший королевство полуколониальным владением империи. Что привело к мощному восстанию иракских племен, яростно боровшихся против новых

властителей. В нем активно участвовало племя *бегат*, из которого позднее вышел Саддам Хусейн. В эти годы прошли боевое крещение первые арабские националисты. Рашид аль-Гайлани, который через двадцать лет стал главой иракского правительства, говорил: "Я принадлежу к древнему роду Гайлани. Мой предок похоронен в золотой мечети Казымейн. Я – дома в Багдаде, в то время как Хашемиты, принесенные из Хиджаза на британских штыках, - просто злоумышленники".

Когда в 1933 г. Фейсал умер, на трон взошел его сын Гази. Получивший трон по наследству, а не из рук англичан, он был склонен к более независимой политике и поддерживал националистов, с симпатией взиравших на Берлин. В числе их был популярный генерал Сидки Бакр, совершивший переворот в 1936 году, и отстранивший от власти проанглийскую клику. Меньше чем через год Бакр был убит в ходе нового военного заговора, и вскоре английские марионетки вернулись к власти. В 1939 г. молодой король погиб в авткатастрофе – в Ираке были уверены, что ее подстроили люди Нури Саида, главного английского клиента в Ираке.

В эти тревожные годы в стране шел тот же процесс, что и в соседних Иране и Турции. Гордость древними месопотамскими корнями была присуща всем лидерам националистов. Одним из побудительных моментов этого были внутренние проблемы. В 1933 году произошло восстание ассирийцев, христианского народа – наследника древних властелинов этой земли. Иракская армия во главе Сидки Бакром устроила резню небольшой этнической группы. Англичане, в своих интересах подстрекавшие ассирийцев, не оказали помощи "братьям во Христе".

В стране культивировались ценности средневекового Халифата – для воспитания молодежи в духе древних арабских традиций были созданы организации “Футувва” и “Кашшафа”, что-то вроде бойскаутов, пионеров или “гитлерюгенда”. Бедуинские доблести – мужество, честность, преданность – были основой их идеологии. Единство арабов по отношению ко всем неарабам требовалось утверждать хотя бы потому, что большинство арабского населения – шииты – составляли явное меньшинство в правящих кругах. Импортированный из Аравии король был суннитом, таковыми же были его приближенные. Шиитам предоставлялись второстепенные должности в государственном аппарате и армии.

Но кроме задачи сплочения арабов, необходимо было доказать претендующим на большую древность ассирийцам, персам и иным меньшинствам, а также соседним государствам, что иракская нация – наследница древнейших на земле культур Месопотамии...

При Саддаме Хусейне эта тенденция получила дальнейшее развитие, обогатившись новым историческим содержанием. В одном из его выступлений есть такие слова: «Арабская нация не является группой людей, которая может подчиниться агрессии... Это укоренившаяся нация, у которой была великая роль в создании истории человечества и его цивилизации. Это нация, которая открыла алфавит и составила первые законы в мире, и была одной из первых наций на земле, которая творила в областях мысли, культуры, искусства и наук. Это та арабская нация, которая дала человечеству великие небесные религии. Здесь, в

Месопотамии, появились первые человеческие цивилизации. Такая нация не может подчиниться и согласиться с рабством на ее земле. Наша нация понимала и поддерживала борьбу мира против фашизма и нацизма, она понимала и поддерживала борьбу народов за свою свободу и независимость, и у нее право требовать у мира понимать и поддерживать ее дела. Без этого нельзя думать о человеческом свободном обществе, в котором люди солидарны на принципах правоты, свободы и равенства»².

Приехав в Вавилон, я вошел в ворота богини Иштар, воссозданные по древнему их подобию, и попал во дворик, где располагается администрация музея. Подошел гид и предложил посмотреть музей Навуходоносора. Это небольшое строение из трех или четырех залов, в которых выставлены большие слайды, изображающие Вавилонскую башню, как ее представляли художники разных эпох, и небольшое количество экспонатов, откопанных на руинах Вавилона: фигурки, глиняные таблички с клинописью, посуда.

Международная конференция
 План древнего Вавилона, дающий представление о размерах
 солидарности с Ираком. Багдад, Дар
 города и о расположении основных его частей. Имеется также
 аль-Ма'мун, 1981. Стр.18-19
 макет Вавилонской башни, как ее представляют себе
 современные археологи.

Я прошел вдоль дороги процессий, выложенной большими плитами, скрепленными самородным асфальтом, который в Ираке добывается с глубокой древности. По сторонам стоят восстановленные стены с глазурованными львами, единорогами, еще какими-то животными. Единственное, что дошло в нетронутом виде от древности –

лев из черного базальта, высящийся над фигурой поверженного человека.

Поодаль от построек, возведенных на руинах Вавилона, виднеется греческий амфитеатр, но тоже отстроенный заново. Если ограничишься посещением того, что настроили в Вавилоне за последние два десятилетия, то представление о временах Навуходоносора и Александра Македонского, почившего в этих стенах, будет очень “модерновым”. Только стоя на вершине Бирс Нимруд (так арабы зовут Борсиппу), где ни одного камушка моложе пяти тысяч лет не найдешь, начинаешь слышать невнятный поначалу голос веков...

Абсолютно безжизненные места. Туристы сюда не попадают. Завораживающее ощущение вечности, совершенно не сравнимое с тем, что чувствуешь в Вавилоне. Можно часами стоять на этом холме, вдыхать горячий ветер пустыни, трогать руками эти пятитысячелетние кирпичи, пытаться проникнуть воображением вглубь загадочных веков, представить себе изваяния неведомых богов, перед которыми когда-то трепетала вся эта вечная земля и которые незримо присутствуют здесь сегодня – хотя бы в подсознании людей, населяющих сегодняшнюю Месопотамию.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ВАВИЛОНА

Пока мы добирались к Бирс Нимруд по проселочной дороге, то и дело сильный ветер поднимал облака пыли, и приходилось закрывать окна, от чего поездка в машине с давно испорченным кондиционером не становилась более комфортной, жара была изрядная, градусов 35. По дороге ушла из радиатора охлаждающая жидкость – прохудился

патрубок. Это потом уже выяснилось, но по дороге на наше счастье попался насос, который качал воду из большого канала в маленькие арыки, по ним подавалась вода в селение. Водитель залил воды в радиатор, и мы поехали дальше. Пока я совершал восхождение на Бирс Нимруд, “Шевроле” кое-как починили. Но снова нужна была вода, и мы поехали к ближайшему жилищу араба, одиноко стоявшему в двух верстах от холма Борсиппы.

Из домишка вышел молодой поджарый араб с усами, радостно заулыбался нам. Когда мы попросили его воды – стремительно исчез в темном дверном проеме своей хижины. Я подошел к овцам, сбившимся в груду под навесом от солнца. Вокруг все было усыпано навозом, на котором возлежали длинноухие, обросшие длинной шерстью животные.

Я стоял возле дома и смотрел на холм. Человек живет в двух шагах от величайшего памятника древности, но взгляд его столь же буднично скользит по нему, как и по этим овцам, этим хлевам. Наверное, так же вот и жители древней Борсиппы равнодушно взирали на еще не разрушенный тогда Зиккурат, воспринимая его как явление окружающей природной среды. Но это не значит, что образ этого зиккурата не сидел в подсознании каждого, как один из самых значимых символов. Как у каждого русского, верующего и неверующего, образ золотого купола, увенчанного крестом, вызывает такие ассоциации, которые явно несопоставимы с подсознательными переживаниями немца или китайца, созерцающих тот же самый купол. Даже на уровне речевых стереотипов можно обнаружить разницу в национальной

психологии: если русский говорит “сидеть в тюрьме”, то турок употребляет выражение “лежать в тюрьме”; русский мальчик, крича от боли, зовет маму, арабский в той же ситуации зовет папу (маму – унинительно для мужского достоинства).

Мне интересен каждый араб и все, что его окружает, ибо я хочу понять национальную психологию этого народа, прежде чем пытаться проникнуть в мотивы поступков его лидера. Не зная, не понимая народа, легко принять национальные стереотипы в поведении за черты индивидуальности. И в то же время многие кажущиеся непонятными события в политике страны могут быть объяснены только в контексте истории - политики часто поступают в соответствии с образцами вольно или невольно усвоенными в процессе воспитания и обучения. Недаром говорят: история – наставница королей. Еще сложнее понять истоки тех или иных решений, если они продиктованы образами подсознания, закладываемыми религией и окружающей средой.

Саддама Хусейна я каждый день видел по телевизору. С журналистами он встречался редко, интервью почти не давал. Так что судить о его состоянии, о его оценке происходящего в Ираке и в мире можно было лишь по кратким высказываниям, передаваемым в эфир. Но меня интересовал не столько смысл высказываний, сколько антураж речей вождя: манера держаться, говорить, взгляд, руки...

Итак, каждый вечер после программы новостей президент появляется перед народом в различных ситуациях. Это выдержки из речей его, произнесенных по тому или иному поводу в последние годы. Встреча лидера с народом при посредничестве телеэкрана организована так: вначале звучит

всегда одна и та же приятная европейская музыка, служащая своего рода позывными, затем в ее сопровождении идут немые сцены – президент в окружении генералов, президент среди министров, президент с народом, и, наконец, появляются титры – тогда-то в таком-то месте президент встретился с теми-то, музыка гаснет, и мы слышим речь Саддама Хусейна. Говорит он спокойно, неторопливо, весомо – как говорит человек, знающий, что его услышат. Он не боится делать паузы, во время которых испытующе поглядывает на окружающих. Жестикуляция его минимальна, речь льется свободно, без заминок, без всяких там “э...” и “м...”. Выдержки из этих речей обычно невелики, они посвящены каким-то конкретным явлениям жизни Ирака, либо историческим фактам, которые могут служить уроками для современных иракцев.

Например, однажды в день десятого мухаррама, священный для всякого мусульманина, а мусульманина-шиита в особенности, президент сказал слово о внуке пророка Мухаммеда Хусейне, погибшем в этот день в 680 году. Смысл речи таков: родственник пророка бросился во главе небольшого отряда навстречу превосходящему врагу, хотя было ясно, что он погибнет, потому, что чувство чести было выше чувства опасности, было выше расчета. И этот пример тринадцативековой давности как нельзя лучше передавал состояние духа современного лидера и его народа, вступивших в схватку с превосходящими силами врага, несмотря на то, что доводы так называемого здравого смысла говорили: лучше воздержаться от битвы, лучше принять условия противника. Что ж, быть может, если бы внук Пророка

Хусейн не бросился очертя голову в схватку со своим врагом Язидом и не потерпел поражения в той битве, сегодня, тринадцать веков спустя, никто бы и не помнил его, и уж конечно не поклонялся бы на его могиле в священном городе шиитов – Эн-Неджефе. Быть может тринадцать веков спустя отдаленные поколения будут с таким же священным трепетом припадать к тем камням, которые освящены прикосновением нового Хусейна, прославившего ту же землю в конце XX века.

Лицо Саддама Хусейна значительно. Правильные черты, волевая ямочка на подбородке, жестко очерченный рот – такое лицо сразу выделишь в толпе. Волнистые черные волосы без следов седины и аккуратно постриженные усы. Глаза с желтоватым оттенком. Классическая внешность красивого араба. На некоторых снимках Саддам напоминает Омара Шарифа – известного голливудского актера. С той разницей, что в мимике президента нет актерской подвижности. Морщины на его лице монументальны – они могли избородить лицо человека страстного, но способного сдерживать себя. Манера говорить с большими остановками – это не индивидуальная особенность, а признак хорошего воспитания. Современные этнографы, знатоки этикета, пишут: “У арабов Ирака считается, что рассказчик должен говорить... размеренно, с паузами, чтобы дать возможность собеседникам обдумать услышанное, выразить к нему свое отношение: согласие, несогласие, удивление и т.д. Говорить без пауз – значит обладать плохими манерами”³.

³ Этикет у народов Передней Азии. М., «Наука», 1988
стр.77

За отрывком из речи президента Хусейна следует клип. Если у нас музыкальный клип – это понятие из жаргона поп-музыки, то в Ираке оно в равной степени относимо и к пропагандистским музыкальным прокладкам, отделяющим программу новостей от развлекательных передач. Обычно старый, молодой или даже юный певец на фоне статуи Саддама или какого-то здания, сооружения, построенного в годы правления президента, воздевая руки к небу, поет о том счастье, которое выпало ему на долю – жить в эпоху великого человека. Фоном песни служат кадры хроники – масса народу, бегущая навстречу Саддаму; президент, приветствующий с балкона людское море; президент, идущий в сопровождении охраны, среди толпы приветствующих его людей; президент, похлопывающий по мордашкам детишек; старухи, целующие руки президента; президент, едущий на белом коне по полю парадов в Багдаде. Певец воздевает руки и поет о восстановленных мостах и заводах. Кадры хроники показывают президента в поле; представляют его в момент закладки здания – он несет на плече огромную миску с цементом. Певец славит страну и эпоху, которые дали великого человека. Он благодарит Аллаха, который послал в трудные дни на землю своего избранника...

Саддам очень любил этот пышный эпитет: подарок небес народу в трудные времена. Многие ли оспаривали это? Подозреваю, большинство искренне поддерживали посланника небес в его великой миссии. Не хочется возражать ни тем, ни другим. Куда важнее понять феномен Саддама. И я пытаюсь отыскать корни этой уникальной личности и в глубоких пластах истории, и в тех недавних временах, когда в

маленькой деревне на берегу великой реки Тигр родился мальчик, нареченный Саддамом...

Через час пути от Багдада по прекрасной автостраде видишь руины Киша и розовый холм, скрывающий зиккурат этой столицы Саргона, создателя первой империи в истории человечества.

Почти не тронутое человеком нынешним поселение человека древнего производит и мистическое, и эстетическое воздействие. Видны стены то ли крепости, то ли дворца, испещренные отверстиями, совсем как зиккурат в Борсиппе. Узкие проходы между стен ведут вверх на холм, который скрывает зиккурат. Холм и прилегающие к нему бугорки, под которыми явно угадываются стены каких-то помещений, заглажены пылью и дождями. Когда идешь, под ногами как будто тонкий наст прогибается – слой спекшейся под солнцем пыли, принесенной ветром. Холм довольно пологий, видимо, зиккурат в значительной своей части был растащен еще в древности на строительство окрестных домишек. Может быть, он расплылся под дождями, поскольку кирпич, из которого он сложен, был сырцовый – это видно по окрестным сооружениям. Когда там, где обнажен этот сырцовый кирпич, проведешь пальцем, тысячелетняя глина легко крошится. С холма видна окрестная равнина, покрытая пальмами, в полутора километрах возвышается розовый конус того зиккурата, который мы видели у дороги, наверное, когда-то отсюда можно было видеть Вавилонскую башню, она находилась не так далеко отсюда, километрах в пятнадцати-двадцати к западу. Сбегаю с холма, захожу в лабиринт раскопанных строений. Среди стен сырцового кирпича

топорщатся пучки зеленой травы, там и сям проросшей сквозь растрескавшийся глинистый пол.

Идея государства зародилась среди этих унылых пространств, ныне покрытых солончаками. Многие историки считают, что толчком к этому явилась необходимость создания оросительных систем – а в таком деле без хорошей организации и принуждения человеческих масс не обойтись. Именно Месопотамия, одно из плодороднейших мест на Земле, которое могло обеспечить пропитание и размножение большого числа людей, стала родиной первого настоящего государства. То ли сорок, то ли пятьдесят веков (в этом покрытом пылью тысячелетий выжженном просторе так и думается: плюс-минус десяток столетий) здесь сходились громадные толпы людей, которые дубасили друг друга сначала каменными топорами, потом бронзовыми, потом железными. Когда ахейцы разбили осадный лагерь под Троей, а фараон Эхнатон произвел религиозную революцию, заставив египтян поклоняться единому божеству, здесь уже смертельно устали от великих замыслов и побед. Потому что любой мало-мальский вождь, возникавший на Востоке, обязательно пытался овладеть междуречьем Тигра и Евфрата. Жаждали богатств этой земли, но от нашествия к нашествию население уменьшалось, а вместе с тем сокращались возможности для поддержания сотен каналов в рабочем состоянии. К VII веку от Р.Х. одна часть месопотамской низменности превратилась в засоленную глинистую пустыню, а другая - в громадное болото, образовавшееся после прорыва дамб во время очередного великого наводнения. Арабы, захватившие этот край у персов,

увидели ту же картину, что открывается сегодня с руин столицы Саргона. Зеленый рай шумеров остался к тому времени в далеком прошлом. При халифах настала эпоха стабильности, и во времена Аббасидов (VIII - XI вв.) численность населения Ирака Арабского доходила до 30 миллионов. Но затем вновь наступили века нашествий и междоусобиц. Турки-сельджуки, монголы, турки-османы, персы и афганцы – кто только не прошелся здесь, сея смерть, и разрушая, разрушая, разрушая. К моменту рождения Саддама Хусейна в Ираке жило 3 миллиона людей. Какие же понятия о государстве и государе были в крови у этих потомков шумеров, ассирийцев, персов, арабов и “всех-всех-всех”? Наверное, не очень ошибусь, если предположу, что благом виделась сильная и стабильная власть, что идеалом правителя был суровый, но справедливый халиф, шах, король...

Ур заметен издалека. Зиккурат древнейшего города – единственное возвышение над серой безжизненной равниной. В непосредственной близости от него находится воинская часть, так что к предку Вавилонской башни (он на добрую тысячу лет старше) не попадешь без особого разрешения. Руины были облицованы современным кирпичом лет тридцать-сорок назад. Под солнцем и испепеляющими ветрами из Аравии эта облицовка уже приобрела некоторые черты единства с местным ландшафтом, не так режет глаз, как другие, более свежие реконструкции. Поднимаюсь вверх, где на меня обрушивается горячий ветер пустыни. Верхушка зиккурата как бы сглажена, видимо, самую оконечность его растащили на кирпичи. Под ногами груды черных гильз. Здесь

во время американского вторжения в 1991 г. находилась огневая точка иракской армии. Волна за волной шли над многотысячелетней ступенчатой пирамидой американские бомбардировщики, пронеслись крылатые ракеты.

Величественный вид открывается на окрестные руины, видны остатки двух храмов, раскопы царских могил Ура, где в 20-х годах Леонард Вулли нашел золотой шлем царя Мескаламдуга и золотой головной убор царицы Шубад, а также знаменитое навершие арфы из золота. Когда я спустился вниз, мне показали выбоины на стенах зиккурата, произведенные осколками американских бомб.

В сотне метров от зиккурата находятся знаменитые царские могилы. В земле видны очень глубокие склепы, обложенные кирпичом, некоторые имеют стрельчатые своды, похожие на перекрытия готических соборов. Я спустился в один из них. Внутреннее строение склепа напомнило мне тоннель, ведущий внутрь пирамиды Хеопса. Здесь царл полумрак, было прохладно, хотя в нескольких метрах выше земля изнемогала от зноя.

Вулли, который потревожил прах древних царей, еще до Первой мировой войны начал заниматься раскопками на Ближнем Востоке, который тогда почти целиком входил в состав Османской империи. Научные изыскания были прикрытием шпионской деятельности – англичане исподволь готовились к удару по ослабевшему конкуренту. Будущий Лоуренс Аравийский начинал свою карьеру в составе одной из экспедиций Вулли. Шпионы вломились в царские склепы так же, как пославшая их “родина-мать” влезла в души арабских вождей, наобещав им с три короба в обмен на поддержку.

Сорок лет бушевал после этого арабский мир, стараясь стряхнуть с себя заклятых друзей. С этой ненавистью вырастали мальчишки в глухих деревнях, где никогда не видели британцев. Иракские восстания и военные перевороты, следовавшие одни за другими в 20-е, 30-е и 40-е годы, были направлены против английских ставленников. Словно месть земли, с которой сорвали покров тайны...

Проехав КПП Ура, выехали на пустынную дорогу и покатали в Насирию. Этот город - центр обширного края озер и болот, где живут удивительные племена, проводящие всю жизнь на воде. Так называемые озерные (или болотные) арабы, по арабски *мааданы*, населяют искусственные островки на огромных мелководных озерах близ слияния Тигра и Евфрата. Они исповедуют шиитскую версию ислама – наиболее чтимыми святыми для них являются ближайшие родственники Мухаммеда, погибшие в пору становления этой религии.

В центре Насирии восстанавливают мост, по которому десять лет назад нанесли удар американские бомбардировщики. На набережной Евфрата напротив здания провинциальной администрации вижу *мадейф* – плетеный из камыша гостевой дом. В таких шейхи мааданов принимают гостей.

Болотных арабов немного – около 60 тысяч. Но в древности и в колониальные времена они доставляли властям немало хлопот. Жизнь в труднодоступных местах всегда оберегала их от произвола правителей, традиции свободолюбия веками укреплялись в низовьях великих рек Месопотамии. Всякая попытка придавить их налогами или

поставить под полицейский контроль вызывала восстания. И при короле, и при сменившем его генерале Касеме.

Во время “Бури в пустыне” здесь по сообщениям западных СМИ тоже полыхали мятежи, и весь “свободный мир” выражал солидарность с теми, о ком никогда прежде не слышал. Я хочу сам увидеть тех, кто якобы бросил вызов Саддаму. Но провинциальное начальство с улыбкой говорит, что болотных арабов как таковых уже нет, они переселились со своих камышовых островов на твердую землю и занимаются земледелием. «Но если вам так хочется, мы отвезем вас в озерный край»...

По согласованию с властями определили район, где можно будет познакомиться с жизнью мааданов – окрестности города Амара. По дороге то и дело попадались глинобитные избушки, чрезвычайно убогие, словно декорации из африканской жизни. Среди дворов вмазаны какие-то то ли кувшины, то ли бочки из глины. Время от времени встречались обычные для этих краев кирпичные заводы с треснувшими трубами, схваченными железными обручами. Заводы эти, по меткому замечанию одного из журналистов, похоже, работают еще со времен вавилонских, настолько допотопный у них вид.

В Амаре мы долго стояли перед губернаторской резиденцией, поджидая очередную команду охранников, которые должны были сопровождать нас к мааданам. Кто-то из подходивших к машине военных сообщил, что на днях здесь были столкновения с мятежниками, поэтому до последнего момента стоял вопрос, поедем мы или нет.

Мы с полчаса сидели в машине, обливаясь потом – кондиционер работал кое-как. Наконец нас пригласили в

резиденцию, конечно, предварительно обыскав. Нас принял вице-губернатор – очень смуглый плотный мужчина с редкими волосами, облепившими череп. Держался он как-то неуверенно, глаза у него выражали то ли тревогу, то ли затаенный испуг, он нервически доставал из голубой пачки “Шумера” сигарету, закуривал, смотрел на меня извиняющимся взглядом. Потом мне сказали, что незадолго перед тем здесь были американские журналисты, которые, как водится, понаписали об увиденном какую-то злобную чушь.

Наконец нас пригласили в машину. Двое плотных, крепких сопровождающих сели в свою “Тойоту-Крессиду”, и мы поехали вслед за ними из Амары. Нам сказали, что ехать километров тридцать. По сторонам потянулись унылые бесконечные равнины. Затем горизонт резко сузился из-за дамб, за которыми угадывались озера.

На повороте дороги большой военный лагерь, вокруг выставлены на насыпях пулеметы, стоят палатки, масса военных автомобилей. Мы свернули и вскоре въехали в уездный центр, где к нам присоединились еще две машины, набитых вооруженными солдатами.

Миновали, может быть, еще километров 8-10 сначала по дороге, потом по дамбе и прибыли, наконец, в убогое селение мааданов. По дороге мы видели буйволов, они паслись у воды, некоторые стояли по ноздри в воде. В этой деревне было несколько жалких коровенок, у берега озера там и сям виднелись плохонькие одноместные лодки, кое-как обмазанные битумом. Аборигены, запуганные, встревоженные выглядывали из глинобитных хижин, крытых соломой. Еще бы – ни с того, ни с сего в деревню врывается толпа, состоящая

наполовину из автоматчиков, которые тут же рассредоточиваются по периметру и все время, пока идет беседа с одним из жителей, вынырнувшим из своей избушки, зорко поглядывают по сторонам.

Тридцатилетний маадан в измызганной, заштопанной дишдаше отвечал односложно, уклончиво, да и у меня язык с трудом поворачивался задавать ему вопросы. Не возбуждает любознательность, когда вокруг тебя стоят полдюжины вооруженных солдат и несколько гражданских, которые наделены неизвестно какими полномочиями. Не будешь особо лезть в душу. Неудивительно, что никаких гостеприимных жестов с его стороны не последовало. Он сказал только, что живут они неплохо, ловят рыбу. Я спросил: “Рис сажаете?” “Вот уже три года не сажаем, наши земли залило водой”. Но ему сделал замечание один из сопровождающих, приставленных местной администрацией: “Как это? Вы в прошлом году сажали, не говори глупостей!”. Деревенский сказал: “Да нет”. “А я тебе говорю, вы сажали” – с нажимом подчеркнул сопровождающий. Озерный араб умолк. Я не настаивал на дальнейших расспросах, только попросил позволения заглянуть в жилище.

В хижине ничего нет, кроме двух циновок на полу, сбоку столик размером в три ладони, где стоит алюминиевая тарелка. На ней лежат обломки черной засохшей лепешки. Ребятишки, крайне замызганные, но довольно красивые, все время толпились вокруг нас, и я пожалел, что у меня не было с собой каких-нибудь сладостей (с этим в Ираке сложно – нет сахара), чтобы раздать им. Единственное, что я привез с

собой, это автоматчики. Не знаю, что обо мне подумали эти нищие люди, но явно ничего хорошего.

Я поблагодарил за то, что нам показали жизнь, как она есть. И попросил продемонстрировать нам плетеный из камыша гостевой дом вождя - мадейф. Мне сказали: хорошо, сейчас поедем в Амару, там по дороге будет мадейф. Проехали несколько километров и, действительно, слева от дороги увидели необычное сооружение. Все вокруг было довольно неприглядное, и оно выделялось среди этих построек из серого кирпича своей, можно сказать, архитектурой, хотя и сплетено из камыша. И снаружи, и внутри оно производит очень приятное впечатление – просторно, арки и поперечные балки тоже из камыша, все выглядит, я бы сказал, вкусно, аппетитно, как хорошая работа корзинщика. Арки и балки внутри немного обуглились от очага, который находится в центре мадейфа, хотя, здесь, мне сказали, не разводят огонь, приносят угли из другого места, и тут на них варят кофе.

Унылые и невыразительные здесь места. Земля до крайности засолена, вся покрыта серыми кучами – словно свинья рылом изрыла. Только огромные озера, кажущиеся продолжением этой безотрадной равнины, смягчают враждебный человеку пейзаж...

Переселение мааданов с камышовых островов на сушу, конечно, процесс прогрессивный, полунищая жизнь в кишацих малярией краях должна уйти в прошлое. Вряд ли кто-то из тех, чьи предки жили разведением буйволов да рыбной ловлей, захочет вернуться к этому образу жизни. Но все-таки немного жаль, что не удалось увидеть быт, просуществовавший со

времен древнего Вавилона до недавних лет, не привелось проплыть на “шумерской” плетеной лодке, обмазанной самородным асфальтом. Какой-то черточки не достанет для понимания духа страны, а значит и образа вождя. Ведь в телевизионных клипах я не раз видел, как молодой Саддам выходит из лодки на камышовый островок под приветственное пение мааданов. Конечно, съемка делалась в те времена, когда здесь было спокойно, когда жизнь в Ираке с каждым годом становилась все лучше. Перепадало от богатого нефтяного пирога всем нациям и племенам. Да и оставшуюся с королевских времен диспропорцию в подборе кадров Саддам исправил – в высшем эшелоне власти появилось много шиитов, а также представители национально-религиозных меньшинств.

Возвращаюсь в Багдад другой дорогой. Опять потянулись унылые бесконечные равнины, покрытые фиолетовыми лужами, посреди которых женщины в черных абаях, добывающие из этого рассола самородную соль. Плюс 50 на открытом солнце, ни веточки вокруг...

Какой контраст с иссохшей, просоленной землей Шумера являет собой холмистый север Ирака, покрытый бесконечными полями пшеницы и ячменя! Это здесь выросли первые ростки ассирийской государственности, которая унаследовала и приумножила могущество древних царей Ура и Вавилона. Саддама Хусейна чаще всего сравнивали именно с владыками Ассирии, наводившими ужас на соседние страны. С их появлением на сцене истории впервые был явлен миру семитический дух. В смысле кровного родства арабы гораздо ближе к ассирийцам, чем к любому другому народу, прежде

владевшему Месопотамией. Но сегодня их объединяет, пожалуй, только общая земля. История развела их далеко друг от друга. Один миллион ассирийцев, живущих сегодня в окрестностях руин их древних столиц Нимруда, Ассура и Ниневии, исповедует христианство. В отличие от иракских генералов 30-х годов, гордившихся усмирением восставших ассирийцев, Саддам Хусейн никогда не выказывал враждебности к ним. Находящиеся в этом краю древние церкви и монастыри не раз посещал и сам Саддам, и его сын Удэй. Христианин несторианского толка Тарик Азиз входил число самых доверенных людей Саддама, занимая высокие посты в Совете Революционного Командования и в правительстве. Поэтому в поисках “ассирийской составляющей” баасистского режима я отправился на север, в старинный Мосул.

После поселения в гостинице и обеда мы поехали в Нимруд, это 34 километра от Мосула. По самой окраине города тянутся огромные валы Ниневии, затем дорога идет холмами, засеянными пшеницей. Все вокруг нежно-зеленое. Наконец, видим указатель на Нимруд, сворачиваем и выезжаем на дорогу, с которой виден конус зиккурата. Подъезжая к нему, вижу, что в нижней части пирамиды обнажились под снятым слоем земли огромные правильные блоки из камня, которые составляют основу этого сооружения, примерно, на высоте двух-трех метров над ними кирпичная кладка и дальше снова идет слой земли.

Мы объехали вокруг зиккурата и увидели обширную площадь, обнесенную колючей проволокой. Сразу бросились в глаза знакомые еще со страниц школьного учебника истории

пятиногие быки с человеческими головами, которые охраняют вход в царский дворец. Дальше возведены навесы, под которыми, видимо, находятся основные находки, обнаруженные археологами. К сожалению, день сегодня нерабочий, зрителя нет. Я поглядел из-за проволоки на изваяния, потоптался у ограды и решил осмотреть недавно раскопанные постройки метрах в 200 от дворца.

Оказалось, что это храм бога Набу, покровителя письма, того самого, который в шумерские времена был покровителем Борсиппы. Через многие века семиты Ассирии включили его в свой пантеон, как позаимствовали вообще многое у древних хозяев Месопотамии. И зиккураты воздвигали с усердием, хотя и не такие громадные, как шумеры и вавилоняне. И статуи богов то и дело увозили из Вавилона как заложников. Но хоть и завоевали их, но гнева божеского опасались, ублажали пленников. И сами потом принялись высекать их фигуры – очень величественного Набу я увидел потом в багдадском музее, судя по ассирийской внешности, этого бога пишущей братии вывезли именно из здешнего храма.

На момент моего посещения храм был пуст, только при входе в него меня поприветствовали две статуи лежащих человеко-рыб – голов нет, сохранились только туловища с крупной чешуей.

Храм бога-покровителя писателей и всех профессионально владеющих пером представляет собой квадрат со сторонами метров 100-120, разделенный на меньшие помещения. Пол выложен каменными плитами. В одном из закутков я увидел глубокий колодец, возможно, это был вход в подземелье или, говоря сегодняшним языком, в

бункер давно превратившегося в прах властелина. Впрочем, царям Ассирии вряд ли приходилось опасаться налетов “Фантомов” или ударов крылатых ракет. Хотя многие черты древней месопотамской религии и современного иракского фольклора (который суть послание отдаленных веков нынешнему поколению) говорят о том, что на этой земле всегда было не вредно поглубже зарыться в грунт...

Те боги, во имя которых возводились зиккураты Ура и Вавилона, а затем Ассирии, были новым поколением небожителей, которые пришли к власти над вселенной после победы над своими прародителями. Богиня Тиамат, представлявшаяся жрецам Месопотамии в виде то дракона, то семиголовой гидры, была убита ее сыном Мардуком, расчленена, и из одной половины ее труп божественный отпрыск сотворил небо, а из другой – землю. Кровавые мифы о битвах старших и младших богов пошли гулять по миру из этих мест. А здешние жители услаждали все новые поколения сказками, в которых буднично таскают в мешках отрубленные головы собственных сыновей, едят убиенных родичей и изощренно казнят нехороших героев. Памятуя обо всем этом, я адресуюсь к насупленным правозащитникам, которые в 1990 году вдруг обнаружили тоталитарное исчадие в междуречье Тигра и Евфрата: читайте иракские сказки, пролистайте исторические сочинения! А если вы знаете, что было здесь в течение тысячелетий, почему не образовали Комитет по воссозданию нелегитимно расчлененного тела Тиамат?

Храм является только одной частью холма, много еще не раскопано, видны стены, видны всхолмления на месте других построек, значит, работы здесь еще будет много. Но в целом

можно составить представление о мощи этих укреплений. Они так грозно высятся над окружающим миром. Во все стороны тянутся покрытые пшеницей волны земли. На горизонте видны горы, очень красивое, былинное, я бы сказал, место. В стране, разрушенной невероятными по жестокости бомбардировками, заботятся о том, чтобы освободить из плена веков храмы умерших богов, чьи имена стерты историей и забыты потомками тех, кто трепетал при виде базальтовых изваяний. Каким запасом исторического оптимизма надо обладать, чтобы продолжать копать в земле в поисках черепков в соседстве еще не разобранных руин заводов, мостов, казарм! Не зря Саддам постоянно предстает на экранах телевизоров с речами, уснащенными историческими примерами. Похоже, он ощущает себя плывущим в потоке времени – и здесь ощущает дружеское касание дланей Хаммурапи, Навуходоносора и Ашшурбанапала.

Возвращаясь с севера в Багдад, решили посетить руины религиозного центра Ассирии - Ашшура. Местность по сторонам дороги все такая же всхолмленная, в основном засеянная хлебами, лишь каменистые участки оставлены для выпаса скота, вижу небольшие стада. То приближаемся, то отдаляемся от блестящей под солнцем поверхности Тигра...

Ашшур стоит на высокой речной террасе, и главный зиккурат вздымается над быстрым водным потоком. Когда я подошел ко входу в гробницу, находящуюся внутри зиккурата, из подземелья вынырнула и быстро побежала по стене большая светло-зеленая ящерица, она сделала полукруг над порталом гробницы и юркнула в щель в кладке. Маленький

дракончик, обитающий в гробнице, возможно, приходится отдаленным потомком вселенскому дракону Тиамат – меня отчего-то мороз продрал по коже при взгляде на эту бледную замогильную немочь.

Я поднялся на вершину зиккурата и увидел широкую панораму вокруг, селение Калат-Шергат, примыкающее к Ашшуру, Тигр, делящийся на два рукава прямо у стен древнего города, а посередине этих рукавов зеленый остров. Не исключено, что ассирийские владыки устраивали на нем пикники по возвращении из кровавых нашествий. На стенах их дворцов археологами прочитаны хвастливые реляции об ужасающих пытках и казнях, которым предавали побежденных цари Ассирии. Пожалуй, ни до, ни после не было правителей, так кичившихся своей жестокостью, упивавшихся страхом, внушенным завоеванным и поработанным народам.

Ассирия – третья по времени возникновения великая держава, существовавшая на земле Междуречья. По сравнению с Шумером и Вавилоном это государство было моложе на тысячи лет, но оно было и самым воинственным и сильным. Первая мировая империя была создана именно ассирийскими царями, их владения в пору наивысшего расцвета Ассирии простирались от Ирана до Средиземного моря и Египта. В состав своего государства они включили почти все культурнейшие страны того времени.

Именно ассирийцы разгромили и увели в изгнание древний Израиль. Пророки еврейские слагали свои скорбные псалмы в городах Ассирии. В память о Иеремии до сих пор стоит мечеть на окраине библейской Ниневии (нынешний Мосул), где, по преданию, погребен пророк. В маленьком

городке Эль-Эзр на юге Ирака сохраняется гробница пророка Эзры или Ездры, как привыкли мы читать в славянской Библии. Украшающие эту гробницу надписи на иврите смотрятся довольно странно в государстве, где все пронизано неприятием “сионистского образования”, и, тем не менее, именно по приказу Саддама Хусейна были отреставрированы все древнееврейские святыни, находящиеся на библейской земле.

Сейчас евреев в Ираке нет или, по крайней мере, нет их в сколько-нибудь приметном числе. Но еще в первые годы после Второй мировой войны в Багдаде жили десятки тысяч последователей Эзры. Трудно было назвать другой город на Востоке, где была бы столь многочисленная и влиятельная еврейская община. Недаром и первое руководство иракской компартии – главного противника БААС – состояло на добрую половину из евреев...

Ассирийцы были первыми семитическими властителями Междуречья. Ужасающая жестокость их воинства, которое до основания разрушало города, истребляло население, уводило в плен и рассеивало целые народы, вполне согласуется с теми текстами Библии, в которых повествуется о геноциде, учиненном “богоизбранным народом” на землях Палестины. Ассирийцы, евреи, арабы, - все это ближайшие родственники, и сама система племенного родства, обычаи были присущи всем семитам в равной степени. Так что изучать характер арабов-потомков Исмаила (сына Авраама) вполне уместно по библейским книгам. Тора является столь же авторитетным источником для изучения арабского прошлого, как и для прошлого еврейского. Недаром и те, и другие чтят Авраама

(сиречь Ибрагима), своего праотца. Только иракцы почитают патриарха на его родине, а евреи там, где Авраам некогда сделал остановку на своем долгом жизненном пути.

Здесь, в Ашшуре, история шумеро-вавилонской религии пришла к своему завершению – во всяком случае, зиккуратов больше не строили. На Востоке занималась в ту пору заря нового великого вероучения Заратуштры. Больше тысячи лет религия ариев господствовала там, где прежде правили Мардук, Набу и Ашшур (именно в честь этого бога назвали столицу Ассирии). Пока не была сокрушена новой волной семитического нашествия из глубин Аравии.

Всего несколько дней минуло с тех пор, как я стоял на вершине зиккурата Борсиппы и взирал на бирюзовый купол мечети, воздвигнутой на месте рождения праотца доброй части человечества. Но когда я смотрел на быстрые воды Тигра, мне на какое-то мгновение показалось, что целые века разделяют два восхождения на вершины месопотамских пирамид. Словно память земли передалась мне, и я обрел историческое зрение, чтобы проникнуть в душу этой земли.

Когда смотришь с вершины холма вниз, на занесенные песками тысячелетий руины, кто бы ты ни был, ты неизбежно задумаешься о прошлом, о своем месте в потоке времени. Но если ты воздвигнешь дворец над руинами и будешь обитать в нем, то тут уж, без всякого сомнения, исторические грезы станут твоей повседневностью, и ты, чего доброго, уподобишь себя древнему властителю, уверишь себя, что ты понимаешь побудительные мотивы его поступков, постигаешь его замыслы, ощутишь себя его преемником и решишь, что ты тоже посланец небес. Во всяком случае, одна из любезных

сердцу Саддама пропагандистских метафор - “подарок неба народу в трудные времена”.

Над руинами Вавилона незадолго до гибели саддамовского режима было воздвигнуто великолепное белое здание – очередной дворец президента Ирака⁴. Если это так, то у него, несомненно, была потребность общения с прошлым. Здесь Валтасар прочел на стене пиршественного зала огнем горящие письма “мене, фарел, такел”. Здесь великий Навуходоносор, разрушитель израильского царства, приносил жертвы на вершине ступенчатой пирамиды, ставшей символом величайшей гордыни. Здесь в одном из покоев дворца, лежащего сегодня в руинах, умер величайший из царей – Александр. Не ошибусь, думаю, если предположу: человек, часами смотревший из окна на руины самого знаменитого города древности и знавший, что сегодня он властитель этого города, ощущал себя новым Александром. Если полчаса, проведенные на вершине зиккурата Борсиппы

⁴ Общая площадь четырехэтажного здания составляла несколько сот тысяч квадратных метров. Роскошные мраморные залы, парадные лестницы, гигантские люстры, бесконечные фрески, посвященные различным эпизодам истории Месопотамии. После вторжения «освободителей» сюда нагрянули полчища мародеров, разграбившие дворец – исчезла мебель, ковры, унесли все вплоть до водопроводных кранов и выключателей. В довершение ко всему в залах установили палатки американских солдат. Потом Вавилон стал зоной ответственности поляков, которые окончательно загадили чудо архитектуры.

Схожая судьба постигла и другие дворцы Саддама.

под ударами горячего ветра пустыни вызвали у меня, гостя из далекой страны такую цепь волнующих ассоциаций, то что должен был чувствовать действительный властитель этих холмов, этой земли и того, что в ней – до последнего черепка и человеческого захоронения.

Огромные изумленные глаза шумерских царей, усталожестокие лица владык Вавилона, надменные бородатые лики властителей Ассирии и, наконец, холодный величавый облик Александра – вот чьи взгляды ощущал на себе недавний властелин Месопотамии. Могучие и грозные сыны человеческие взирали на дела нового посланца небес. Они навсегда остались в истории, неподвластные суду потомков. Не тот же ли жребий уготован и тому, кого сегодня осыпают проклятьями одни и благословляют другие?

СРЕДЬ ВЫСОКИХ ХЛЕБОВ

На въезде в иракский город Тикрит стояла триумфальная арка, украшенная изображением Саддама Хусейна, стреляющего вверх из пистолета. Таким образом было увековечено одно из посещений президентом родных мест – в тот приезд он посетил свадьбу в одном из тикритских домов и по обычаю пострелял в небо из пистолета, который всегда носил на боку...

Первое, что бросается в глаза, когда подъезжаешь к городу – все очень ухожено, гораздо тщательнее, чем в других местах, которые я посетил в Ираке. Город новенький, свеженький. Почти все дома возведены недавно, видны подъемные краны – строятся мечети. Таким он был не всегда, на старых фотографиях родина президента Ирака выглядит

бедным захолустным городишкой. Произшедшую метаморфозу легко объяснить – все, что связано с личностью Саддама Хусейна, было окружено особым почтением, власти старались поддерживать в наилучшем состоянии все, что напоминало о деяниях национального героя.

Возле резиденции губернатора, украшенной большим портретом президента Саддама Хусейна, немногочисленно. Чиновник провожает к дверям губернаторского кабинета. Вхожу в совершенно пустые покои, уставленные красивой мебелью. За креслом губернатора высятся два огромных бумажных букета, обрамляющие портрет президента, слева от стола батарея телефонов – картина знакомая по приемным наших больших боссов.

Появляется губернатор (Гази Ахмад аль-Хаттаб), высокий подтянутый мужчина в темно-зеленой форме военного образца с револьвером на боку. Он пожал мне руку и заговорил, к моему удивлению, по-русски. Сказал: переводчик не нужен. Это была, в общем-то бравада. На самом деле он, конечно, не настолько хорошо знал русский.

Вскоре ситуация объяснилась. Оказывается, 40 лет назад он пять месяцев провел в Рязани, где учился в военном училище, которое готовило экипажи самолетов ТУ-16. Губернатор вспомнил, что за несколько дней выучил пятьсот русских слов и настолько хорошо овладел русским языком, что многие считали его переводчиком того обитателя общежития, который жил с ним. Губернатор пояснил: “Там же очень рано светает, в 6 утра, поэтому у меня день был длинный, и я подолгу учил русские слова”.

Беседа наша вращалась в основном вокруг темы происхождения Саддама Хусейна и его принадлежности к племени бегат. Когда я спросил губернатора, кто сегодня является шейхом этого племени, он сказал: "Я". Но потом улыбнулся и объяснил, что на самом деле племя предложило стать шейхом президенту, и он согласился. Но, конечно, не формально, а в почетном смысле.

Вообще сказать, интерес мой к теме "Племя и Саддам" хозяин кабинета не понимал. "Зачем об этом писать?" - недоумевал он. В Ираке считают, наверное, что европейцами движет интерес к восточной экзотике. Но меня в данном случае занимали не племенные корни современных правителей Ирака, а духовная атмосфера, в которой воспитывался Саддам Хусейн. Поэтому, когда губернатор сказал, что предыдущим шейхом был его отец, Ахмед аль-Хаттаб, который правил племенем многие десятилетия, я сосредоточился в своих расспросах на фигуре этого могучего старца. То, что старец был могучим, можно судить по фотографии, на которой шейх был снят на коне - кончик сапога, выглядывает где-то на уровне колена лошади.

Беспокойное и вольнолюбивое племя бегат, издавна обитавшее по среднему течению Тигра в окрестностях городка Тикрит, может гордиться своей историей. Много десятилетий оно боролось против турецкого господства. Одно восстание следовало за другим, и случалось, что племени приходилось подниматься с обжитых мест и уходить от преследований в незнакомые края.

В прошлом веке самым известным человеком племени был шейх Амарбек, которого величали неофициальным

губернатором Тикрита – без его мнения не решалось ни одно дело. Соплеменники уважали его за справедливость и говорили, что Аллах благоволит ему – 14 сыновей взрастил вождь. Один из этих сыновей стал дедом школьного учителя Хайраллы Тульфаха, который жил и работал в окрестностях Тикрита в середине прошедшего столетия.

Когда в саманной деревеньке под Тикритом 28 апреля 1937 года появился на свет племянник Хайраллы Тульфаха Саддам, племенем бегат давно уже правил Ахмед аль-Хаттаб. Этот патриарх добрую часть своей жизни провел в войнах и восстаниях. Еще до первой мировой войны он поднял мятеж против турок, затем в 1920-м году сражался против англичан.

Будущий президент Ирака родился сиротой – его отец умер до рождения мальчика. Полное имя отца Хусейн аль-Маджид аль-Абид аль-Гафур аль-Абид аль-Кадыр. Младший брат его, Хасан, дал племяннику имя Саддам («наносающий удар, поражающий»), словно предугадав его характер.

Советский востоковед Б.Сейранян, не очень-то расположенный к Саддаму Хусейну, писал в биографическом очерке, посвященном иракскому лидеру: «Мальчик рос в семье дяди аль-хадж Ибрахима аль-Хасана, который, согласно местным обычаям, после смерти брата женился на его вдове. В глинобитном скромном доме дяди в деревне аш-Шувейш, куда переехал Саддам с матерью, было много детей и мало достатка. Детство Саддама не назовешь ни радостным, ни безмятежным. Он рос в труде и лишениях, не зная материнской ласки и семейного тепла, среди бедных крестьян и бедуинов, у самого края пустыни. В маленьком

мирке, так уж распорядились история и география, господствовали культ грубой силы и суровые нравы.

С ранних лет судьба не баловала Саддама, ему приходилось самостоятельно принимать многие жизненно важные решения. Свое сиротство, одиночество он ощущал постоянно, но с детства привык скрывать свои настоящие чувства. Они же, как бы в компенсацию тщательно скрываемого одиночества, влекли его к общению с людьми, подталкивали к поиску друзей, благо нравы, царившие в родных местах Саддама, где еще было сильно влияние общинно-племенных и семейно-клановых связей, облегчали избавление от необщительности и замкнутости. Люди, знавшие его подростком, помнят, что он вечно был окружен детворой и всегда верховодил в мальчишеских играх и забавах. При этом его авторитет и популярность среди сверстников родной деревни не основывались на силе, грубости или «мастерстве» в сквернословии. Напротив, свидетели отмечают его внимательность, деликатность и особый дар общения с товарищами, а главное – какой-то необъяснимый внутренний магнетизм Саддама, притягательность. Другой характерной особенностью подростка была широта натуры: он буквально мог снять и отдать товарищу свою рубашку, а на расспросы домашних ответить как нечто само собой разумеющееся: «Я подарил ее своему другу, потому что его была совсем рваной».

Таким образом, благодаря своей общительности, умению быстро и легко сходитья с людьми, Саддам имел много приятелей и хороших знакомых как среди сверстников, так и взрослых обитателей деревни, учась у них жизненным

премудростям. И все же в начале особую роль в становлении личности подростка сыграли четыре человека: его мать – Субха Тульфах ас-Салт; дядя по отцу аль-хадж Ибрахим аль-Хасан, он же – приемный отец, человек решительный и смелый, который был опорой Саддама в детстве и, по мере сил, старался облегчить нелегкую жизнь борца и подпольщика-террориста в его юные годы; дядя Саддама по материнской линии аль-хадж Хайраллах Тульфах и, наконец, его старший двоюродный брат Идхам, сын Ибрахима аль-Хасана, который был одним из самых близких ему людей в детские годы и, ввиду того, что они росли в одной семье, фактически считается братом Саддама»⁵.

Итак, даже биограф, негативно настроенный к Саддаму Хусейну, не мог обойти очевидные факты, говорящие о человеческой притягательности и выдающихся качествах лидера, проявившихся уже в годы становления его личности. Это очень характерно для большинства сочинений, вышедших из под пера антисаддамовских публицистов. Как бы ни старались они представить иракского президента исчадием ада, но, касаясь каждого конкретного эпизода его жизни, они вынуждены признавать разумность, взвешенность и дальновидность его поступков...

Хайралла в 30-х годах служил офицером в королевской армии. Именно в этой среде националистические идеи находили наибольший отклик. Протест патриотов вызывало фактическое господство Великобритании в стране,

⁵ Б.Сейранян. Звезда и жизнь диктатора. “Азия и Африка сегодня” N1-1994

осуществлявшееся через посредство марионеточных правителей, таких как возведенный англичанами на иракский престол сын мекканского шерифа Фейсал и его премьер-министр Нури Саид. Не случайно привлекла симпатии на Ближнем и Среднем Востоке новая политическая сила, пришедшая к власти в центре Европы. Пример Германии, сумевшей подняться после долгих лет оккупации и полуколониального грабежа со стороны держав-победительниц, вдохновлял и молодого иракского короля Гази, сменившего отца в 1933 году и спустя шесть лет погибшего в загадочной автокатастрофе. Смерть Гази, подстроенная, по-видимому, английским прихвостнем Нури Саидом, не привела, однако, к наметившейся переориентации иракской политики. В 1941 году на волне антианглийских настроений к власти пришло правительство Рашида аль-Гайлани, занявшее прогерманские позиции.

На аэродромах в окрестностях Мосула и Багдада начали приземляться “мессершмиты” и “фоккеры” германских люфтваффе, некоторые из них долетали до Бахрейна и бомбили английские военные базы. Стало вероятным и дислоцирование частей вермахта в Ираке. Британия поспешила отбросить всякие разговоры о суверенитете и демократических ценностях. В мае 1941 ее войска вторглись в Ирак со стороны Персидского залива и Иордании.

После британского вторжения вождь племени бегат шейх эль-Хаттаб опять поднялся на борьбу. Когда премьер-министр Гайлани был свергнут, 94-летний вождь был сослан колонизаторами на несколько лет в Индию. Тем не менее, он

прожил 120 лет и умер в 1967 году. Неплохой пример для подражания имели мальчишки племени.

Сопrotивление слабо подготовленной и плохо вооруженной иракской армии продолжалась около месяца. Захваченные в плен офицеры были заключены в концентрационный лагерь, среди них оказался и Хайралла Тульфрах. До самого конца мировой войны он находился в заключении сначала на острове Фао, затем в Амаре.

Правительство Гайлани было признано Советским Союзом, было объявлено об установлении дипломатических отношений между двумя странами. Британская агрессия была сурово осуждена советской печатью. Но начало войны с Германией привело к переориентации советской политики на 180 градусов. Уже вскоре после захвата Ирака британские войска совместно с советскими напали на нейтральный Иран и заставили Реза-шаха отречься от престола. Что бы ни рассказывали о зверствах нацистов в Европе подконтрольные оккупантам газеты, они не могли умиротворить людей, собственными глазами видевших английские бомбардировщики над Багдадом, патрули в иностранной форме на фоне мечетей, слышавших фальшивые речи иностранных ставленников в “парламенте”, знавших, что за колючей проволокой томятся тысячи соотечественников.

Обо всем этом необходимо говорить при рассуждении о геополитических амбициях Саддама Хусейна, ибо, только увидев вектор его идейного становления, поймешь и смысл его действий как политика. Хотя бы на примере отношения к основным участникам Второй мировой войны можно показать неоспоримость тезиса “Запад есть Запад, Восток есть Восток”.

Для Запада победа над Германией и ее союзниками представляется по сей день абсолютным благом. Для мусульманского Востока, получившего в результате Великой Победы болезненную язву в виде еврейского государственного образования, результат представляется не столь блестящим...

Хайралла был одним из тех людей, которые служили связующим звеном между прошлым и будущим. Атмосфера исторических преданий о былом могуществе арабов, о делах племени, которому принадлежали дядя и племянник. И в то же время мечты о достойном будущем нации, которое виделось на путях модернизации, приобщения к индустриальной культуре, и, как итог, достижение равенства с богатыми и образованными народами. Вот что определило духовное становление Саддама.

Еще мальчишкой он услышал рассказ о том, как в 1726 году во время нашествия персидской армии Надир-Шаха Тикрит пережил 30-дневную осаду. Предок Саддама эмир Омарбек собрал тогда 6 тысяч воинов племени бегат и соседних племен и изгнал персов.

Пламенные патриоты-националисты собирались в доме дяди. С детских лет Саддам предавался размышлениям о великом историческом прошлом арабов, об их унижительном настоящем, о многих веках угнетения со стороны персов, турок и англичан. Каким несправедливым виделся рок истории – выскочки стали править миром, в то время, как библейская Месопотамия, славное Междуречье превратилось в захолустье.

Великое прошлое пробуждает мечты о великом будущем. Но если будущее весьма расплывчато, то картины прошлого кажутся такими реальными, осязаемыми – одно героическое усилие, и ты вновь стоишь на поле чести рядом со своими предками. Адмирал Хорти ободрял искромсанную Версалем Венгрию картинами раннего средневековья, когда мадьярские всадники штурмовали Париж и Константинополь. Польша времен Пилсудского и Рыдз-Смиглы тоже хорохорилась: как же, бивали москалей и даже в Кремле с Гришкой Отрепьевым и Мариной Мнишек сживали. Что же говорить об униженной арабской нации, которая когда-то овладела культурнейшими странами трех континентов...

Главными книгами арабских патриотов были в ту пору сочинения сирийского христианина Мишеля Афляка, главного идеолога панарабизма. Получив образование в Сорбонне на рубеже 20-30-х годов, он испытал воздействие как со стороны европейского социализма, так и поднимавшегося фашизма. Будучи представителем угнетенной колонизаторами страны, Афляк, естественно, не мог принять расизма германских национал-социалистов, а впечатляющая победа Сталина над фашистским блоком еще более укрепила “социалистическую составляющую” его национализма. В одном из первых его произведений, посвященных пророку Мухаммеду “Память о пророке ислама” (1943), он выдвинул тезис о примате национального начала над религиозным. Можно одной фразой сформулировать эту идею таким образом: арабизм выше религии⁶.

⁶ И на Западе, и в российской печати нередки утверждения, что режим БААС, олицетворяемый Саддамом,

Эта впитанная с юных лет идеология скажется впоследствии – Саддам исключительно терпимо относился к различным религиям и религиозным толкам. И в военном столкновении с Ираном проявилась афляковская закваска: если армия Хомейни сражалась под лозунгами “священной войны”, то иракские солдаты умирали за знамена арабской нации...

представлял собой некий аналог германского национал-социалистического режима. Беседуя в Багдаде с членом общеарабского руководства БААС Элиасом Фарахом (май 1995 г.), я специально остановился на этом вопросе.

Каковы были отношения Афляка с европейским национализмом того времени, когда он учился во Франции? И можно ли говорить о воздействии на него идей европейского национализма?

- Сильное влияние в Европе имели социалистические движения. Афляк находился под влиянием социализма, а его националистические взгляды и стремление к освобождению возникли у него до того, как он приехал в Париж, потому что Сирия и в это время вела борьбу против колониализма. В 1925 году, до того, как он приехал в Париж, там произошла национальная революция. Дамасский квартал Мейдан, где жил Мишель Афляк в это время, был центром революционных настроений, именно там началась революция. Так что Европа оказала на него влияние не столько в националистическом, сколько в социалистическом смысле. Потому что социалистические партии в это время несли идеи национальной и социальной революции.

В годы юности Саддама арабский национализм переживал время расцвета. Партия Арабского Социалистического Возрождения (БААС), созданная в 40-х годах группой сирийцев-христиан, проповедовала идею единого государства арабов от Персидского залива до Атлантики. Она приобрела множество сторонников везде, где слышалась арабская речь. Появились региональные

Но в Европе тогда, насколько я знаю, социалистические и коммунистические партии имели проеврейскую ориентацию, и были националистические партии с сильной социалистической составляющей, партия Муссолини, например. В Германии тоже были националистические и социалистические партии, выступавшие против евреев. Интересно, Афляк понимал эту проблематику?

- В социалистических партиях есть еврейская линия, но они не еврейские партии. У этих партий были великие цели. Они выступали против капитализма, который был против нас, который колонизировал нас. Поэтому социализм был фактором освобождения народов от колониализма.

Значит, с Муссолини не было у него никаких контактов?

- С начала основания партии БААС Афляк и его соратники критически относились к этим националистическим партиям. Они с самого начала были против националистического экстремизма. Мы не смотрим на арабов, как на расу. Поэтому баасисты были против фашистов и нацистов.

отделения, подчинявшиеся Общеарабскому руководству в Дамаске.

По всему арабскому миру – от Марокко на далеком западе до южной оконечности Аравии – зарождались проекты слияния государств, населенных арабами. В 1958 году было объявлено о создании сразу двух объединений – Арабской федерации в составе Ирака и Иордании, а также Объединенной Арабской Республики (Египет и Сирия). Многим казалось, перспектива возрождения великой державы от Атлантики до Индийского океана становится реальной.

Одним из самых сильных отрядов БААС стали иракские последователи Мишеля Афляка. Саддам уже 18-летним юношей был активным функционером партии, писал ночами на стенах лозунги партии. С детских лет находясь под идейным влиянием своего дяди Хайраллы, уроженец бедной деревеньки в среднем течении Тигра намного опережал сверстников в своем духовном развитии. Быть может, если бы среди его родни не было такого закаленного политического бойца, Саддам еще не скоро пришел бы в революционное движение...

После поездки по Тикриту, последовавшей за приемом у губернатора, мы переправились через Тигр. На выезде с моста увидели статую с винтовкой. Я спросил, кто это. Оказалось, памятник поставили человеку, покончившему жизнь самоубийством (бросившемуся, видимо, с этого моста в Тигр), так как ему отказали в приеме добровольцем в армию во время ирано-иракской войны. «Своеобразная ситуация», подумал я. И позднее не раз повторял эти слова при виде многочисленных памятников, поставленных в Ираке в эпоху

Саддама. И мотивы их сооружения, и эстетические принципы казались весьма непривычными, если не сказать больше.

В южном городе Басре на набережной Шатт-эль-Араба (так именуется водный поток, образованный слиянием Тигра и Евфрата) в глаза бросается большая бронзовая фигура, от которой по влево и вправо выстроились десятки бронзовых статуй поменьше – изваяния генералов и офицеров, павших на ирано-иракской войне; их число в одну сторону 35 штук, а в другую – около 50. Великан – это погибший *во время* войны (но не *на* войне) с иранцами министр обороны Аднан Хайралла Тульфах, шурина Саддама. Каждая из фигур указывает перстом за реку, в сторону Ирана.

Сделаны памятники добротнo, хотя и топорно. Основания их представляют собой сужающиеся книзу конусы, составленные из многогранных бетонных плит, положенных одна на другую, и, таким образом, уходящие в воды Шатт-эль-Араба. Верхняя плита обнесена бордюром, и статуя крепится на небольшой пьедестал посередине этой плиты. На пьедестале две таблички из бронзы. Фигуры, говорят, обладают портретным сходством. Усатые, носатые, в шлемах, с обнаженной головой.

Где-то в тех же местах видел я статую человека, сражающегося с акулой. Впрочем, то скорее была не картина сражения, а картина последствий: акула была аккуратно рассечена на куски. Очень похоже на творение титана грузинской художественной школы Зураба Церетели: тот изобразил на главном московском памятнике Победы Георгия Победоносца, пронзающего пасть дракона. А тело супостата почему-то заботливо порезал, как колбасу на газетке.

Впрочем, справедливости ради скажу, что имеются в Ираке и удачные скульптурные работы. Например, монументы на площади парадов в Багдаде. Это две арки, образованные скрещенными саблями. Гигантские руки, держащие эфесы сабель, были изготовлены по слепкам с рук Саддама. Памятники самому диктатору, стоявшие во многих городах, также отличались большим искусством исполнения. В то время, глядя на них, я вспоминал слова Катона Старшего – он как-то сказал, увидев множество воздвигнутых статуй: "А обо мне пусть лучше люди спрашивают, почему Катону нет памятника, чем почему ему стоит памятник". Но сегодня мне жаль, что изваяния Саддама были уничтожены оккупантами – боюсь, скульпторы Ирака не скоро превзойдут своих предшественников, творивших в 80-х – 90-х годах прошлого века...

Вернусь в тот майский день 1995 года, когда я пересек Тигр по мосту в Тикрите. С противоположного городу берега реки открылись величественные строения деревни Оуджа, где родился Саддам Хусейн. Она находится чуть ниже по течению Тигра, на том же правом берегу, что и город. В деревню нас не пустили, сказали, что нужно особое разрешение – то ли Мухабарата (госбезопасности), то ли Министерства иностранных дел. Трудно было понять, отчего такие строгости.

Окрестности Тикрита живописны. Похоже на наше Поволжье или Украину. Равнина с легкими складками, до самого горизонта покрытая спелой пшеницей. Редкие деревни, наверное, были бы неразличимы в этом золотисто-желтом просторе, если бы не легкая опушка тутовых и абрикосовых деревьев. Дома, сложенные из сырцового

кирпича, по цвету мало отличаются от господствующей желто-серой гаммы, они кажутся, как бы продолжением самой земли. За глинобитными стенами течет неприметная для постороннего глаза жизнь арабской семьи.

Вокруг домов небольшие садики, хотя фруктов деревьев могло бы быть и больше. Растут тополя, вполне похожие на наши. В общем, если бы не мужики в дишдашах (длинных белых облегающих платьях), не женщины в абаях (черные широкие накидки), погоняющие коров, не глинобитные хижины, обнесенные глухими саманными дувалами, то можно было бы подумать, что находишься где-то за Пензой...

Саддам рос ловким и сильным парнем. Он стал хорошим пловцом, купаясь в Тигре, отлично ездил на лошади, не хуже любого взрослого крестьянина мог поработать серпом на поле, молотить и провеивать хлеб, но при этом намного превосходил и сверстников, и многих взрослых в своем духовном развитии. В школе он был отличником по истории и математике. Прекрасно знал и часто употреблял меткие народные пословицы, любил декламировать бедуинские хосэ – произносимые нараспев двустишия.

Саддам поздно пошел в школу, поэтому поздно ее и закончил. Уже 18-летним он приехал в Багдад, чтобы пройти курс старших классов в школе «Аль-Карх». Для школьника он был уже во всех отношениях отлично подготовлен. Поэтому когда в Багдаде начались революционные выступления против режима Нури Саида, Саддам оказался одним из тех заводил, что поднимали учащихся на участие в политических манифестациях под лозунгами арабского национализма.

В Ираке в это время правил 23-летний король Фейсал II. Самостоятельной роли он не играл. Все решал старый ставленник англичан Нури Саид, который в течение нескольких десятилетий являлся главным фигурантом иракской политической сцены. В стране существовал классический неоколониалистский режим. У молодой военной и интеллектуальной элиты личность Нури Саида вызывала всеобщую ненависть. Когда в июле 1958 года военные свергли королевскую власть, это вызвало ликование не только среди интеллигенции, но и в широких массах.

Во время переворота король был убит курсантами военного училища прямо на улице, а его дядя Абдул-Иллах, который прежде исполнял обязанности регента, а в момент революции считался наследным принцем, даже после смерти подвергся надругательству – тело его таскали по улицам, затем повесили в пролете моста над Тигром. Почти вся королевская семья была истреблена с удивительной жестокостью. Удивительной, потому что в целом революция носила бескровный характер.

К власти пришел генерал Абдель Карим Касем. Его правительство начало проводить реформы, которые обеспечили генералу популярность в народе. Только не у националистов. Касем оказался противником идеи арабского единства в том виде, как его себе представляли баасисты. Он не поддержал создание Объединенной Арабской Республики, в которую вошли Египет и Сирия, и отверг предложение Насера присоединиться к этому союзу. Касем считал, что в результате такого объединения выиграет только Египет и лично Насер.

Популярный генерал Абдель Салям Ареф также был сторонником идеи арабского единства. Он резко выступил против Касема, за что был направлен послом в Германию. Но вскоре Ареф самовольно вернулся в Ирак. Этот поступок принес ему огромную популярность. У Касема появился серьезный противник. Ветеран антиимпериалистической борьбы Рашид аль-Гайлани также поддерживал «юнионистов» (приверженцев союза с Египтом и Сирией). Надеясь обезглавить своих противников, Касем отдал обоих лидеров под суд, который приговорил их к смерти. Казнь была позднее заменена пожизненным заключением, но это не смягчило оппозицию генералу-диктатору.

Личные амбиции взяли верх над идеей – хотя Касем тоже выступал с националистическими лозунгами, ему была ненавистна сама мысль о подчинении Насеру. Партия БААС, напротив, требовала присоединения Ирака к ОАР, и уже вскоре после утверждения режима Касема из политических фаворитов превратилась в изгоя. Многие ее функционеры были арестованы.

Тем временем начались выступления сил, недовольных курсом генерала. На севере страны, в Мосуле, тамошний губернатор полковник Шавваф поднял местный гарнизон против центрального правительства. Это произошло в марте 1959 года. Мятеж Шаввафа был подавлен, но нестабильность в стране нарастала.

СОЛДАТ ПАРТИИ

БААС была во время антимонархического переворота довольно немногочисленной партией, конкурировавшей с

другими националистическими организациями за влияние на массы – Истикляль, Ахрар, Шаат. Серьезным противником для них всех была Иракская Коммунистическая партия (ИКП), которая стремилась стать главной опорой режима Касема. Коммунисты, имевшие большие связи в Курдистане, на первых порах помогли новому лидеру страны добиться замирения с воинственными горцами, десятилетиями бунтовавшими против центрального правительства. А во время выступления Шаввафа именно коммунистические боевики сыграли главную роль в его разгроме. После этого они устроили настоящую резню в Мосуле.

Коммунисты беззастенчиво курили фимиам Касему, рассчитывая стать правящей партией. Средства массовой информации, контролировавшиеся ИКП, были полны восхвалениями *заима* (вождя). Проведя ряд реформ, генерал добился значительной популярности в народе. Эксплуатируя ее, приближенные Касема принялись раскручивать культ нового лидера нации. Именно в те годы было положено начало использованию ТВ для этой цели. В газетах появилась рубрика “Слова *заима*”. Речи Касема транслировались так часто, что к концу его правления, услышав о чьей-нибудь кончине, люди говорили: “Слава Аллаху, не будет больше слушать Касема!”

Некоторое время казалось, что диктатор поддерживает коммунистов. В июле 1959 г. им было позволено провести еще одну акцию устрашения – в Киркуке, центре нефтяной промышленности. Там курды-коммунисты свели счеты со своими противниками туркоманами. Руководство БААС опасалось, что подобными методами Касем может

расправиться с юнионистами по всей стране. И оно приняло решение о физическом устранении диктатора.

Саддам Хусейн в это время находился под следствием в тикритской тюрьме ас-Сарай. Арестованный в декабре 1958 года вместе с несколькими своими родственниками по подозрению в убийстве крупного правительственного чиновника, сторонника Касема, Саддам ожидал военного суда. По прошествии полугода его дело было передано в трибунал аль-Махдави, созданный Касемом для расправы с политическими противниками – только смертные приговоры выносила эта инстанция «революционного правосудия».

Но ситуация в стране постоянно менялась. Режим Касема опасался безраздельного господства коммунистов и стремился уравновесить их растущее влияние, идя на некоторое смягчение положения оппозиционных партий. Именно эти маневры диктатора на некоторое время снизили накал репрессий, и узники, томившиеся в тикритской тюрьме, обрели свободу. Пребывание в заключении среди других баасистов оказалось первой серьезной школой революционной борьбы. Саддам Хусейн с честью выдержал это испытание и приобрел авторитет в партии. Недаром именно он был рекомендован руководству БААС для исполнения важной миссии, с которой связывалась судьба страны и движения арабских националистов...

Пять молодых баасистов, которым было поручено осуществить казнь диктатора, начали подготовку летом 1959 года. Им предоставили оружие, и в течение нескольких месяцев участники боевой группы регулярно выезжали в пустынную местность за городом для тренировки в стрельбе.

Только один из них отслужил в армии, трое были студентами, и лишь самый старший, поэт Абдель-Вахаб аль-Гарири, закончил университет. Никто из молодых людей не участвовал в покушениях, да и старшие баасисты не имели подобного опыта. В Ираке, по сути дела, отсутствовала традиция политического террора, хотя и были во времена монархии два неудачных покушения на регента Абдул Иллаха и премьер-министра Нури Саида. Так что Саддаму и его товарищам не у кого было учиться, им пришлось действовать по обстоятельствам.

Первоначально планировалось осуществить покушение в тот момент, когда Касем прибудет на праздничное богослужение в багдадскую церковь Мар Юсуф. Но затем руководство БААС отказалось от этого из-за опасения лишних жертв. Было принято решение провести акцию на улице Рашид, неподалеку от военного министерства, где находилась рабочая резиденция генерала. Автомобиль «шевроле» защитной окраски, в котором ездил диктатор, не имел брони. Охраняли Касема слабо – лишь один телохранитель сопровождал его на переднем сиденье лимузина.

В начале октября пятерка, в которую входил Саддам, получила указание собраться на конспиративной квартире и ждать приказа. Информатор БААС в военном министерстве, сообщил, что 7 октября генерал направится на прием в посольство ГДР. В тот день ближе к вечеру молодые люди заняли определенные для каждого позиции. Под просторными пиджаками у них было оружие. Селим Зибак должен был преградить путь «шевроле» Касема. Саддаму Хусейну поручили прикрывать отход группы.

Но оплошность Зибак спутала все карты – он затерял ключи от машины и не смог завести ее, когда в конце улицы показался генеральский лимузин. На ходу пришлось менять весь план. Едва автомобиль Касема поравнялся с аль-Гарири, тот открыл огонь. Водитель был убит, и «шевроле» остановился. Трое других молодых баасистов принялись поливать лимузин очередями. Саддама охватил азарт, он оставил свою позицию и тоже бросился к месту перестрелки. Телохранитель Касема успел произвести несколько выстрелов по нападавшим, насмерть поразив аль-Гарири, а также ранив Саддама и еще одного из его товарищей – аль-Наджима. Затем он выронил оружие и обмяк. Касем также упал на заднем сиденье. Нападавшие решили, что задача выполнена.

Так как двое были ранены, группе не удалось унести с места покушения погибшего аль-Гарири. Зибак наконец-то отыскал ключи. Двое невредимых помогли тяжело раненому аль-Наджиму добраться до автомобиля, который увез их на конспиративную квартиру. Саддам, несмотря на ранение в ногу, прикрывал отход товарищей и последним сел в машину.

Достигнув убежища, участники покушения первым делом включили радио и стали ждать сообщения о происшедшем. БААС считала, что устранение Касема станет началом революции.

Аль-Наджим то и дело терял сознание, но, приходя в себя, каждый раз спрашивал убит ли Касем. Саддам распорядился вызвать врача, а сам, не дожидаясь его прихода, с помощью ножниц самостоятельно достал из простреленной голени пулю и обработал рану йодом. Несмотря на адскую боль, он не издал ни звука.

Радио сообщило, что великий вождь чудесным образом избежал смерти, отделавшись легкой раной в плечо. Это заставило Саддама изменить первоначальный сценарий акции, согласно которому пятерке надлежало пребывать на конспиративной квартире до прибытия представителей руководства партии. После перевязки он хладнокровно заявил, что отправится домой, и посоветовал другим сделать то же самое, чтобы избежать ареста.

Дядя Хайралла горячо приветствовал племянника, он гордился его подвигом. После недолгого отдыха Саддам решил покинуть Багдад, опасаясь ареста. Он облачился в поношенную дишдашу и под видом приезжего крестьянского парня выбрался из города. Опасаясь пользоваться автобусами или железной дорогой, где действовали полицейские патрули, он купил коня и отправился верхом в сторону родной деревни Оуджа.

К этому времени по всей стране были расклеены плакаты с объявлением о розыске Саддама и его портретом. Поэтому он избегал людных мест и, когда Оуджа была уже недалеко, предпочел отпустить коня и переплыть Тигр вплавь, вместо того, чтобы воспользоваться паромом.

На родине он пробыл тоже недолго, так как полицейские ищейки могли нагрянуть в любую минуту. Родичи помогли Саддаму подготовиться к тяжелому переходу через суровую пустыню Джебзира, простирающуюся от Тигра до долины Евфрата на сирийской границе. Только оказавшись на территории ОАР (Сирия в тот период входила в единое государство вместе с Египтом), молодой революционер смог почувствовать себя в безопасности.

Эта история, похожая на захватывающий триллер, сама по себе могла бы обессмертить имя Саддама Хусейна, в один день ставшего одним из самых знаменитых людей у себя на родине. Но судьбе было угодно послать ему еще много испытаний, в которых выковался тот характер, который определил не только жизненный путь лидера нации, но и придал неповторимые черты целому историческому периоду в жизни страны и мира.

ГОДЫ БОРЬБЫ

В Сирии местные баасисты тепло приняли молодого героя. Партия участвовала в правительстве ОАР, поэтому у нее были возможности не только помочь гостю из Ирака поправить здоровье, но и обеспечить ему возможность продолжить свое образование. За три месяца, проведенных в Дамаске, Саддам Хусейн смог установить хорошие связи с коллегами, прочел много книг, до которых прежде не доходили руки.

В феврале 1960 года Саддам прибыл в Каир, тогдашнюю столицу ОАР. Как политическому эмигранту ему предоставили небольшое пособие. В паспорте Саддама Хусейна, полученном в 1960 году, в графе профессия отсутствовала запись. Став профессиональным революционером, он не смог завершить свое среднее образование. Теперь у него появилась такая возможность. После окончания последнего класса школы Хусейн поступил на юридический факультет университета, однако, в тот период смог проучиться только два года без малого.

Годы жизни в Египте были очень важны для духовного и политического самоопределения будущего лидера нации. Каир был в те годы убежищем для многих тысяч молодых революционеров со всего арабского мира. Если в Ираке БААС могла выпускать свою газету «Аль-Иштираки» (Социалист) лишь подпольно, в египетской столице можно было читать прессу всех направлений. В те годы Саддам познакомился с книгами марксистских теоретиков, прочел труды Ленина и Мао Цзедунa. Его националистические взгляды приобрели стройность и законченность. Позднее он говорил в беседе с известным арабским журналистом Фуадом Матаром: «Я полагаю, что люди, которые используют свои марксистские взгляды для того, чтобы вооружиться программой, которая означает примкнуть политически к любой стране вне Арабского мира, не правы. Вот почему я делаю различия между арабскими, и например, африканскими и азиатскими коммунистами. Я не обвиняю и не критикую африканцев, исповедующих марксизм, и готов обсудить с любым африканцем, как было бы правильно использовать марксизм. И поскольку ни африканцы, ни азиаты не имеют тех традиций и той истории, которую имеют арабы, почему бы им и не стать марксистами? Марксизм это революционный способ изменить жизнь. Что терять африканцу в Родезии, когда он становится марксистом, если у него нет исторической глубины и интеллектуального богатства арабской нации, богатства, которое предоставляет любые теории, необходимые для изменений жизни и прогресса? Арабская нация породила всех пророков и стала колыбелью цивилизации. Нет сомнений, что старейшая цивилизация на земле это Месопотамская

цивилизация. Это не Иракская цивилизация, изолированная от Арабской нации. Это цивилизация, которая развилась благодаря силе и способностям Иракского народа в соединении с усилиями и наследием всей нации”⁷.

Саддам вместе с несколькими товарищами снимал небольшую квартиру. Здесь всегда было много гостей – играли в шахматы, пили чай, спорили о политике. Иные, разгорячившись, переходили на повышенные тона. Лишь Саддам всегда сохранял невозмутимость в спорах и неизменно заставлял всех признать свою правоту. Благодаря этой рассудительности он выглядел старше своих лет, да и известная всем биография революционера придавала ему ореол опытного борца. Иракские студенты быстро признали его своим неформальным вожаком.

Для арабов других стран он также стал авторитетной фигурой. Йеменцы, бахрейнцы, оманцы, которых немало было в Каире, специально приходили в любимое кафе Саддама «Индиана», чтобы увидеть его и послушать его мнения. Зная о его ораторских способностях, Хусейна нередко приглашали выступать на митингах. Так, однажды, обратившись с получасовой речью к двум сотням палестинцев из Газы, он убедил их вступить в БААС. Раньше такое никому не удавалось.

Насер был идиолом революционной молодежи арабских стран. Однако, при всем уважении к египетскому лидеру, С. Хусейн видел как сильные, так и слабые его стороны. Видимо, это отношение проявлялось в его высказываниях и поступках,

⁷ Fuad Matar. Saddam Hussein. The Man, the Cause and the Future. London, 1981 p.229

поэтому у энергичного иракского политэмигранта появились не только почитатели. Египетские спецслужбы были озабочены его активностью. После того как сирийская БААС стала инициатором выхода Сирии из ОАР, у Насера и его окружения развилась подозрительность в отношении баасистов из всех стран. (Помимо Ирака и Сирии эта партия пользовалась в те годы влиянием в Южном Йемене, Судане, Алжире, Иордании, Мавритании). У Саддама несколько раз проводили обыски, а однажды он даже был подвергнут месячному тюремному заключению. Из-за его частых визитов в американское посольство, насеровская госбезопасность заподозрила в нем американского агента. Впоследствии этот эпизод нередко вспоминали противники Саддама, стараясь уличить его в связях с ЦРУ. К этим обвинениям присовокупляли и такое умозаключение: коли участвовал в покушении на Касема, открытого врага Америки, значит был вольным или невольным исполнителем воли тех сил, которые вдохновлялись и финансировались США...

Несмотря на все трудности эмигрантской жизни Саддам не терял оптимизма и веры в лучшее в будущее. Он строил планы скорого возвращения на родину и мечтал о том дне, когда сможет сыграть свадьбу со своей двоюродной сестрой Саджидой. По арабскому обычаю дети братьев и сестер имеют преимущественно право на вступление в брак. Уже в отрочестве Саддам знал, что дочь Хайраллы Тульфаха должна стать его женой. И в 1962 году он обратился с письмом к дяде, подтвердив свое намерение жениться на Саджиде сразу по возвращении на родину.

Когда в феврале 1963 года Касем был свергнут, и С. Хусейн смог вернуться из египетской эмиграции, его не забыли на родине. Сразу после своего возвращения С.Хусейн получил ответственный пост в партийном аппарате, а через несколько лет вырос до заместителя Генерального секретаря регионального руководства БААС.

С февраля по ноябрь 1963 года БААС была, по сути дела, правящей партией. Хотя президентом стал Абдель Салам Ареф, не являвшийся баасистом, ряд важнейших постов занимали члены партии, в частности, премьер-министром был генерал Бакр. Однако БААС раздирали внутренние противоречия. Левое крыло во главе с генеральным секретарем аль-Саади ставило задачей быстрое построение социализма, при этом, опираясь на партийную милицию (Национальная гвардия), проводило кампанию террора против главных конкурентов на левом фланге – коммунистов. Но и в представителях правого крыла БААС, выступавшего за постепенные перемены, люди Саади видели своих врагов.

В октябре 1963 г. в Дамаске состоялся VI общеарабский съезд БААС, одной из главных тем которого стало положение в иракском региональном руководстве. Выступивший на съезде Саддам Хусейн подверг критике Саади и его группировку. Это был смелый поступок, ибо левые могли расправиться с молодым революционером. Патриарх баасизма Мишель Афляк, познакомившись с Саддамом, был очарован им и в дальнейшем стал оказывать ему поддержку на всех этапах его деятельности. Он видел в иракском лидере воплощение своей мечты о вожде всей арабской нации,

который сможет добиться возрождения единого арабского отечества.

Когда на последовавшей вскоре специальной сессии Регионального руководства БААС левые были исключены из партии, а Саади четверо его ближайших сторонников были арестованы и высланы за границу, это послужило сигналом для штурмовиков свергнутого генсека. На улицах Багдада Национальная гвардия хватала представителей правой фракции и убивала их на месте.

В попытке примирить враждующие группировки, в Ирак прибыла из Дамаска делегация общеарабского руководства партии во главе с Мишелем Афляком. Правая группировка также была исключена из партии, а ее лидеры высланы из страны. Центристы во главе с генералом Бакром оказались единственной реальной силой в руководстве БААС.

События ноября 1963 серьезно ослабили партию. Это дало возможность военной верхушке, свергнувшей Касема при поддержке БААС, теперь освободиться от союзников. Отстранив премьер-министра Бакра от власти, Ареф вывел из правительства и других его единомышленников. Официальная историография Ирака именует эту смену команды антибаасистским переворотом Арефа.

Кстати сказать, события того времени имели широкий отклик в советской печати. Симпатизируя свергнутому Касему, средства массовой информации, подконтрольные КПСС, представляли БААС фашистской партией. Преследования коммунистов и военные действия против курдов велись и прежними режимами, но только баасисты накликали на себя

испепеляющий гнев советских конкурентов по строительству социализма...

Вскоре после возвращения из Египта состоялась свадьба Саддама Хусейна и дочери Хайраллы Тульфаха Саджиды. А в 1964 года появился на свет их первенец Удэй. К этому времени жизнь молодой четы резко изменилась, ибо Саддам вновь вынужден был скрываться в подполье.

После того как службе безопасности генерала Арефа стал известен план ликвидации диктатора, разработанный С.Хусейном, деятельность партии БААС была запрещена. На руководство партии обрушились репрессии. Большинство функционеров оказалось в тюрьмах. Саддам Хусейн оказался главным политическим стратегом партии, еще остававшимся на свободе. Несколько раз он тайно посетил Дамаск, где обсуждал с Афляком и другими членами Общеарабского руководства планы свержения диктатуры.

До середины октября 1964 г. Саддаму удавалось избежать ареста, но в конце концов охранка выследила его и окружила конспиративную квартиру, на которой он скрывался. Последовал еще один эпизод со стрельбой, достойный пера приключенческого романиста. Перестрелка с осаждавшими прекратилась лишь тогда, когда у Саддама закончились патроны к револьверу.

Почти два года С.Хусейн провел в багдадской армейской тюрьме №1. Сначала он содержался в одиночке, закованный в кандалы. Но и потом, в общей камере, условия содержания были суровыми. Летом, когда температура воздуха месяцами держалась выше 40, пребывание в перенаселенных камерах превращалось в нескончаемую пытку. Кормили также из рук

вон плохо: в основном, давали черствый хлеб и рис. Утром обычно приносили жидкую кашу шорба. Днем почти всегда был рис и марга (густая похлебка), вечером - только марга без риса. Позволялось совершать недолгие прогулки и играть в волейбол. В карты и другие азартные игры «политики» не играли.

Несмотря на суровость тюремного режима, для Саддама это было время всестороннего роста. Он прочел множество книг политиков разных направлений, что позволило ему окончательно определиться в партийной стратегии и тактике. Его письма руководству БААС проносила в пеленках Удэя жена Саджида, приходившая с младенцем на руках на свидания в тюрьму. Генеральный секретарь партии генерал Бакр именно в тот период в полной мере оценил организаторский талант своего молодого товарища по борьбе. Высказывавшиеся им идеи помогли партии укрепиться в самый трудный период ее истории.

В заключении человеческий потенциал каждого проявляется в полной мере. Саддам Хусейн стал для узников тюрьмы № 1 непререкаемым моральным авторитетом из-за обостренного чувства человеческого достоинства и справедливости. Однажды один из охранников избил узника-коммуниста. Саддам призвал начать забастовку в защиту этого человека. И обратился к другим коммунистам с предложением участвовать в этой забастовке, но те отказались от этого – они не хотели действовать заодно с баасистами даже ради собственного товарища. С.Хусейн и его друзья продолжали требовать от властей тюрьмы извинения

перед коммунистом, перенесшим побои. И они добились своего.

Военные власти надеялись расколоть оппозицию, демонстрируя свою гуманность. Однажды баасистам-заключенным предложили написать ходатайства об освобождении. Но Саддам Хусейн твердо заявил своим соратникам, что члены партийного руководства не должны писать заявления, которые по сути дела были бы просьбой о прощении. Эта позиция показывает не только принципиальность, но и дальновидность молодого политика, сразу разгадавшего смысл политической игры диктаторского режима. Генералу не удалось достигнуть своей цели - ослабить БААС.

В апреле 1966 произошло событие, резко изменившее внутривнутриполитическую ситуацию в Ираке. Харизматический лидер, герой антимонархической революции генерал Абдель Салам Ареф погиб во время катастрофы вертолета. Сменивший его родной брат и тоже генерал Абдурахман Ареф не обладал ни авторитетом, ни силой характера, которые позволяли его предшественнику авторитарно править Ираком. Баасисты считали, что новый президент не сможет жестко контролировать положение в стране, что правящий режим быстро ослабнет.

Саддам Хусейн ощущал острую необходимость вырваться на свободу; руководству партии тоже не доставало опытного и волевого организатора. Летом 1966 г. военный суд приступил к слушанию дела руководителей БААС, находившихся в заключении. Когда на одном из его заседаний Саддама спросили о его профессии, он сказал - я борец и

член партии БААС. Судья возразил: ответ не по существу. Но лидер баасистов убедительно доказал, что революционер - это профессия. И суд был вынужден внести его ответ в протокол.

Поскольку Саддам обладал удивительной способностью располагать к себе самых разных людей, он пользовался уважением не только у товарищей-баасистов и заключенных из других партий, но и у тюремщиков. Его дар убеждения был таков, что стоило людям послушать его, как они проникались симпатией и к его идеям и к нему лично. Именно эта черта характера Саддама позволила осуществить смелую операцию...

БААС начала готовить побег группы видных деятелей партии во главе с С.Хусейном. План был таков: когда группу заключенных повезут в суд, Саддам уговорит охранников позволить им пообедать в ресторане «Гондола». Пока двое, С.Хусейн и Абдель Карим аль-Шейхли, пойдут в туалет, имеющий выход на улицу, третий - Хасан аль-Амери – будет отвлекать конвоиров разговорами. В это время беглецы сядут в ожидающую их машину и уедут. 23 июля 1966 этот план был осуществлен.

Уже этот случай может свидетельствовать о том, что режим Арефа был не очень строгим и во многом патриархальным. Он и не мог быть другим, ибо опирался на узкую группу военных, связанных между собой племенным происхождением, а не определенной идеологией. Те, кто был студентами в Багдаде в 1966-68 годах, вспоминают, как, сидя в полночь в ресторане на центральной площади Тахрир, горланили против всех и вся. И никто не обращал на них

внимания. В обществе постепенно утрачивалось уважение как к персонам, правившим страной, так и к институтам власти.

Ситуация в тогдашнем Ираке очень напоминала ту, что сложилась в период кризиса коммунистического строя в Советском Союзе. Политическое лавирование, преувеличенное внимание к второстепенным проблемам были попыткой замаскировать неспособность решить основные проблемы страны. Так, функционеры арефовского режима больше были озабочены нравственностью молодежи, чем ее политическими воззрениями. По их распоряжению модниц, носивших мини-юбки, ловили, красили им ноги стойкой краской и затем отпускали домой. Длинноволосым юношам брили головы. Это очень напоминает действия советских блюстителей нравственности, ловивших стилига, но оказавшихся бессильными на поле борьбы идей.

Уже через несколько месяцев после побега С.Хусейна репрессивная политика властей сменилась заигрыванием с БААС, чей авторитет в стране постоянно возрастал. Особенно резко акции националистов выросли после поражения арабских армий в так называемой шестидневной войне с Израилем. Военный крах Насера и поддерживавших его режимов (в том числе и арефовского) вызвал бурю возмущения во всем арабском мире. Негодование масс было адресовано равно западным покровителям сионизма и правящим элитам арабских стран, проявивших несостоятельность в строительстве вооруженных сил и руководстве ими. Правителей обвиняли в беспечности и неспособности отстоять общеарабское дело. Баасисты возглавили протест разгневанных толп, стихийно вышедших

на улицы Багдада. Лидеры партии действовали открыто, а власти уже не решались бросать против них полицию и службу безопасности.

Саддам Хусейн также вышел из подполья. Он даже решил продолжить свое образование на юридическом факультете багдадского университета. Узнав об этом, Ареф пригласил лидера баасистов к себе и принялся увещевать его бросить политику, а вместо этого полностью отдаться учебе. Наверное, тридцатилетний революционер лишь подивился наивности генерала, надеявшегося уговорить его взять «политический отпуск».

ИСПЫТАНИЕ ВЛАСТЬЮ

БААС традиционно была сильна в офицерских кругах, так как изначально придавала армии первостепенное значение. Именно в военной среде вызрели те настроения, которые вынесли к власти Рашида аль-Гайлани. Именно армейские генералы решили судьбу монархии и английского ставленника Нури Саида в 1958 году. О том, что партия вела свою пропагандистскую работу прежде всего среди военнослужащих, красноречиво свидетельствуют фотоснимки, относящиеся ко времени правления генерала-диктатора Касема, которые можно увидеть в багдадском музее истории партии. В решетчатых загонах посреди зала суда стоят шеренгами одетые в униформу участники нескольких военных заговоров против Касема – все они были членами или сторонниками БААС.

Еще в период кратковременного участия партии в правительстве в 1963 г. ее представляли лидеры в погонах – министр обороны Хардан ат-Тикрити, министр внутренних дел, а затем премьер Ахмед Хасан Бакр. В годы правления Арефов БААС продолжала целенаправленную работу среди офицерства, наиболее восприимчивого к националистическим идеям.

Когда в июне 1967 года, после поражения египетско-сирийско-иорданской коалиции в шестидневной войне с Израилем, БААС возглавила стихийный протест на улицах Багдада, партия сразу резко увеличила свое влияние в стране. К ней стали примыкать не только студенты и молодые офицеры, но и крупные деятели правящего режима.

В июле 1967 г. сторонниками БААС стали начальник военной разведки Абд ар-Раззак ан-Найиф и командующий Республиканской гвардией Абд ар-Рахман ад-Дауд. А в апреле следующего года тринадцать отставных офицеров высокого ранга, среди которых только пятеро были баасистами, направили письмо президенту Арефу с требованием отставки премьера Тахера Яхьи, созыва парламента и формирования правительства из известных и уважаемых деятелей. Правящий режим потерял опору даже среди тех офицеров, кто еще за несколько лет до того создал «Арабское революционное движение» специально для защиты Арефа. Теперь они перешли в оппозицию и с пониманием отнеслись к революционным замыслам БААС.

16 июля 1968 г. в доме Ахмеда Хасана Бакра состоялось заседание Регионального руководства партии, во время которого произошел горячий спор о цене участия Найифа и

Дауда в намеченном государственном перевороте. Оба полковника видели в БААС ту силу, которая поможет им занять высшие посты в государстве. Но большинство членов партийного руководства видели в их честолюбивых замыслах угрозу для БААС, они боялись повторения ситуации 1963 г., когда партия фактически привела Арефа к власти, а затем была отстранена и даже загнана в подполье.

Эти опасения не разделяли Бакр и Саддам Хусейн, тогда уже заместитель Генерального секретаря Регионального руководства. Они считали, что из тактических соображений следует принять предложения полковников – Найиф претендовал на пост премьера, а Дауд на кресло министра обороны. Выступление Саддама убедило присутствующих согласиться на временный союз с двумя карьеристами. Заместитель Бакра откровенно сказал, что у партии нет иного выбора, но в то же время он выразил уверенность, что сразу после прихода к власти БААС сумеет избавиться от Найифа и Дауда. И что самое главное, он обязался лично руководить этой операцией.

Уже через несколько часов БААС пришла к власти. Произошло это буднично и бескровно. Разбуженный среди ночи телефонным звонком, президент Ареф услышал в трубке голос Хардана аль-Тикрити, который заявил ему, что он больше не президент. Попытавшись призвать на помощь Найифа и Дауда, Ареф получил отказ. Вокруг дворца в это время уже замкнулось кольцо войск, верных БААС. На одном из танков прибыл С.Хусейн, одетый в военную форму. Офицеры и солдаты повиновались его указаниям, осуществляя осаду резиденции.

Арефу ничего не оставалось, как собраться и выехать под конвоем на военный аэродром, где его ждал самолет. Через несколько часов экс-президент прибыл в Лондон под тем благовидным предлогом, что в британской столице проходила лечение его супруга, и он желал бы посетить ее.

В июне 1995 года автор этих строк встретился с экс-президентом Ирака, свергнутым группировкой Бакра. Саддам был правой рукой лидера БААС и играл первую скрипку в перевороте. Состоявшийся тогда диалог позволяет понять цену той мифологии, которой было окружено в общем-то обычное для Ирака явление – захват власти заговорщиками.

- События июля 1968 года называют по-разному: одни – переворотом: другие – революцией. Как их оцениваете Вы?

- Это не было революцией... Ахмед Хасан Бакр и некоторые другие подкупили двоих, один из которых глава безопасности и начальник танковой части. На следующее утро они заняли мое место, я пришел к ним, чтобы их поздравить и поговорить с ними.

- Вы не испугались в этот момент, вы не думали, что вас могут убить?

- Нет, зачем им меня убивать?

- Обычно перевороты заканчиваются так.

- Против нас никто не стоял. Я мог бы всех расстрелять. Но не хотел крови.

- Вы опасались, что ваша политика будет прекращена и начнется период хуже, чем при вас?

- Тогда я не думал об этом. Я думал, что когда люди приходят к власти, они хотят сделать лучше...

Сформированные после переворота органы власти – Совет Революционного Командования и правительство – отражали расстановку сил, сложившуюся перед свержением Арефа. БААС принадлежало лишь около половины постов в обеих структурах. Хотя генерал Бакр и стал президентом и председателем Совета Революционного Командования (СРК), небаасисты занимали наиболее важные должности премьера, министра обороны и министра иностранных дел. Партию не могло устроить такое положение дел, и сразу же после 17 июля она начала готовить второй этап «революции». Душой дела стал Саддам Хусейн. Его организаторские способности, аналитический ум, смелость и хладнокровие в полной мере проявились при отстранении группировки армейских карьеристов от власти. Именно он предложил план, как выманить из страны главу военного ведомства.

29 июля министр обороны Дауд отправился в Иорданию, где после арабо-израильской войны 1967 г. была размещена иракская бригада. На время инспекционной поездки он передал командование армией начальнику штаба Хардану ат-Тикрити. А на следующее утро премьер Найиф был приглашен на завтрак к президенту Бакру. Здесь его встретил Саддам Хусейн в сопровождении нескольких офицеров. Наведя пистолет на премьера, он объявил ему, что БААС отстраняет его от власти. И предупредил: если Найиф предпримет попытку сопротивления, то будет немедленно застрелен. После этого Саддам, сжимая в кармане рукоятку пистолета, проследовал вместе с незадачливым премьером мимо его охраны к автомобилю и сопровождал его на военную базу, откуда специальный самолет доставил Найифа к новому

месту службы – в Марокко. Теперь экс-премьеру предстояло исполнять обязанности посла Ирака. А Дауду пришлось согласиться возглавить военную миссию в Иордании.

Так 30 июля завершилась баасистская «революция». Примазавшиеся к ней на первом этапе сторонники Найифа и Дауда также потеряли свои посты. Саддам Хусейн, сыгравший ключевую роль в успешном исходе обоих переворотов, стал заместителем председателя СРК и вторым по влиянию человеком в Ираке.

После десятилетнего периода нестабильности, кровавых переворотов, социальных и национальных конфликтов, в Ираке установился режим, который опирался на сильную партийную структуру и ясную идеологию. Годы, проведенные Саддамом Хусейном в эмиграции и в тюрьмах, стали тем временем, когда будущий национальный лидер выработал не только стройное мировоззрение, но и ясное представление о роли партии и государственного механизма в реализации политических целей. Ни до него, ни в его время не было в стране другого политического деятеля, кто так пристально изучал бы опыт партийного и государственного строительства в других странах. При этом он не становился пленником каких-либо догм, он трезво оценивал положительный опыт таких конкурентов собственной партии, какими всегда были коммунисты. Он хорошо изучил методы борьбы Сталина за единство партии, и, хотя никогда не чувствовал симпатии к марксизму, посчитал опыт построения однопартийного государства полезным для Ирака.

Впервые в истории арабского мира революция была осуществлена не группой военных заговорщиков, а

политической партией. Даже Насер, долгие годы служивший символом освобождения для арабов, не имел такой опоры в собственной стране, как баасисты, осуществившие мирный переворот 17-30 июля 1968 г. Поясняя его своеобразие, президент Бакр заявил 1 июня 1972 г., что баасистская революция была ответом на поражение в шестидневной войне. Глубокий смысл этого высказывания раскрывается только сейчас, после трех десятилетий существования баасистского государства. В результате военного поражения режим Насера быстро утратил ту привлекательность, которую он пользовался прежде, и, можно предполагать, преждевременная смерть египетского лидера стала результатом того психологического крушения, которое он пережил в июне 1967 года. Страшный удар, который обрушился на Ирак в 1991 году, и понесенный страной ущерб даже сравнить нельзя с плачевными для Египта результатами войны с Израилем. Однако прочность общественной структуры Ирака оказалась беспрецедентной не только в арабском, но в Третьем мире вообще. Только один аналог напрашивается сам собой: сталинская Россия, устоявшая в единоборстве с самой мощной и совершенной армией Запада.

Но в июле 1968 года строительство нового Ирака только начиналось. И автором архитектурного замысла был Саддам Хусейн.

На первый взгляд такое утверждение может показаться слишком смелым – ведь заместителю председателя СРК исполнился лишь 31 год. Возраст непривычный для руководителя высшего ранга. Даже в обыденной жизни человека таких лет чаще всего считают слишком молодым для

ответственной миссии. В политике возраст зрелости наступает еще позднее.

И тем не менее именно Саддам Хусейн с первых же дней прихода к власти БААС стал главным вдохновителем крупных политических решений, а зачастую и их проводником в жизнь. Среди них можно назвать установление мира с курдами, подписание соглашения о создании Национального фронта с другими политическими партиями, проведение национализации нефтяной промышленности, заключение соглашения с Ираном о пограничном размежевании по Шатт эль-Арабу.

Генерал Бакр, имевший большую популярность в стране и армии, не был политическим стратегом. Его вполне устраивала роль высшего морального судьи, к которому апеллировали группировки, поначалу существовавшие в БААС, а также различные общественные силы. Во многом это был человек традиции, и по методам своего правления он напоминал племенного вождя, управлявшего на основе авторитета. Это была очень важная и ответственная фигура, необходимая на первом этапе создания баасистского государства. Но без такого сподвижника, как Саддам Хусейн, Бакр вряд ли смог бы успешно руководить страной более десяти лет.

Саддам стал первым подлинно современным политиком Ирака, который применил политические технологии XX века для строительства общественной модели, которая соответствовала реалиям наступившей эпохи. Недаром эту страну называли арабским Пьемонтом: именно отсюда и должен был явиться лидер, вооруженный не только

националистическим мировоззрением, но и способный реализовать планы построения государства, готового ответить на вызовы времени.

Если верить первому биографу Саддама Хусейна египетскому журналисту Амиру Искандару, его герой был не только технологом власти, но и политическим мыслителем, выдвинувшим теорию многополярного мира, который должен прийти на смену миру двухполярному. Он, к тому же, стал первым идеологом использования энергоносителей как оружия. Приводя в своем обширном труде множество цитат из выступлений баасистского лидера, египтянин стремился показать его провидческие способности. К сожалению, дар предвидения оставил Саддама сразу после того, как он стал «первым лицом» в Ираке – иначе как объяснить то, что он ввязался в несколько авантур подряд?..

Быть может, к этому привело постепенное сворачивание внутрипартийной демократии и установление режима личной власти. Но такое объяснение упрощает суть дела. Любой диктатор должен добиваться консенсуса в своем окружении и в правящем слое вообще. Иначе всякое решение, осуществляемое вразрез с их интересами, может оказаться роковым для лидера.

В арабском мире существует мощная демократическая традиция, ведущая свое происхождение с доисламских времен, когда многочисленные племена пустыни жили согласно неписаным законам. Важнейшим принципом, определявшим их внутреннюю устойчивость, была совещательность (шура). Позднее она получила освящение в Коране («Дело их – по совещанию между ними» Сура 42, 36).

Шура определяет смысл и стиль любой дискуссии у арабов: должен быть выслушан каждый и решение не может быть принято без учета всех мнений. Поэтому рассуждая о природе режима, олицетворяемого Саддамом, нужно принимать во внимание и культурный фон, влиявший на формирование личности будущего диктатора.

В далекие времена правители областей – *вали* – по определенным дням выходили из своей резиденции-крепости обсудить с населением повседневные дела, посоветоваться... Этот обычай именовался *база* (появление). Вали встречался с народом в сопровождении главного судьи, шейхов и старейшин. У шейхов также был подобный обычай, он именовался *сабла*. А сами вожди племен составляли как бы неформальный парламент, к мнению которого прислушивались монархи. Заместитель председателя Совета Революционного Командования Ирака также регулярно проводил встречи с шейхами, что символизировало верность традиции. Незападный тип демократии органично сочетает преклонение перед авторитетом и признание права высказаться для каждого.

Одновременно с подчеркиванием своей верности корням, Хусейн заботился о том, чтобы в нем видели воплощение мечты о лучшем будущем. Современный лидер, каким предстал Саддам перед народом Ирака, во многом нарушал вековые представления о правящем слое. Он не только умел говорить с простыми людьми на их языке, но и во многом разделял их взгляды и житейские привычки. Все знали, что он примерный семьянин и очень любит своих двух сыновей Удэя и Кусая, трех дочерей Рагад, Рану и Хале.

Знали, что живет Саддам в небольшом собственном доме неподалеку от президентского дворца, видели, как каждое утро в 7 часов он отправляется на службу за рулем своего автомобиля, как идет на работу в школу его жена Саджида вместе со старшими детьми.

Если же видели заместителя председателя СРК в нерабочее время, то чаще всего в Охотничьем клубе, который по просьбе Саддама построил его старый друг Саадун Шакер - тот, что помог ему бежать от конвоиров из ресторана «Гондола». Клуб этот, куда видные баасисты приходили вместе с женами (и это тоже была инициатива С.Хусейна) стал одним из наиболее уважаемых мест отдыха в Багдаде. Однако Саддам не хотел, чтобы у людей создалось впечатление об элитарном характере Охотничьего клуба, поэтому нередко сам он посещал и другие заведения такого рода – Мансур-клуб, Альвиах-клуб, Хиндиях-клуб.

Когда заканчивалась рабочая неделя, семья заместителя председателя СРК отправлялась за город. Саддам любил работать в саду, отправлялся с детьми купаться, а иногда – по сезону – участвовал в охотничьих вылазках с друзьями. Он с юных лет слыл отличным стрелком и регулярно подтверждал эту репутацию, принося с охоты большие связки подстреленных уток. Любил он и ловить рыбу, пасти овец, скакать на лошади.

Но далеко не каждый уик-энд С.Хусейну удавалось провести с семьей. Приходилось и не ночевать дома, когда наваливались неотложные дела. На такой случай в одном из шкафов его служебного кабинета имелась постель, которую

Саддам стелил на диване, чтобы забыться на несколько часов.

В то же время, будучи выходцем из народа, С.Хусейн вовсе не воспринимался людьми как один из их среды. Он был им понятен, но все же почитался лучшим из лучших. Его высокий рост (186 сантиметров), привлекательное лицо с правильными чертами, выразительная речь – это атрибуты обаятельного героя, которые далеко не всегда являются достоянием одного и того же человека. Если прибавить к этому отменный вкус и аккуратность в одежде, прекрасные манеры и приятный голос – то портрет вождя нации приближался к идеалу.

Конечно, в основе восхищения им были революционные заслуги и мужественные поступки С.Хусейна. Но людям импонировали и такие проявления силы воли и твердости характера, как пунктуальность, владение собой в кризисные моменты, умение отказаться от житейских удовольствий. Люди знали, что Саддам бросил курить и лишь изредка позволял себе побаловаться «гаваной», что он неприхотлив в еде, а из всех напитков предпочитал горький арабский кофе и холодный лябан (кисломолочный продукт вроде кумыса). Впрочем, ходили слухи и о том, что вождь любит виски, но в Ираке это никого не могло шокировать. Страна отличалась от большинства арабских государств полной алкогольной свободой. Повсюду имелись магазины, торгующие спиртным. Любимыми народными клубами были пивные на набережной Абу-Нуvas, где за кружкой пенного напитка собирались посудачить о политике.

Как только Хусейн занял место Бакра, он проявил себя как дальновидный стратег, хорошо понимающий значение «пиара» (хотя в те времена и сам этот термин, и технология создания привлекательного образа были мало кому известны за пределами англосаксонских стран). В первый же год его пребывания на посту президента были написаны объемистые книги уже упоминавшегося Амира Искандара и Фуада Матара (Ливан). Первая из них называлась «Саддам Хусейн: борец, мыслитель и человек», вторая – «Садам Хусейн. Человек, дело и будущее». Книги одновременно были опубликованы на арабском, английском, французском и немецком языках. В тот же период багдадские издательства публиковали на главных языках мира все выступления нового вождя. Только затянувшаяся война с Ираном заставила ослабить внимание к пропаганде на внешний мир. Зато внутри Ирака она только набирала обороты: тысячи добротных панно, десятки монументальных памятников, изображавшие Саддама, украсили площади и улицы Ирака.

Знаменитый английский режиссер Теренс Янг (1915-1997), снявший несколько фильмов о Джеймсе Бонде (в том числе «Из России с любовью»), в 1980 году отправился в Ирак и вместе с египетским режиссером Тауфиком Салехом снял по сценарию самого вождя картину «Долгие дни» с Саддамом Камелем (двоюродным братом президента, обладавшим поразительным сходством с Хозяином в молодости) в роли Саддама Хусейна. Стилистика картины вызывает ассоциации с известным фильмом Янга о Бонде «Шаровая молния».

По внешним признакам, культ личности правителя Ирака превосходил культ Сталина. Во времена «вождя трудящихся

всего мира» не было телевидения – самого эффективного средства промывания мозгов. Да и печатное слово не в такой степени было подчинено задаче формирования образа всеведущего отца народа. В Ираке каждый номер официоза «Аль-Джумхурия» открывался портретом Саддама. Иосиф Виссарионович был скромнее.

Сама по себе повторяемость подобных культов в странах, переживших революционные потрясения, по-видимому, закономерна. Лидер, выдвинувшийся как первый среди равных, где сознательно, а где бессознательно стремится к формированию такого авторитета, который позволял бы ему действовать без оглядки на тех, из чьих рядов он вышел. Сама масштабность задач, стоящая перед революционным деятелем, подталкивает его к диктатуре. Диктатура ломает, идет поперек природы человека, стремится сокрушить устоявшийся порядок во имя мечты, которая (в той или иной редакции) представляет собой очередной проект построения Вавилонской башни. Где бы ни формировался революционный режим, он обязательно разрешается единовластием и культом первенствующей личности. Уместно сказать в этой связи: культ – инструмент установления безусловного авторитета, без которого социальная ломка и построение революционной Вавилонской башни неосуществимы.

БАЗА АРАБСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

После смены власти в июле 1968 года Ирак стал самой передовой страной арабского мира. Идеи арабского национализма получили новое развитие в живой практике государственного строительства, в преобразовании общества. Если в предыдущую эпоху флагманом считали Египет, то теперь эта роль стала постепенно переходить к Ираку. Подводя итог первому этапу строительства нового Ирака, БААС постановила на своем VIII съезде: «Теоретически и практически руководство Партии в любой отдельной арабской стране служит цели создания базы для национальной борьбы. Развитие регионального государства будет поставлено на службу построению общенационального государства через организационное и идейное единство Партии и через ее единую политическую программу».

Ирак превращался в базу арабской революции не только в идеологическом смысле. Оказывалась финансовая помощь революционным группировкам в разных частях арабского мира. Были открыты тренировочные лагеря, в которых проходили подготовку члены вооруженных формирований палестинских организаций и Фронта освобождения Дофара, боровшегося против султана Омана. Радио Багдада предоставляло эфир противникам монархических режимов.

Но главное было не даже не в этом. Багдад предпринял такие действия в отношении Запада, на какие до него решался только насеровский Египет в 1956 году. Национализация нефтяной промышленности Ирака весной 1972 года была по своим последствиям еще более революционным событием, чем национализация Суэцкого канала. Насер добился огромной моральной победы, всколыхнувшей пространство от

Атлантики до Индийского океана, населенное арабами. Иракское руководство создало прецедент, за которым последовала цепная реакция, изменившая облик этой части мира.

Будучи одной из главных нефтедобывающих стран, Ирак до начала 1970 годов не мог рассчитывать на получение таких доходов, которые смогли бы вывести его в число развитых стран. Ведь мировая цена нефти – 1,8 доллара за баррель – держалась около 20 лет благодаря регулированию картелем западных супер-монополий. Из этой суммы нефтедобывающим странам Третьего мира доставалось меньше половины.

В середине мая правительство Ирака уведомило дирекцию крупнейшей монополии Iraq Petroleum Company (IPC) о необходимости принять к исполнению требование об увеличении производства нефти и погашению задолженности перед государством. За предыдущий год компания произвела 51 миллион тонн нефти, что составляло 62 процента от всей добычи Ирака. Фактически IPC была государством в государстве, и саботаж с ее стороны мог привести к самым тяжелым последствиям как для страны, так и для правящего режима. Но баасисты пошли на конфронтацию.

Национализация была глубоко продуманной системой политических и экономических мер, разработанной под руководством Саддама Хусейна. При этом он смело пошел против узко-технократического видения проблемы, к которому подталкивали многие эксперты, считавшие невозможным быстрый переход нефтяной отрасли в руки государства.

Прежде всего были обеспечены политические тылы Ирака. За несколько недель до предъявления ультиматума ИРС, 9 апреля 1972 г., был подписан советско-иракский Договор о дружбе, сделавший невозможной западную реакцию аналогичную той, что последовала за национализацией Суэцкого канала Насером. А экономический саботаж со стороны транснациональных корпораций оказался блефом, и к 1 марта 1973 года они приняли все условия иракского руководства. Интуиция Саддама Хусейна оказалась более надежным инструментом, чем скрупулезные выкладки экономистов, предсказывавших неминуемые трудности.

Осенью того же года в ходе новой арабо-израильской войны арабские нефтедобывающие страны ввели эмбарго на поставки нефти США и Голландии за их просионистскую политику. Эта акция имела столь глубокие последствия, что на Западе стали вести отсчет времени до и после нефтяного кризиса. Хотя впервые нефтяное эмбарго против ряда западных стран ввела в дни Суэцкого кризиса 1956 года Саудовская Аравия, тогда это восприняли в мире как досадный, но не драматический эпизод. Бойкот 1973 года стал началом крушения картеля западных нефтяных компаний, контролировавших львиную долю добычи нефти арабских стран. Небывало усилились позиции ОПЕК (Организации стран-экспортеров нефти), что позволило ей диктовать ценовую политику на мировом рынке жидкого топлива.

Доходы от продажи нефти у тех арабских государств, которые обладали наибольшими ее запасами, после 1973 года возросли в десятки раз. Среди тех, на кого пролился золотой дождь, был и Ирак. И это была заслуженная награда небес -

ведь без иракского опыта борьбы против ИРС другие арабские страны вряд ли рискнули бы прибегнуть к оружию нефтяных санкций. Лидеры Ирака осознали, что настал час для их страны возглавить борьбу за общееарабское дело: популярного Насера к этому времени уже не стало, а его преемник Садат явно стал дрейфовать в сторону Запада.

Начавшийся скачкообразный рост цен на нефть продолжался до 1981 года. В считанные годы арабский мир из отсталой окраины современной цивилизации превратился в процветающий, динамично развивающийся регион. Уже через несколько лет почти вся иностранная собственность в сырьевом секторе экономики перешла под контроль арабских правительств. Почти одновременно все страны-производители нефти провели национализацию, примером для которой стала иракская акция 1972 года. Если бы ее не было, если бы Саддам Хусейн не показал всем арабским собратьям, что можно победить в противостоянии могущественному нефтяному картелю, другие страны, наверное, не решились бы действовать более решительно. Следовательно, и доходы, полученные ими в течение 1973 – 1981 годов, не были бы столь значительны. Можно с большим основанием утверждать, что поток нефтедолларов, хлынувших в арабские страны – это материализация революционной воли, продемонстрированной БААС и ее лидером.

Итак, 1981 году цена нефти достигла пика – 38 долларов за баррель (при тогдашней стоимости американской валюты это больше нынешних 50-60 \$). При этом на долю правительства Ирака приходилось уже все 100% от ее продажи. После национализации и мирового энергетического

кризиса казна стала получать столько доходов, что оказались выполнимы самые смелые проекты. Передовые производства, которых прежде не было в Ираке, позволили отказаться от импорта многих товаров. Багдад и вся страна изменились до неузнаваемости: вдоль широких проспектов выстраивались великолепные здания, как грибы росли современные школы, госпитали, стадионы. Широкие шоссе, мосты и эстакады связали все части страны. Одновременно увеличивались и доходы граждан, что также изменило привычную картину жизни: сотни тысяч новых домов в городе и селе, миллионы автомобилей, бытовая электроника в каждой семье.

Но не только экономический подъем стал последствием бурных событий 1972-73 гг. Октябрьская кампания 1973 года стала тем рубежом, от которого нужно вести отсчет новейшей истории арабов, ибо именно в ходе нее эта нация впервые за много столетий предстала перед миром как единая сила, способная повлиять на ход истории. К тому же, у арабов впервые появилась возможность начать строительство современных вооруженных сил и приблизиться к достижению военного паритета с главными клиентами Запада на Ближнем Востоке – Израилем, Ираном и Турцией.

Роль армии в арабском мире всегда была велика. Само возникновение иракского государства на карте мира было связано с выдвиганием на роль фаворитов Англии таких лиц как Фейсал, сын шерифа Мекки, и кадровый офицер Нури Саид, сначала служивший в турецкой армии, а затем, после пленения, перешедший под английские знамена и воевавший бок о бок с полковником Лоуренсом в Аравии и Заиорданье. Созданная ими иракская армия оказалась, впрочем, не

столько инструментом британских интересов, сколько питомником арабского национализма. Разжигая этот самый национализм во время первой мировой войны, Великобритания сумела нейтрализовать панисламистские призывы из Стамбула. Но после крушения Оттоманской империи арабы осознали, что старый колониальный хищник использовал их в своих интересах и вовсе не собирается удовлетворить их вековые чаяния. (Кстати сказать, это прекрасно понял Т. Лоуренс, раздувавший пламя “арабского восстания” в 1916-1918 гг. - до конца жизни его снедал стыд за свою вероломную родину, и он даже сменил фамилию, чтобы не служить живым олицетворением имперского коварства).

Понять суть происшедшего можно только через сопоставление с недавней реальностью. Лоуренс оставил в своих мемуарах выразительные картины “боевых операций” верблюжьей кавалерии арабов, разбегавшейся при звуках оружейных выстрелов и превращавшейся в орду грабителей, едва ей удавалось овладеть вражескими позициями. Два десятилетиями позже англичане с легкостью необыкновенной разгромили иракскую армию и свергли правительство Гайлани. То же повторялось и в сороковых, и в шестидесятых годах, когда вооруженные и обученные Западом израильские войска сметали численно превосходящие дивизии арабов. Отсутствие традиций и опыта борьбы с применением современных видов оружия не позволяло арабским армиям приблизиться к уровню вооруженных сил тех стран, которые прошли школу великих войн.

К моменту установления баасистского режима численность иракской армии составляла около 70 тысяч

человек, больше половины из них были сосредоточены на севере страны (20 тысяч), где велись боевые действия против курдов, и на территории Сирии (6 тысяч) и Иордании (12 тысяч), где объединенные арабские армии противостояли Израилю. Но экономические возможности Ирака были на пределе, и дальнейший рост вооруженных сил стал возможен лишь после эпохальных изменений, инициированных революционным руководством.

Если в ходе краткосрочной военной кампании 1967 года Ирак не успел принять участие в боевых действиях, то шестью годами позже его танковые соединения вступили в столкновения с израильскими войсками на сирийском участке фронта. Без сомнения, 20 тысяч иракских солдат, прибывших на подмогу Сирии, существенно изменили ход событий на этом театре войны.

Получив после 1973 г. в свое распоряжение значительные средства, баасисты начали ускоренными темпами строительство современной армии. Были закуплены современнейшие вооружения, военные городки строились с таким тщанием и размахом, какого не знала даже Европа. По сравнению с нашими российскими казармами и проволочными ограждениями иракские казармы и плацы, обнесенные многокилометровыми каменными стенами с мощными вышками охраны, выглядят куда монументальнее. Шел также быстрый рост численного состава армии - к 1980 году он составил 650 тысяч!

Понимая роль нефти в обеспечении планов восстановления мировой роли арабской нации, баасисты считали Багдад естественным центром притяжения для всех

националистов. Отсюда, казалось многим из них, будет дан импульс реальному объединению арабов. И фундаментом этой роли Ирака как “собирателя земли” им виделось опять-таки нефтяное богатство страны. Характерную фразу произнес летом 1978 года Саддам Хусейн, тогда уже практически определявший иракскую политику: “Один из двух баррелей нефти, добываемых во всем мире, должен поступать из Ирака”. Если учесть, что максимально возможные цифры нефтедобычи для Ирака оцениваются специалистами в 320-350 млн т (3-е место в мире после России и Саудовской Аравии, которые в состоянии производить примерно по 650 млн т), то заявление иракского лидера имело весьма определенный смысл. Если перевести его смысл на язык цифр, окажется, что для выполнения этого пожелания под контролем Ирака должны были оказаться как минимум все месторождения региона Персидского залива.

Параллельно с экономическим прогрессом происходила консолидация иракского общества. Саддам Хусейн с самого прихода БААС к власти видел одной из главных задач налаживание диалога с другими партиями. Вместо изматывающего соперничества, не раз ставившего нацию на грань гражданской войны, различным политическим силам предлагалось перейти к конструктивному сотрудничеству. Инициатором идеи создания Национального патриотического фронта также был молодой заместитель председателя СРК.

Самой влиятельной из партий кроме БААС была в те годы Иракская Коммунистическая партия (ИКП). Особенно большое влияние она имела в Курдистане. В условиях постоянно тлеющего национального конфликта нейтрализация

коммунистов существенно облегчила бы Багдаду задачу установления мира на севере страны. Но после неоднократных вооруженных столкновений между ИКП и националистами эта партия относилась весьма подозрительно к любым миротворческим инициативам, подозревая потенциального партнера в желании добиться каких-то преимуществ. Нужно было проявить недюжинное политическое искусство, чтобы недавнего врага превратить в союзника. Саддам Хусейн взялся за эту задачу. Его хорошее знание коммунистического учения, личные связи и авторитет, приобретенные в тюрьмах арефовского режима, позволили успешно вести политический диалог и придти к соглашению. Важное значение в деле достижения соглашения имел и иракско-советский Договор о дружбе: московские товарищи посоветовали своим идейным братьям в Багдаде пойти на сотрудничество с БААС.

Столь же непросто было договориться о взаимодействии с курдскими партиями. И в этом случае заместитель генерала Бакра брал на себя огромный политический риск. Только его человеческие качества и знания обычаев могли помочь в разрешении проблем. Даже его происхождение сослужило хорошую службу при налаживании климата доверия. Так, во время восстания против турецкого владычества в начале XX века племени бегат пришлось воспользоваться гостеприимством курдских племен талабани. Хайралла Тульфрах, появившийся на свет в то время, был назван в честь курдского шейха, давшего приют его родителям. В 1970-х годах Саддам Хусейн припомнил ту давнюю историю, когда решался вопрос об освобождении от судебного

преследования главы клана Талабани⁸. Что в конечном итоге помогло установлению сотрудничества с некоторыми курдскими партиями. Этот эпизод дает представление о механизме согласования интересов, совершенно не похожем на те, что применяются на Западе.

Но талабани были не главной силой, выступавшей под сепаратистскими знаменами. Старый шейх Мустафа Барзани, ветеран борьбы против шаха и союзник СССР еще со времен Второй мировой войны, возглавлял наиболее мощную группировку. Он играл на противоречиях различных держав и развивал отношения с Израилем, США, Ираном, продолжая получать помощь и от советских властей. Усадить его за стол переговоров удалось благодаря усилиям Саддама Хусейна. Заместитель Бакра еще осенью 1969 года вступил в переговоры с Барзани и лично отправился на север для встречи с лидером мятежников. Хотя первые положительные результаты были закреплены уже в марте 1970 г. соответствующим манифестом, до полного замирения с курдами прошло несколько лет. И договор с СССР также сыграл положительную роль в этом деле: Барзани не мог не учитывать позицию Москвы. (Кстати сказать, посредником

⁸ Позднее глава курдского клана не проявил такого же благородства, когда шла речь о сохранении жизни Саддаму Хусейну. Ставший марионеточным президентом в условиях американской оккупации, курдский вождь, правда, не завизировал смертный приговор, но и не сделал ничего, чтобы остановить казнь. Талабани даже заявил, что узнал о ней по телевидению. Может ли кто-нибудь поверить этому заявлению?

между конфликтующими сторонами стал Евгений Примаков, тогда корреспондент "Правды" на Ближнем Востоке. Именно в ходе этой миссии он познакомился с С.Хусейном).

Саддам виртуозно овладел искусством компромисса. Его усилия увенчались успехом – в июле 1973 года было подписано соглашение об образовании Национального патриотического фронта. Коммунисты и представители курдских партий получили места в правительстве. Открылись перспективы совместной конструктивной работы всех политических сил на благо Ирака.

Однако, несмотря на провозглашение курса на примирение с курдами и образование курдской национальной автономии на севере Ирака, курдская проблема была далека от разрешения. Позднее Саддам Хусейн дал этому периоду следующую оценку: «...спустя пять лет после совершения своей первой политической и военной задачи, революция 17-го июля 1968 года была вынуждена вступить в новый ожесточенный бой, продлившийся непрерывно 12 месяцев, с одним из наиболее активных и сильных членов СЕНТО. Революция воевала против армии иранского шаха и наемников, которые предали родину и были опутаны сетями империализма. ...Этот бой длился непрерывно 12 месяцев, с марта 1974 года по март 1975, и наш великий многонациональный иракский народ отдал 60 тысяч или больше, погибших и раненых, в том числе 16 тысяч среди Вооруженных сил»⁹...

⁹ С.Хусейн. Революция и женщина. Багдад, Дар аль-Ма'мун, 1981. Стр. 12

Поскольку некоторые шейхи и политические силы, опиравшиеся на поддержку шаха Ирана, продолжали вести вооруженную борьбу против центрального правительства, решение курдской проблемы в целом оставалось неосуществимым. Поэтому на повестку дня встал вопрос об урегулировании отношений с Ираном, уже давно отягощенных пограничной проблемой.

В 1937 г. под английским арбитражем было заключено соглашение между Ираком и Ираном о прохождении границы по иранскому берегу Шатт эль-Араба. Таким образом, любое судно, направлявшееся из Персидского залива в один из портов Ирана на этой водной артерии, проходило по территориальным водам Ирака со всеми вытекающими отсюда последствиями (таможенный и пограничный контроль). Суверенитету Ирана наносился существенный урон, но за спиной иракского клиента Великобритании была куда большая мощь, чем за спиной Реза-шаха. Но с изменением соотношения сил Иран стал требовать пересмотра соглашения, и в 1969 году объявил о его односторонней денонсации. Одновременно шах стал оказывать все возрастающую поддержку курдским повстанцам, которые изматывали иракскую армию и не позволяли иракскому руководству адекватно реагировать на иранское давление. К этому времени произошли важные изменения и в расстановке сил во всем регионе Ближнего Востока. Англия, будучи не в силах содержать огромную армию, разбросанную по всему миру, объявила о выводе своих войск из всех мест дислокации "к востоку от Суэца". Началась подготовка к провозглашению независимости британских протекторатов в Персидском

Заливе. И как только в 1971 году англичане ушли, Иран оккупировал три стратегически важных острова в районе Ормузского пролива, что дало ему возможность контролировать все перевозки нефти от портов Залива в страны за пределами региона. Тогда революционный Ирак решительно выступил как поборник арабского суверенитета, как главный защитник малых стран Залива перед угрозой иранского гегемонизма. Но подкрепить слова решительными действиями он не мог.

Понимая уязвимость Ирака, шах настаивал на пересмотре соглашения 1937 г. и определении прохождения границы по средней линии русла Шатт эль-Араба. Взамен на уступки иракской стороны он обещал прекратить поддержку курдов. Переговоры состоялись в Алжире при посредничестве тогдашнего президента Х. Бумедьена в дни работы конференции ОПЕК на высшем уровне. С иранской стороны их вел шах, а с иракской – Саддам Хусейн, они и подписали 6 марта 1975 года соответствующее соглашение.

Поддержка курдского сепаратизма извне прекратилась. Ирак сразу же почувствовал облегчение. Появилась возможность сконцентрировать силы на строительстве современной экономики и оказывать большее влияние на ситуацию в Палестине.

Соглашение по Шатт эль-Арабу носило временный характер, и по прошествии лет становится очевидно, что Саддам Хусейн проявил при его подписании присущее ему тактическое мастерство. Хотя тогда казалось, иранской монархии ничто не угрожает, заместитель председателя СРК, вероятно, обладал более полной информацией. Недаром

именно он курировал разведслужбы Ирака. Уже вскоре алжирские соглашения потеряли актуальность на фоне нараставшей нестабильности в Иране, где шахский режим явно слабел под ударами фундаменталистских революционеров...

ЕСЛИ НЕ МОЖЕТЕ ОТРУБИТЬ РУКУ, ЦЕЛУЙТЕ ЕЕ

Вторая половина 70-х годов XX века принесла серьезные изменения в расстановке сил и на мировой арене, и на Ближнем Востоке. Усилилась тенденция к интеграции консервативных арабских стран: было создано региональное объединение – Совет Сотрудничества Арабских Государств Залива (GCC)– в которое не был приглашен только Ирак. Это было отражением тех опасений, которые внушал аравийским монархам революционный режим Багдада. В то же время неоднократные попытки объединения Ирака с Сирией заканчивались безрезультатно. Наиболее прагматичные люди в руководстве БААС видели, что продолжение конфронтации с консервативными силами в арабском мире только вредит Ираку. Во главе тех, кто выступал за смену политических приоритетов, был Саддам Хусейн.

Одним из результатов смягчения революционной риторики и налаживания постоянного диалога с монархическими режимами стало возрастание роли Багдада в общеарабских делах. Венцом этого стало совещание глав арабских государств в Багдаде в ноябре 1978 года. Приняв решения, осуждающие Египет за сепаратную сделку с Израилем, арабские лидеры фактически сделали шаг в

направлении признания ведущей роли Ирака в противостоянии американско-сионистским планам.

Президент Бакр доверял своему заместителю по СРК все более важные полномочия. Так, еще в 1976 г. после сердечного приступа у Бакра, Саддам должен был взять на себя всю полноту власти в стране. Слабеющее здоровье генерала не позволяло в полную силу заниматься государственными делами, и он не раз ставил перед соратниками вопрос об отставке. Но именно Саддам Хусейн настоятельно убеждал президента в преждевременности такого шага. И все-таки Бакр настоял на формальной передаче власти С.Хусейну, тем более что тот уже долгое время играл определяющую роль в делах государства.

Саддам стал президентом Ирака в июле 1979 года. Мирная передача власти, совершившаяся впервые за более чем два десятилетия, не предвещала как будто бы резкого изменения политического курса. Иракская печать по-прежнему именовала страну базой арабской революции, что подразумевало помощь Багдада движениям, ставящим цель объединения нации в едином государстве. Повсюду в Ираке развевались флаги мечтаемой великой державы – их цвета совпадают с цветами иракского флага. Выпуски теленовостей открывала карта арабского мира, раскинувшегося на двух континентах, силуэт арабского отечества во всех видах варьировался на страницах газет и книг, на плакатах и уличных панно.

Однако уже накануне перехода власти к Саддаму Хусейну (хотя все знали, что акт официальной передачи полномочий лишь зафиксировал реальную расстановку сил),

началось резкое потепление отношений с монархическими режимами соседних стран. Была свернута пропаганда против короля Иордании Хусейна. Глуше стала критика деятельности регионального союза аравийских монархий, прилегающих к Персидскому заливу.

6 января 1980 г. в речи по случаю 59 годовщины создания иракской армии, С.Хусейн объявил об отказе БААС делить арабских лидеров на «революционеров» и «реакционеров». А через месяц, 7 февраля, выступая перед народом на багдадском стадионе, он провозгласил Национальную Хартию из 8 пунктов, в которой излагались принципы взаимоотношений между арабскими странами. Вместо революционной нетерпимости и непримиримой критики монархических режимов в этом документе звучали мотивы солидарности и единства всех стран арабского мира вне зависимости от социального строя. Этот документ вызвал волну одобрения в большинстве арабских государств. Одной из первых свою поддержку Хартии выразила Саудовская Аравия.

А в августе 1980 новый президент Ирака вместе с виднейшими членами руководства страны осуществил паломничество (*умра*) в Мекку. На весь арабский мир транслировалась хроника посещения священного города, где облаченный в белое Саддам совершал вместе со свитой и охраной ритуальный обход Каабы в сопровождении наследного принца Саудовской Аравии Фахда.

Параллельно с этим Багдад дистанцируется от СССР (несмотря на то, что Договор о дружбе и сотрудничестве

между двумя странами остается в силе), подвергает критике советские действия в Афганистане.

Смысл всех этих демонстративных действий станет ясен очень скоро, когда Саддаму понадобятся надежный тыл, финансовые ресурсы нефтяных монархий, а главное – благорасположение западных стран, традиционно предпочитающих поддерживать Израиль.

В это же время начинается до поры до времени неявное сближение с Америкой. Видный советский дипломат, служивший в середине 80-х годов в Египте, вспоминает: «заместитель премьер-министра этой страны говорил мне, что египетскому правительству достоверно известно, что американская разведка подталкивала Багдад к войне, передавая ему сведения о неудовлетворительном состоянии иранских вооруженных сил и их неспособности оказать серьезное сопротивление. Я далек от мысли будто Багдад мог действовать по чужой указке, но, преследуя собственные цели, он при этом прекрасно понимал, что Вашингтон не только не станет его останавливать, но, напротив, будет оказывать разнообразную поддержку. Как признавал сам Саддам Хусейн, решение восстановить дипломатические отношения с США им было принято еще до начала войны с Ираном, но задержано исполнением именно для того, чтобы избежать «неправильной интерпретации». С точки зрения имиджа так поступить было логично. Пауза была выдержана, и за ней последовало резкое наращивание американо-иракских отношений по многим линиям»¹⁰.

¹⁰ Александр Белоногов. МИД. Кремль. Кувейтский кризис. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Стр.377.

Евгений Примаков, пожалуй, лучше кого-либо из наших соотечественников знакомый с С.Хусейном, в своей книге о кувейтском кризисе называет его прагматиком, впрочем, тут же оговариваясь: “Гибкостью, маневренностью, способностью приспособиться к условиям, оценить по достоинству реальности Саддам Хусейн никогда не отличался даже при всем своем прагматическом складе ума. Мне даже кажется, что он постепенно пришел к выводу об особом предназначении судьбы, “обеспечивающем” ему успех в решении задач, которые многим казались абсолютно недостижимыми”.

Это противоречивое высказывание отражает психологическую несовместимость двух политиков. Осторожно-расчетливый Примаков потому и не смог сам стать общенациональным лидером, ибо у него нет той веры в себя и свое предназначение, которая присуща харизматическим фигурам. Если бы Саддам прислушивался только к доводам здравого смысла и к оценкам экспертов, он не пошел бы на смертельный риск 30 июля 1968 года и не решился бы на национализацию весной 1972-го. Но он предпочел довериться своей счастливой звезде – и выиграл.

Так и в первый год своего президентства, круто повернув вправо руль государственного корабля, он действовал не только по расчету, но и по интуиции опытного политика. Новая реальность, связанная с внутривнутриполитическими изменениями в Иране, требовала решительной смены ориентиров.

Понимание того, что означает исламская революция для всего ближневосточного региона и даже для всего мира,

пришло далеко не сразу. Поначалу у общественности многих стран вызвало энтузиазм свержение монархии в Иране. Да и в арабских странах существовали иллюзии относительно исчезновения «жандарма Залива».

Шах, претендовавший на замещение вакуума власти, образовавшегося с уходом Великобритании из региона «к востоку от Суэца», лелеял мечту о превращении своей страны в сверхдержаву Востока. И это стало одним из факторов консолидации арабских монархий (создание GCC). А тесные отношения шахского Ирана с Америкой и Израилем особенно настораживали революционные режимы Ирака и Сирии – имея в своем тылу такую силу, трудно было рассчитывать на сокрушение «сионистского образования».

Хомейни объявил Израиль и Америку главными врагами Ирана. Но это, как ни странно, не принесло облегчения арабским соседям. Именно их новое руководство в Тегеране рассматривало как главный объект экспорта революции.

В арабских странах Залива вызывали тревогу участившиеся ссылки в иранской печати на историческую принадлежность Бахрейна Ирану и отказ вернуть Объединенным Арабским Эмиратам оккупированные шахом в 1971 году острова. Шиитское население этих стран (на Бахрейне 70 процентов, в Кувейте 30 процентов, в ОАЭ 15 процентов, по некоторым данным, они составляют большинство и в прилегающей к Заливу части Саудовской Аравии) виделось здешним правителям питательной средой для революционных бактерий. А для Ирака революционные призывы из Тегерана таили еще большую опасность.

Главные святыни шиитов находятся на территории Ирака. Города Неджеф и Кербела, а также багдадская мечеть Аль-Казымейн являются местами погребения величайших святых, которым поклоняются шииты. Посещение этих мест столь же почетная обязанность последователей этого направления в исламе, как и хадж в Мекку. Население южного Ирака в большинстве своем состоит из шиитов, да и в масштабах всей страны они составляют большинство.

К тому существовали и субъективные причины для того, чтобы Ирак стал основным объектом экспорта революции. Для имама (духовного руководителя) Хомейни Неджеф больше десятилетия служил своего рода революционным штабом. Он регулярно выступал здесь с лекциями перед религиозными авторитетами. После высылки из Ирана в 1964 году религиозный лидер обосновался в священном месте шиитов¹¹ и даже приобрел дом. Когда в 1978 г. начались повсеместные выступления против монархии под знаменами исламского фундаментализма, их главным идейным вдохновителем был именно Хомейни. Вокруг аятоллы группировались антишахские активисты, которые оперативно передавали в Иран его письменные послания и магнитозаписи его выступлений, немедленно распространявшиеся по стране, охваченной революционными волнениями. С началом массовых волнений по всей стране под хомейнистскими лозунгами, Мухаммед Реза Пехлеви потребовал от Ирака пресечь опасную деятельность вдохновителя бунтовщиков. Иракское руководство оказалось чувствительным к требованиям Ирана

¹¹ Неджеф возник на месте захоронения Али, зятя пророка Мухаммеда.

– ведь за три года до того оно настаивало на прекращении поддержки курдов правительством шаха. Однако и с Хомейни Багдад не желал ссориться, поэтому лидеру исламских революционеров предложили свернуть антишахскую деятельность, наносившую ущерб интересам страны, гостеприимством которой он пользовался. Однако аятолла отказался принять эти справедливые требования.

Много лет спустя Саддам напишет роман «Забиба и царь», в котором найдут отражение его тогдашние взаимоотношения с Тегераном. Противник там именуется Эламом – по имени древнего царства, существовавшего на земле Ирана. Один из второстепенных героев книги, сторонник тесных отношений с восточным соседом, скажет: «Мы должны мириться со сложившимся положением, чтобы наша торговля процветала, потому что известный путь со всеми его недостатками лучше того пути, который ведет неизвестно куда, даже если нам показалось поначалу, что второй лучше. Права народная мудрость, которая говорит: «Если не можете отрубить руку, целуйте ее»¹². Трудно отделаться от ощущения, что автор вложил в уста героя те мысли, которым руководствовался он сам, идя на попятную перед шахом сначала в споре из-за прохождения границы по Шатт-эль-Арабу, затем из-за окопавшихся в Ираке иранских диссидентов.

Недовольство Тегерана деятельностью мятежного имама росло. Багдаду не оставалось ничего иного, как

¹² Саддам Хусейн. Забиба и царь. СПб., Амфора, 2003. Стр. 207-208.

удовлетворить требования могущественного соседа. Сначала дом Хомейни был окружен агентами Мухабарата (службы безопасности), которые препятствовали его контактам со своими сторонниками, а затем было решено не препятствовать намерению духовного лидера покинуть Ирак. Его вывезли на границу Кувейта, но, опасаясь осложнений с Ираном, эта страна не приняла изгнанника, и тогда аятолла вылетел в Париж.

Когда в феврале следующего года Хомейни вернулся на родину после бегства шаха, Ирак выразил поддержку народной революции, признал новое правительство и всеми своими действиями демонстрировал готовность придерживаться добрососедства. Однако в Тегеране не приняли руку дружбу. Напротив, уже вскоре после прихода исламистов к власти, они начали пропагандистскую войну против баасистского режима в Багдаде.

Вскоре после того как С.Хусейн занял пост президента, обстановка на границе с Ираном стала ухудшаться. Одна за другой следовали провокации – вторжения на иракскую территорию воинских подразделений, обстрелы. Протесты Багдада оставались без ответа. Мало того, в Иране начали готовить и забрасывать на территорию соседнего государства группы боевиков, которые должны были проводить террористические акты и создавать очаги напряженности в районах, населенных шиитами. По всему Ираку прокатилась волна взрывов, направленных против видных деятелей БААС и правительственных структур. Покушение на одного из ближайших сподвижников Саддама, Тарика Азиза, совершенное 1 апреля 1980 г., переполнило чашу терпения.

Саддам Хусейн понял, что необходимо упредить агрессивного соседа...

В отношении шиитских активистов, ориентированных на Тегеран, были предприняты превентивные меры, а часть их была выслана из страны. Таким образом ослаблялась пятая колонна.

Но Хомейни не успокаивался. В начале июля он прямо призвал иракских шиитов свергнуть режим БААС. А несколькими днями позднее президент Ирана Банисадр заявил, что его страна начнет войну против Ирака в случае ухудшения обстановки на границе.

К сентябрю отдельные стычки переросли в крупные столкновения. Нарушения воздушного пространства Ирака и артиллерийские дуэли следовали почти каждый день. Выступая 23 июля 1981 г. Саддам Хусейн так оценил сложившееся положение: «А когда Иран начал его агрессивные действия на границе в широком масштабе и ударил по сторожевым пограничным постам, мы ожидали, что следующий шаг будет тогда, когда он не столкнется с адекватной реакцией; и тогда он будет действовать таким образом, чтобы поставить нас в такое положение, в котором мы должны будем среагировать на эту агрессию.

Так и произошло 4 сентября 1980 года, когда Иран, после того, как он не получил от нас соответствующей реакции на уровне войны на его нападение на пограничные сторожевые посты, начал войну 4 сентября и ударил по иракским городам: Ханакину, Мендели, Зарбатые и зоне Нефть-Хана, и после этого, еще до 22 сентября, он закрыл Шатт эль-Араб и обстрелял Басру из своей артиллерии».

В такой обстановке Саддам Хусейн объявил о денонсации Алжирского соглашения. Это было равнозначно разрыву отношений с Ираном.

КАДИСИЯ САДДАМА

22 сентября 1980 года жителей южноиракского города Басры встревожил непривычный гул, как бы шедший из глубин земли. По мостам через Шатт-эль-Араб словно бесконечные черные гусеницы ползли танковые колонны. Потом над городом с ревом пронеслись несколько звеньев МИГов и “Миражей”. Самолеты и танки направлялись в сторону Ирана - граница проходит неподалеку, восточнее Басры.

Такого развития событий жители города ожидали. Подводя итоги первых месяцев войны, президент Ирака заявил: «Иранцы стреляют по Басре, когда десять бомб, когда восемь бомб, когда пять бомб через день, иногда каждый день, а иногда больше одного раза в день, как это сделали вчера. Басра — это город, и то, что они сейчас делают, напоминает то, что они сделали в начале войны, когда начали эту войну ударами по мирным городам. И это заставило нас войти в их территорию, чтобы защитить наши города от обстрела пушек. Это и есть причины нашего вхождения внутрь их земель, чтобы защитить наши города и в то же время заставить их прекратить военное положение после того, как началась война между ними и Ираком, и чтобы они признали права Ирака и арабской нации открытым и ясным образом»¹³.

¹³ Пресс-конференция господина президента Саддама Хусейна 19 июля 1981 года. Багдад, Дар аль-Ма’мун, 1981.

Но дорога к такому признанию оказалась длиннее, чем кто-либо мог предположить в тот момент.

Эта восьмилетняя война, перемоловшая сотни тысяч жизней, оставила незажившие по сей день раны на теле Земли. Но в этой войне родилась первая современная арабская армия.

То, что имелось у арабов прежде – даже многочисленная египетская армия, прошедшая боевое крещение в трех скоротечных войнах с Израилем и в одной затяжной кампании в Йемене – не может идти в сравнение с той военной машиной, которая была создана и отлажена Саддамом в ходе восьмилетней войны с Ираном. В 1973 году, когда относительно небольшой иракский экспедиционный корпус был переброшен на сирийско-израильский фронт, даже эта сила принималась в расчет при рассмотрении баланса сил на Ближнем Востоке. А к моменту окончания боевых действий на ирано-иракском фронте у Саддама была миллионная армия, прошедшая школу, сравнимую со школой европейских армий в Первой и Второй мировой войне! Армия, превратившаяся в ходе долгой войны с Ираном в Великую Армию...

Столкновение двух стран имело множество измерений. Нельзя сводить причины войны только к личной неприязни лидеров или идеологической несовместимости режимов. Сам С.Хусейн дал такое объяснение: «Мы воюем с правителями Ирана, и люди, которые воюют против нас, это не только Хомейни и Раджаи, там есть иранская армия, которая воюет против нас. Но мы должны вести себя перед исторической ответственностью с мудростью, и мы говорим, что иранские правители несут ответственность за агрессию и войну из-за их

позиции. Мы ведь слушали Банисадра, когда он выступал с речью в марте 1980 года, в которой он сказал, что если иранская армия будет двигаться в сторону Багдада, то нет никакой силы, которая может помешать ей оккупировать Багдад. Иранцы аплодировали ему. Эти аплодисменты являются эхом исторической борьбы, о которой мы говорим. Иначе почему аплодировали ему? Им надо было бы ему сказать: «Почему это, брат, и что ты хочешь от Багдада? Почему твоя армия направится в Багдад и зачем мы оккупируем его?».

Эти аплодисменты, конечно, являются эхом исторической борьбы, которой больше чем четыре тысячи лет, и эта борьба не остановилась. Однажды я спросил историков: «Можете ли сказать мне, есть ли какой-нибудь пятнадцатилетний период в истории, за который не произошла бы какая-нибудь персидская интрига против арабской нации или против Ирака, пятнадцать лет подряд». Они мне ответили, что не было в истории ни одного пятнадцатилетнего периода без персидской интриги против арабской нации или против Ирака. Но, однако, мы не строим нашу политику на основе мании истории, а строим нашу политику на основе желания, чтобы отношение между нами и Ираном опиралось на основу мира и уважения друг друга, уважения выбора каждого, и прав каждого, и не совершать агрессии друг против друга, не использовать военный и агрессивный метод для достижения незаконных прав. Вот эти принципы, в которые мы верим. Но когда совершают против нас агрессию, то мы имеем право возвращаться к истории, чтобы найти разъяснение причин агрессии, когда у нас нет ошибки в настоящее время в отношении Ирана. Иначе как мы можем объяснить, что этот

новый режим, который утверждает, что он за счастье иранцев, что он осуществляет им то счастье и спокойствие, которое они потеряли во время шаха, и в то же время он первым начинает вражду к Ираку и вмешивается в его дела, и использует бомбы против ответственных лиц и против студентов, и обстреливает пограничные пункты, и, наконец, бомбит мирные города. Как мы объясним всю эту вражду, если мы не вернемся в глубину истории, или среди важнейших объяснений — это возвращение в глубину истории»¹⁴.

Вскоре после начала необъявленной войны с Ираном ее начали именовать “второй Кадисией”. Таким образом в Ираке не просто старались вызвать в сознании арабов исторические ассоциации и достичь определенного пропагандистского эффекта. Битва возле селения Кадисия в 637 была первой победой над персидской армией, после которой арабами была захвачена вся Месопотамия, а затем и другие области империи Сасанидов. Название, ставшее символом победы арабского Давида над персидским Голиафом, вероятно отражало представление иракского политического руководства о том, что историческая ситуация повторяется, и надо использовать представившийся шанс.

Саддам Хусейн не раз заявлял, что был вынужден нанести упреждающий удар, так как вся предшествовавшая войне цепь провокаций свидетельствовала: Тегеран ставит целью расшатать единство иракского общества перед решающим наступлением. Конечной же целью шиитских революционеров было установление режимов аналогичных

¹⁴ Там же. Стр.48-50

тегеранскому, по всему арабскому миру. Выступления шиитов на Бахрейне, захват ими Великой мечети в Мекке и другие акты революционного насилия, осуществленные по указке из Тегерана, не оставляли сомнений относительно намерений аятоллы Хомейни. И он, и его окружение жаждали исторического реванша...

Взаимоотношения персов и арабов с давних времен до сего дня - одна из драматичнейших страниц в истории мировой цивилизации. Крушение сасанидского Ирана под ударами арабских армий в VII веке было по своим последствиям сравнимо с гибелью Римской империи. Последняя из великих арийских культур погибла в результате мусульманского завоевания. В течение первого века арабского господства персы были отстранены от власти и не допускались на сколько-нибудь влиятельные должности. Только переворот 750 года, когда к власти пришли Аббасиды, изменил положение коренного населения страны. Новая династия опиралась на активистов новой религиозной ереси (с точки зрения правоверного ислама), которая именовалась шиизмом, от арабского *шиа Али* (партия Али). Представители этого течения признавали руководство имамов (духовных предводителей), ведущих свой род от Али, зятя и двоюродного брата пророка Мухаммеда. Отрицая легитимность Омейядов, правивших мусульманской империей Халифатом, приверженцы потомков Али вели неустанную пропаганду против «нечестивых» властителей. Именно оппозиционность к господствующей династии и поддерживаемой ею ветви ислама вызвала сочувствие к шиитам среди подавляемого арабами персидского

большинства в восточной части Халифата. Потомки Аббаса – дяди пророка Мухаммеда - в собственных политических целях благосклонно относились к шиизму, надеясь использовать его для захвата власти. Когда им это удалось, прекратилась практика ограничения персов в правах, и постепенно они стали господствующим элементом во всех структурах на прежней территории Ирана.

Но большинство персов в то время еще исповедовало прежнюю религию – зороастризм. И если по отношению к исповедникам родственных исламу семитических религий иудаизму и христианству арабы проявляли терпимость, то зороастрийцев старались всячески унижить и затруднить их хозяйственную жизнь, отстранить с элитных поприщ – политики, армии и т.д.

Шиитский ислам стал господствующим религиозным направлением в Иране спустя много веков. Вытеснение, разорение, изгнание и погромы гебров (или парсов) – так с течением времени стали называть последователей древнейшей религии – сделали свое дело. В XVI столетии, когда в правление династии Сефевидов шиизм стал официальной религией Ирана, почти повсеместно угасли горевшие тысячелетиями факелы в храмах последователей Заратуштры...

С тех пор, казалось бы, должна была угаснуть и арабо-персидская вражда, тем более, что в лоне ислама уживались и разные нации, и разные расы. Именно эта религия в наибольшей степени отрицает расизм, ибо среди последователей Мухаммада добрая половина – темнокожие и желтокожие. Впрочем, один из слоганов иракской пропаганды

военных лет - “персидские расисты” - говорит, как будто, о том, что к греху расового превосходства причастны персы, умудрившиеся даже внутри ислама отвоевать себе духовный суверенитет. В Иране даже появилась теория *шуубии*, утверждающая культурное превосходство персов над арабами и полную самобытность культуры Ирана.

Шиитов сегодня около 10 процентов от общей (почти миллиардной) массы мусульман. И живут они, помимо Ирана, на тех землях, которые когда-либо входили в империю персов. Таким образом, внутриисламская трансформация культуры Ирана привела как бы к восстановлению духовно-расового status quo. Как бы – потому что не только персоязычные народы исповедуют шиизм, по периметру Залива, в Сирии и в горном Йемене также многочисленны последователи этого течения.

Конечно, нельзя напрямую связывать расовые, национальные, религиозные и политические составляющие в сознании того или иного сообщества людей, объединенных границами единого государства. В одних случаях верх могут взять соображения религиозной солидарности (в Боснии сербы-мусульмане яростно сражались против православных сербов; близкородственные народы семитической расы – палестинские арабы и евреи – кажутся непримиримыми врагами), в других определяющую роль играет национальная принадлежность (вражда малороссийских “братьев по вере” против великороссов), в третьих расовое притяжение становится выше всего (стремление русских и белорусов к объединению, несмотря на мощное противодействие влиятельных политических сил), наконец, соображения

политико-идеологического характера могут вызвать тяготение друг к другу во всех отношениях далеких друг от друга государств и народов (СССР – Южный Йемен, США – Тайвань). А президент Рейган в обоснование американо-сионистского альянса то и дело поминал о некой «иудео-христианской цивилизации», ничуть не смущаясь оттого, что ее никогда не бывало в реальности, а зародилась она в чернильницах известного сорта журналистов лишь в конце 1930-х годов ¹⁵...

При учете расстановки сил в конфликтах на Ближнем Востоке необходимо принимать во внимание все возможные комбинации названных составляющих. Иначе не избежать ошибок, которые постоянно совершают не только заморские политики, планирующие свою стратегию в регионе, но и местные вожди, отдающие предпочтение одному из цветов духовно-политического спектра. Как один из классических примеров можно взять ситуацию, сложившуюся во время ирано-иракской войны.

¹⁵ Европа оказалась лучше осведомлена относительно истинных взаимоотношений двух религий. Даже несмотря на долголетнюю обработку сионобоязненных СМИ, в сентябре 2003 года в ходе пленарного заседания Европейского парламента депутаты отвергли предложение об упоминании в будущей конституции единой Европы «иудео-христианских корней» цивилизации континента. Во время проходившего голосования по соответствующей поправке более половины (283) депутатов высказались «против» и лишь 211 - «за».

Вторгаясь на территорию Ирана, иракское руководство принимало в расчет наличие многочисленного арабского населения в приграничной провинции Ирана Хузестан. Английские авторы Д.Баллох и Х.Моррис, по горячим следам событий 1990-91 в Персидском заливе выпустили книгу “Война Саддама”, в которой утверждается: “Среди военных целей Саддама был захват и удержание южной пограничной провинции Ирана, которую иранцы называют Хузестаном, а иракцы Арабистаном, и включение ее – подобно Кувейту – в состав Великого Ирака. Среди населения провинции преобладали арабы; их территория поэтому рассматривалась как арабская и в качестве таковой показывалась на иракских картах. Присоединение Хузестана дало бы Саддаму доступ к Заливу, к тому же он приобрел бы буферную зону с Ираном”.

По условиям Алжирского соглашения Ирак отказался от высказывавшихся прежде претензий на Хузестан, и не заявлял на него прав и во время войны. Другое дело, если бы развитие событий привело к отпадению этой части Ирана. Хузестан – главный нефтедобывающий район страны, и овладение им позволило бы Ираку существенно приблизиться к цели, сформулированной Саддамом в 1978 году: каждый второй баррель нефти – иракский.

Не исключено, существовали ожидания, что при вступлении армии соплеменников на иранскую территорию арабы восстанут, и возникнет государство Арабистан под патронажем Ирака. О том, что такая возможность могла допускаться, говорит тот факт, что после захвата первого крупного иранского города Хорремшехра он был немедленно переименован в Аль-Мухаммару – как назывался во времена

Халифата. Это можно было истолковать как сигнал арабам Хузестана. Но они его не услышали. Восстания против персов не произошло, граждане Ирана всех национальностей сохранили лояльность правительству в Тегеране.

То же можно сказать о расчетах Хомейни и его сподвижников. Зная, что 60 процентов иракских арабов исповедуют шиизм, аятолла надеялся, что его призыв к войне против «безбожного Саддама» будет услышан единоверцами. Но и они предпочли гражданскую верность религиозной солидарности.

Если же взять иное измерение конфликта – в масштабе всего региона, – то выявятся иные закономерности, не укладывающиеся ни в первую, ни во вторую схему. Так, идеологическая близость правящих режимов Сирии и Ирака, принадлежность обеих стран к арабскому миру, оказались менее значимыми факторами, чем принадлежность правящей группировки Дамаска к шиитской секте алавитов. Алавит Хафез Асад закрыл границу с Ираком, перекрыл нефтепровод, идущий от месторождений Киркука к Средиземному морю и вынудил Багдад держать часть войск вдоль сирийской границы, ослабив, таким образом, воюющую армию. Союз с Хомейни не был, конечно, продиктован только соображениями религиозного порядка, но нет сомнения в том, что они давали определенную опору Асаду для легитимизации его партнерства с «извечным врагом арабской нации».

Были и иррациональные причины для войны. Уместно привлечь для объяснения их умозаключение Ллойд-Джорджа, высказанное в начале 20-х годов применительно к мировой войне: «Что создало последнюю войну? Международные

несогласия, соперничество и подозрительность. Несогласия основывались на вековой племенной вражде, подбодряемой воспоминаниями о недавних обидах. Кельт и тевтон ненавидели один другого; славянин и тевтон взаимно подозревали друг друга; ненависть славянина к тевтону увеличилась благодаря той наглости, с какой Германия унижала Россию в минуту ее слабости тотчас же после Японской войны, когда Россия была особо чувствительна к оскорблениям. Вы помните грубость и дерзость ее образа действий в вопросе об аннексии Боснии, а дерзость всегда испытывается нами более мучительно, нежели простая несправедливость, и дольше дает себя чувствовать. Дерзость пронзает тело народов и зажигает у них в душе пожар гнева”.

Поражаешься повторяемости политических ситуаций в разных концах мира. И это лишний раз свидетельствует, что политика есть порождение общих закономерностей человеческой природы, основных черт характера, присущих представителям всех наций. В предыстории ирано-иранского столкновения прочитываются те же психологические повороты, которые привели народы Европы к великой войне.

Аятолла не забыл высылки из Ирака в 1978 году, и тот инцидент наложил печать на взаимоотношения двух стран, когда в результате антишахской революции к власти в Иране пришел недавний обитатель Неджефа. Оба лидера подверглись унижению: один, подписав вынужденное соглашение с шахом в Алжире, другой – будучи вынужден покинуть собственный дом под давлением иракских властей. И оба перенесли жажду отмщения в сферу политических взаимоотношений. Никто из людей, будь это даже

политические вожди или духовные иерархи, не в силах пережить унижение. На примере Ирана и Ирака, которые не раз менялись местами в позиции оскорбителя и оскорбленного, легко увидеть, как трудно докопаться до первопричин вражды, установить ее зачинщика...

К тому же, имелись могущественные силы в мире, обладавшие широкими возможностями для организации провокаций, для стравливания традиционно не доверявших друг другу сторон. Как раз в начальный период ирано-иракской войны в прессе появились изложения так называемого "плана Льюиса"¹⁶, активно обсуждавшегося политической элитой Запада. Суть его сводилась к перекройке границ ряда государств с целью дробления их потенциала. Согласно этому плану надлежало содействовать образованию Курдистана (путем выделения населенных курдами земель из состава Ирана и Ирака), Белуджистана (через объединения районов проживания белуджей в Афганистане, Иране и Пакистане), Арабистана (населенная арабами часть Ирана), шиитского

¹⁶ Именно в статье этого историка-сиониста «Корни исламской ярости» (*The Roots of Muslim Rage*, 1990) впервые появилась формулировка «конфликт цивилизаций», впоследствии использованная Самуэлем Хантингтоном для названия работы, ставшей идейным знаменем «иудео-христианских» демократизаторов Ближнего Востока. Знаменателен словесный реверанс вице-президента Чейни на обеде в честь Льюиса, устроенном филадельфийским Советом по международным отношениям (1.05.06): "...в этом новом столетии к его мудрости ежедневно обращаются политики, дипломаты, ученые и масс-медиа».

государства на части территории Саудовской Аравии. Но даже если конфликт и не приводил к перекройке границ, он оказывался на руку Израилю и Западу. Оценивая отношение Тель-Авива к перспективам войны через полтора месяца после ее начала, западногерманская “Франкфуртер альгемайне” писала: “Война в Заливе создает облегчение “восточному фронту” Израиля. Ирак и Иран – фанатичные враги еврейского государства. Война разрушает значительную часть военного потенциала этих стран, обращенного против Израиля, на годы вперед. Военное снаряжение надо будет восполнять. Разрушенные сооружения по добыче, переработке и транспортировке нефти придется заново восстанавливать. Это потребует не только много денег, но и времени. Как бы война ни закончилась, она не устраним традиционной напряженности между Ираком и Ираном, а только усилит ее. А это свяжет иракские войска на востоке, на большом удалении от Израиля... Далее эта война несет Израилю преимущества раскола враждебно противостоящего еврейскому государству арабского мира”. Сегодня мы можем судить, насколько реалистичной была эта широко распространенная оценка ситуации в регионе Залива, при самом зарождении конфликта...

Несмотря на то, что первый массированный удар в необъявленной войне нанес Ирак, мировое сообщество в целом приняло объяснения Багдада о вынужденном характере его действий, и это также облегчало задачу создания имиджа жертвы агрессивных устремлений Тегерана. Даже по прошествии двух десятилетий, авторы антисаддамовских сочинений отмечают миролюбие иракского

лидера: «Насколько Хусейн не хотел нападать на Иран, ясно отразилось в его военной стратегии. Вместо того, чтобы нанести иранской армии решительный удар и попытаться опрокинуть революционный режим в Тегеране, он стремился локализовать войну, урезать цели, средства и задачи своей армии. Его территориальные цели не простирались за пределы Шатт-эль-Араба и небольшой части Хузестана. Что касается средств, вторжение осуществлялось менее чем половиной иракской армии – пятью из двенадцати дивизий. Вначале Хусейн воздерживался от поражения целей, имеющих гражданское и экономическое значение, атакуя исключительно на военные объекты. И только после того как иранцы ударили по невоенным целям, Ирак ответил тем же.

Саддам Хусейн надеялся, что быстрые, ограниченные, но все же активные действия убедят иранский революционный режим отказаться от попыток его свергнуть. Проявляя сдержанность, он как бы сигнализировал о своих оборонительных целях и о намерении избежать тотальной войны в надежде, что Тегеран ответит тем же, или, может быть, даже захочет достигнуть соглашения»¹⁷.

Ход военных действий был благоприятен для Ирака только на первом этапе войны. При этом Саддам Хусейн, похоже, и в самом деле не ставил задачи полного сокрушения противника. Уже на первой же неделе военных действий он заявил о готовности прекратить огонь. 5 октября 1980 г. президент Ирака даже высказал предложение отвести войска на исходные позиции. По истечении десятого месяца войны

¹⁷ Робин Дж. Апдайк. Саддам Хусейн. Ростов-на-Дону, «Феникс», 1999 стр.270-271.

Саддам сделал пространное заявление, позволяющее судить об отсутствии в этот период всяких далеко идущих планов: «Что касается вопроса мира, то мир обязательно будет между Ираком и Ираном, то есть война обязательно кончится, через год, два года, три года, но обязательно настанет день ее конца. Мы делаем, чтобы война кончилась не в таких условиях, при которых Иран заплатил бы дорогую цену, что приведет на этот раз к осложнению Ирана исторически по отношению к нам. Дорогая цена, я имею в виду его единство. И не мы совершим это, а есть многие международные стороны, о которых иранцы знают или не знают, клянусь Аллахом, я не знаю этого, но осведомленности в Иране, кажется, мало. Единство Ирана послужит мишенью для многочисленных международных сторон, если это положение будет продолжаться. Не знаешь, на какой стороне они стоят. Но война во всех случаях обязательно кончится в какой-нибудь день. Мы желаем, чтобы война кончилась на день раньше, а не на день позже, но с такой определенностью, при которой не было бы возможности разных толкований или изменений. Это установление баз для отношений, опирающихся на основу взаимоуважения каждой страны и чтобы военное вмешательство и военные средства не составляли никаких незаконных прав для обеих сторон, арабской — с одной стороны, и с иранской — с другой стороны»¹⁸.

¹⁸ Пресс-конференция господина президента Саддама Хусейна 19 июля 1981 года. Багдад, Дар аль-Ма'мун, 1981. Стр. 51-53.

Но в ответ на все миролюбивые заявления Тегеран хранил упорное молчание, явно рассчитывая добиться победы. Поэтому захваченные иракскими вооруженными силами территории на левом берегу Шатт-эль-Араба удерживались около года. Иранская армия, деморализованная чистками, проведенными хомейнистским руководством, оказалась плохо управляемым, неповоротливым механизмом. Только в январе 1981 года она смогла организовать первое успешное контрнаступление, а массированные наступательные операции Иран осуществил лишь через год после начала войны.

Американская техника и вооружение, которыми были заполнены шахские арсеналы, без налаженной системы снабжения запчастями быстро превратились в металлический хлам. Уже в 1982 г. иранская авиация с трудом могла организовать налеты на позиции противника – из огромного парка самолетов действовали лишь несколько десятков. Для иранской армии настали трудные времена – возможности покупки запчастей на свободном рынке были ничтожно малы. Единственным источником таких поставок могли быть злейшие враги Хомейни – США и Израиль. Которые, впрочем, не преминули нажать на чужой беде, и вскоре втихую стали втридорога продавать Ирану оружие и боеприпасы. Да и возможность продлить военный конфликт, в котором противники Израиля изматывали друг друга, казалась привлекательной для американо-сионистского альянса. Гурю рейгановской администрации Генри Киссинджер заявлял, что цель двурушнической политики США в отношении войны

состоит в том, «чтобы обе стороны ее проиграли»¹⁹. Трудно не заметить аналогию с действиями англосаксов в годы Второй мировой войны – лишь за одиннадцать месяцев до ее окончания они открыли второй фронт против Германии. И эта проволочка длиной в несколько лет стоила русским и немцам нескольких миллионов жизней.

Стремясь восполнить недостаток техники и воинского мастерства, иранские муллы погнали на фронт сотни тысяч подростков, которые должны были стать живым щитом на пути саддамовской армии. Эти отряды смертников *басиджей* шли впереди механизированных частей. Пушечного мяса не жалели, и потери составляли астрономические цифры. Если по самым осторожным оценкам Ирак потерял на фронте не меньше ста тысяч человек (другие оценивают потери в двести пятьдесят тысяч), то потери Ирана были в 4-5 раз выше.

Когда война превратилась в позиционную, воюющие стороны неоднократно пытались изменить соотношение сил в свою пользу, подвергая воздушным и ракетным ударам цели в тылу противника. Налеты на гражданские объекты и жилые кварталы должны были, по мысли стратегов, вызвать недовольство войной со стороны населения и ослабить тыл противника. Так называемая Первая война городов состоялась в начале 1984 года, но успеха никому не принесла. В ходе Второй войны городов весной 1985 года больше пострадало население Ирана, так как Ирак имел к этому времени полное превосходство в воздухе. В Тегеране начались антиправительственные демонстрации с

¹⁹ Elaine Sciolino. The Outlaw State. Saddam Hussein's Quest for Power and the Gulf Crisis. N.-Y., 1991. P.163

требованием закончить войну. Однако Саддам Хусейн прекратил бомбардировки по гуманным соображениям.

Его расчет на то, что иранская сторона проявит благоразумие, не оправдался. Хомейни продолжал настаивать на войне до победного конца. И в начале 1986 г. армия Ирана достигла ограниченного успеха – заняла остров Фао в устье Шатт эль-Араба и город Мехран неподалеку от Багдада.

Саддам вынужден был перейти к новой стратегии. Чтобы подорвать экономический потенциал противника, иракская авиация и флот начали наносить удары по важнейшим отгрузочным нефтяным терминалам и танкерам, шедшим в порты Ирана. Это вызвало ответные действия Ирана против судов, направлявшихся в Ирак и в порты его главных спонсоров Саудовской Аравии и Кувейта. Что вызвало появление в Заливе мощной военной флотилии западных держав во главе с США. Американские корабли потопили несколько иранских судов и сбили пассажирский лайнер с тремя сотнями паломников из Ирана, направлявшимися в Мекку.

Если для Запада уже сам по себе факт противостояния Ирану создавал Ираку образ щита перед угрозой фундаментализма, то не для всех стран Ближнего Востока ситуация представлялась однозначной. На первом этапе и Ливия, и многие фракции ООП были склонны всерьез воспринимать революционную риторику Тегерана. Глаза у них открылись лишь после двух рейдов израильской авиации в июне и июле 1981 года, разрушившей иракский атомный реактор «Таммуз». Пользуясь тем, что главные силы Ирака отвлечены на войну, израильские стратеги нанесли удар по

самому стойкому арабскому государству, непримиримо настроенному против «сионистского образования».

Когда война началась, и иракские войска углубились на территорию Ирана вдоль всей линии границы, а военно-воздушные силы подвергли бомбардировке ряд аэропортов, включая тегеранский Мехрабад, ни одна из международных организаций – от ООН до Лиги Арабских стран не выступили за немедленное прекращение боевых действий. Только после того, как иракское наступление было остановлено, и война приняла позиционный характер, посыпались резолюции о прекращении огня.

Таким образом, можно говорить, что Саддам Хусейн верно оценил расстановку сил в мире и регионе, ибо ни одна из влиятельных стран не ввела против него санкций. Только Сирия оказалась в этом конфликте на стороне Ирана. Соединенные Штаты, находившиеся в состоянии холодной войны с Ираном после захвата иранскими студентами 4 ноября 1979 американского посольства и объявления заложниками его персонала, естественно не были заинтересованы в поддержке режима Хомейни. А провалившаяся акция американских командос по освобождению посольства подвела противостояние с Ираном к грани вооруженного столкновения. Советский Союз также опасался воздействия идей исламской революции на советских мусульман и был не против ослабления Хомейни.

Одна из самых продолжительных войн в истории поставила перед руководством Ирака ряд задач, без решения которых нельзя было выстоять. Армия, много лет сражавшаяся на тысячекилометровом фронте, могла

сохранить боевой дух лишь при условии прочности тыла. Еще в первый год войны С.Хусейн заявил: «...не только моральным состоянием, которое у солдат и офицеров на полях битв, воюют с персидским врагом и противостоят ему, но и тем моральным состоянием, живо связанным с моральным состоянием матерей, жен, детей, отцов, друзей и братьев, находящихся в Багдаде, Насрии, Куге, Нейнаве, Тамиме, Кербеле, Неджефе, Басре и во всех иракских городах.

Я уверен, что многие из солдат, когда приезжают с фронта в отпуск и встречаются с иракской семьей, встречаются с иракским человеком в городах и деревнях Ирака, то на фронт они возвращаются в более приподнятом моральном состоянии, чем то состояние, которое было у них, когда они ехали в отпуск и когда оставляли свои части, потому что иракец поддерживает их тыл и поднимает их моральное состояние, кроме всего того, что необходимо для продолжения пыла боя с желаемым моральным духом и с желаемым результатом»²⁰.

Тыл жил, не испытывая недостатка ни в чем. Вначале правительство выделяло даже больше средств для импорта товаров в страну, чем в мирный период. Осуществлялись солидные выплаты семьям, чьи сыновья ушли на фронт. Им предоставлялись большие льготы и скидки при покупке

²⁰ Речь президента Саддама Хусейна о сионистской агрессии на иракские атомные сооружения на заседании Совета Министров 23 июля 1981 года. Дар аль-Ма'мун, Багдад, 1981 стр.16-17.

автомобилей, бытовой техники и наделении земельными участками. Отсутствовали ограничения, связанные со светомаскировкой, и иные приметы войны. Строительство в Багдаде и других городах велось с небывалым размахом. Конечно, побывав в увольнении или в отпуске, солдаты и офицеры возвращались в действующую армию со спокойной душой.

Да и в окопах люди чувствовали заботу о себе. Президент говорил: «Куда вы ни поедете, в любое место по вашему выбору, о чем скажете вашим сопровождающим; выбирайте любое место без каких-либо ограничений и вы увидите, что необходимые административные нужды обеспечены полностью на самой далекой военной позиции на фронте, в том числе лед и фрукты. Я сосредоточился на этих двух основных аспектах, потому что крупные государства считают себя, что только они могут обеспечить эти два аспекта правильно на военном фронте, длина которого больше тысячи километров, и глубина которого от сорока до ста километров»²¹.

За всю долгую войну в Ираке не было тотального подчинения всей экономики нуждам фронта. Даже в 1987-88 гг., когда казна в значительной мере была истощена как военными расходами, так и падением мировых цен на нефть, правительство Ирака продолжало финансировать крупные культурные программы. Только на воссоздание древнего

²¹ Пресс-конференция господина президента Саддама Хусейна 19 июля 1981 года. Багдад, Дар аль-Ма'мун, 1981 стр.38

Вавилона было затрачено в эти годы около 100 миллионов долларов.

Прочность иракских позиций была во многом обеспечена заблаговременной координацией действий с некоторыми из соседей и западными державами. Паломничество Саддама Хусейна в Мекку в августе 1980 года, предпринятое непосредственно перед вторжением иракских войск на иранскую территорию, имело явно выраженный демонстрационный характер - монархическим режимам Залива был подан ясный сигнал: революционная фразеология БААС осталась в прошлом вместе с людьми, ее эксплуатировавшими; Саддам Хусейн отстаивает общеарабские, общеисламские ценности. Президент заявил: «У нас с арабами координация. Даже если араб оторвет наши руки, наше сотрудничество с ним останется отличающимся от нашего сотрудничества с иностранцем ради арабского народа, ради арабской нации, ради арабской родины. Мы не допускаем, чтобы арабская земля была оскорблена, и чтобы арабский народ был оскорблен, независимо от нашего мнения об этом правителе или другом, и какое бы ни было мнение того арабского правителя или другого о нас. Эта политика начала созревать. Раньше не было сторонников этой политики, но в последние годы арабы начали проводить политику ближе к этой. Мы уверены, что арабы, с позволения Аллаха, сотрудничая совместно, установят новые традиции в совместном арабском действии, с сохранением разных политических курсов каждого режима в области частной практики, согласно природе каждого режима. Но в совместном действии мы должны иметь особые арабские традиции, хотя

бы перед международной политикой или в международном сотрудничестве»²².

Короли и шейхи с явным удовлетворением восприняли идейную эволюцию руководства БААС. Их щедрая помощь была одним из тех факторов, которые позволили Ираку восемь лет вести войну, не подвергая лишениям ни армию, ни гражданское население. Это беспрецедентное по масштабам противостояние обошлось стране почти в 200 миллиардов долларов - едва ли не половина пришлось на финансовую помощь нефтяных монархий Залива. Только Саудовская Аравия предоставила в первые два-три года этой войны 20 миллиардов долларов. Ирак, получивший в 1980 г. от экспорта нефти 26 миллиардов, обладал к тому времени зарубежными активами более 50 миллиардов. А к окончанию войны имел, по заявлению Саддама, 40-миллиардный долг.

В то же время американское правительство и его союзники наложили секвестр на 12 миллиардов долларов, принадлежавших Ирану и находившихся в западных банках.

Арабские страны прозападной ориентации выразили готовность оказать прямую военную поддержку Ираку. Египет, подвергнутый за кемп-дэвидские соглашения бойкоту по решению совещания арабских лидеров 1978 года в Багдаде, уже вскоре после начала войны направил в Ирак своих офицеров в качестве советников, а затем и воинские подразделения, включая военные самолеты с экипажами. В ряды иракской армии влились добровольцы из Иордании, Судана, Йемена. Король Иордании посещал Багдад по нескольку раз в год (только в 1982 - 7 раз!). Десятки высоких

²² Там же. Стр. 25-26

гостей и сотни представительных делегаций со всего мира прибывали в столицу Ирака. На фоне почти полной внешнеполитической изоляции Ирана это выглядело как поддержка Ирака мировым сообществом.

Хотя дипломатические отношения с США были разорваны еще Арефом в 1967 г. из-за израильской позиции Америки, уже в начале 80-х годов началось потепление отношений. В 1982 г. США исключили Ирак из списка стран поддерживающих терроризм. Постепенное потепление привело к полномасштабной нормализации отношений, и в 1984 Ирак и Соединенные Штаты вновь обменялись послами. Заокеанские спецслужбы начали предоставлять иракской стороне разведданные, касающиеся Ирана, полученные со спутников.

А в декабре 1985 года Саддам Хусейн побывал в Москве и встретился с Горбачевым. К этому времени иракско-советское сотрудничество вновь набрало силу после недолгого охлаждения на рубеже 70-х – 80-х годов. Поток вооружений из Советского Союза шел по нарастающей.

По-видимому, иракский лидер *de facto* представал перед миром как главное препятствие для распространения идей исламской революции. Когда война завершилась, в апреле 1990 года в Багдаде побывала представительная делегация американских сенаторов, которая в ходе встречи с Саддамом заверила его, что баасистский режим благосклонно воспринимается официальным Вашингтоном.

Наибольшего ожесточения война достигла в 1987-1988 годах. Налеты иракской авиации и ракетные удары сделали

кошмаром жизнь населения иранских городов. Экономический ущерб от бомбардировок также возрастал.

В довершение ко всему и на фронте начались неудачи для Ирана. В апреле иракцы отвоевали Фао и выбили иранские войска со всех других занятых ими территорий. «Партия мира» в иранском руководстве закланала аятоллу Хомейни пойти на перемирие. Наконец в июле 1988 г. Иран объявил, что принимает резолюцию Совета Безопасности № 598 о прекращении огня.

ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ

За четверть века до создания иракского государства в составе трех вилайетов бывшей Османской империи британцы организовали переворот в части Бассорского вилайета - шейх Кувейта, признававший власть Турции и числившийся турецким уездным начальником, пал жертвой заговора. Шейхом стал его убийца, ставленник Англии, который в 1899 г. заключил с последней тайное соглашение о протекторате.

В 30-х годах XX века король Гази предпринимал попытку вернуть Кувейт под иракскую юрисдикцию. Но Британия решительно воспротивилась этим притязаниям, а молодой монарх вскорости погиб, что оказалось очень кстати для «заклятых друзей» арабов. Когда в 1961 году Великобритания объявила о намерении предоставить независимость Кувейту, Ирак сразу же резко выступил против и двинул свои войска к границе протектората. Только давление великих держав вынудило тогдашнее правительство Касема отступить. Но еще долго в Кувейте находились войска Великобритании и

некоторых арабских стран, введенные туда для защиты его суверенитета.

Новый конфликт с Кувейтом обозначился на общеарабском совещании в верхах, состоявшемся в Багдаде в мае 1990 года. Выступая на нем, С.Хусейн обвинил арабские страны Залива в том, что они не используют нефть как оружие – наоборот, продавая ее по неоправданно низкой цене, они наносят прямой ущерб Ираку; снижение на один доллар за баррель приносит Ираку миллиардный убыток в годовом исчислении. Хотя Кувейт предоставил за годы войны с Ираном значительную помощь Ираку (на 1990 задолженность Багдада составила 14 миллиардов долларов), Саддам считал, что эта страна обворовывает своего соседа, как за счет ценовой политики, так и за счет нефти, добытой на иракских нефтяных полях в приграничном регионе (по его данным, кувейтцы бурили наклонные скважины на своей территории, что позволяло им качать сырье с богатых нефтеносных пластов в недрах Ирака).

Ирак ожидал, что по окончании военных действий на ирано-иракском фронте его арабские соседи объявят о списании кредитов. Ведь восемь лет иракский народ приносил огромные жертвы, противодействуя агрессивному иранскому фундаментализму, который видел Кувейт и Саудовскую Аравию как главные адреса экспорта революции. Более того, в результате снижения производства нефти Ираком его рынки и квоты на экспорт (определенные решениями ОПЕК) были «позаимствованы» благополучными соседями. И именно из этих средств они кредитовали Ирак! Да к тому же продолжали превышать собственные квоты и после

окончания войны, что приводило к падению мировых цен на нефть и наносило ущерб Ираку. Эти претензии Саддам предъявлял на всех переговорах с арабскими лидерами.

К тому же бывший уезд Бассорского вилайета упорно отвергал неоднократные просьбы передать бывшей матери-родине острова Бубиян и Васит, обладание которыми позволило бы Ираку обезопасить свой единственный порт на побережье Залива – Умм-Каср. Сильнейшая страна региона, обладающая самым большим военным флотом, имела только 15 километров побережья! Последствия коварных игр британских “землеустроителей” необходимо было ликвидировать для блага всего региона, считали в Багдаде.

Особый вопрос: глубинная подоплека иракского решения. Сколько ни рассуждай о внешнеполитических планах Саддама, не обойтись без оценки состояния иракского социума после восьмилетней войны, унесшей десятки, а может быть и сотни тысяч жизней, приведшей к значительным изменениям в социальной и национальной структуре общества. Одних египтян прибыло за эти годы около 3 миллионов - они заменили иракцев, мобилизованных в армию. За восемь лет через нее было пропущено несколько миллионов иракцев. Если учесть безвозвратные потери, огромное число инвалидов и тех, кто оставался под ружьем к моменту начала кувейтской кампании, то война стала главным делом целого поколения нации. Эти люди видели, сколько Саддам сделал для укрепления могущества страны. Они верили, что вышли победителями в войне с Ираном.

Для иракцев было вполне естественно такое восприятие итогов восьмилетней борьбы. Ибо страна устояла в схватке с

противником, гораздо более многочисленным, с большим потенциалом и с громадными амбициями, опирающимися на многотысячелетние культурные традиции. Ирак же, ведущий отсчет своего существования со времен передела мира в 1918-1920 гг., практически впервые вышел на сцену мировой истории как крупная сила, с собственным видением настоящего и будущего. В случае поражения в этой войне он вполне мог перестать существовать как государство – если бы режим БААС рухнул, сепаратистские силы в Курдистане и на шиитском юге вполне могли добиться расчленения Ирака.

Итак, миллионная армия, верящая в своего вождя, стабильный тыл (миллионы иностранных рабочих – неграждан Ирака ни в коей мере не могли быть источником недовольства, ибо зарабатывали здесь гораздо больше, чем у себя на родине), прочные внешнеполитические позиции как в регионе, так и в мире. Велик был соблазн попытаться решить старый спор о Кувейте. Призом в случае успеха было бы не только существенное улучшение геополитического положения Ирака, но и удвоение нефтяного потенциала страны. Что существенно приблизило бы Саддама к осуществлению высказанной им цели: давать половину мирового производства черного золота.

В том случае, если бы мир примирился с аннексией Кувейта, Ирак стал бы бесспорным гегемоном арабского мира. Тогда к идее строительства общеарабского государства можно было бы вернуться вновь, и Саддам в такой ситуации занял бы более прочную позицию, чем Насер в 50-х годах. Военная мощь, помноженная на экономический и финансовый потенциал, наконец, дала бы Ираку возможность сделаться

региональной сверхдержавой, без учета позиций которой не могли бы обойтись и в мировых делах.

Египетскому президенту не удалось сделать свою страну локомотивом межарабской интеграции в силу ограниченности экономических возможностей страны, хотя по всем остальным позициям – геополитическое положение, населенность, социальное развитие, культурный уровень – Египет не имел себе равных. Но после постепенной утраты им идейно-политической гегемонии и превращения в крупнейшего получателя иностранной помощи, место лидера стало вакантным. По всем статьям на эту роль мог претендовать только Ирак, выделяющийся среди всех арабских стран своим потенциалом.

И обстановка в мире как будто бы благоприятствовала превращению Ирака в реального лидера арабского мира. Поскольку противостояние между Америкой и Советским Союзом постепенно сходило на нет, регион Залива тоже переставал быть зоной особого попечения США, и всякие конфликты здесь могли быть теперь восприняты как внутреннее дело стран региона. Во всяком случае, такой вывод можно было сделать после часового разговора Саддама Хусейна с американским послом г-жой Эйприл Глэспи, имевшего место 25 июля 1990 года.

Об этой беседе, состоявшейся в преддверии вторжения иракской армии в Кувейт, писалось много. Иракская сторона опубликовала запись, согласно которой американская посллица дала понять, что США будут рассматривать действия Ирака по разрешению территориального спора с Кувейтом как внутриарабское дело. Американцы заявили, что запись

неполна, но сам факт сказанного Глэспи не отрицали. Евгений Примаков, посвятивший конфликту в Заливе книгу “Война, которой могло не быть”, отметил, что госдепартамент запретил Глэспи публично выступать на тему о своем последнем контакте с президентом Ирака. В американском Конгрессе многие были убеждены, что поведение Глэспи спровоцировало Ирак на силовое решение. Вопрос в том, действовала ли она по инструкции госдепа?..

Важно отметить, что беседа С.Хусейна с Глэспи вполне вписывалась в контекст тогдашних иракско-американских отношений. В апреле того же года Саддам встречался с делегацией сената США во главе с Робертом Доулом. Законодатели заверили президента в своих теплых чувствах и дали понять, что антииракские настроения прессы не разделяются Белым домом.

Еще раньше, в феврале в Багдаде побывал помощник госсекретаря по делам Ближнего Востока Джон Келли. Он заявил, что территориальные споры Ирака и Кувейта не касаются США. А 31 июля, накануне ввода иракских войск в Кувейт, он выступил с разъяснением, что у Америки нет обязательств по обороне Кувейта. Были и другие аналогичные заявления высокопоставленных деятелей из Вашингтона.

Вся эта совокупность фактов впоследствии позволила аналитикам говорить о сознательно проводимой США политике втягивания Ирака в конфликт. Для американо-сионистского альянса уже задолго перед тем военная машина Ирака представлялась главной угрозой его интересам в регионе. Но чтобы нанести по ней сокрушительный удар, нужен был веский повод...

Запад явно тревожила также перспектива появления нового центра притяжения арабского мира. Двойную мораль, которой руководствовались лидеры США и их сателлиты в тот период, не могут отрицать даже антисаддамовские публицисты. Один из них – Б.Сейранян – писал: «В этой обстановке Хусейн принял решение ускорить переоснащение армии современным оружием и развитие военной промышленности. В результате всего за два послевоенных года ему удалось создать крупнейшую на Арабском Востоке военную машину. Почти миллионная иракская армия, прошедшая через бои многолетней войны и укомплектованная лучше, чем вооруженные силы других арабских государств, стала одной из крупнейших в мире. Это не могло не встревожить Запад, который, собственными руками породив новый милитаристский «центр силы», стал все явственнее понимать неизбежные последствия содеянного. Западные телевидение и пресса, создавшие в годы ирано-иракской войны весьма привлекательный образ Ирака – защитника европейской цивилизации и арабских государств, поспешно приступили к рисовке почти противоположного образа, приписывая ему практически те же черты, которыми они наделяли Иран»²³. Характерный пример переориентации западных СМИ: еще в 1987 в Париже вышла книга Шарля Сен-Про «Саддам Хусейн – арабский голлизм?», но уже тремя-четырьмя годами позднее на прилавках книжных магазинов можно было увидеть только злобные памфлеты, рисовавшие образ ближневосточного собрата Гитлера.

²³ «Азия и Африка сегодня» N3-1994

Особенно усердствовали Израиль и сионистское лобби во всем мире. К этому времени оно усилилось и в Советском Союзе. Возможно, видя такое развитие событий, Саддам Хусейн решил форсировать осуществление объединительных процессов. Если бы перспектива перехода СССР в западный лагерь стала реальностью, всякие мечты о государственном единстве арабов можно было оставить.

Как бы то ни было, 2 августа 1990 года иракские войска в течение нескольких часов заняли все жизненные центры Кувейта. Члены правящей семьи Сабахов едва успели покинуть свои дворцы и покинуть страну на вертолетах.

Через несколько дней было объявлено о присоединении Кувейта к Ираку в качестве 19-й провинции. Заметного противодействия в стране это не вызвало, напротив, сотни тысяч палестинцев, проживавших в Кувейте, горячо приветствовали это решение. Да и народные массы многих арабских стран поддержали действия Ирака. Мало у кого вызывала сочувствие династия Сабахов, сказочно разбогатевшая благодаря альянсу с британскими колонизаторами. Исторические обоснования прав Ирака на владение территорией, за 90 лет до того отторгнутой у него, казались убедительными.

И в самом деле, почему Франции дозволено было захватить германскую землю Эльзас сначала при Людовике XIV, а затем вторично в 1918 году? Почему на глазах у всего мира США аннексировали Пуэрто-Рико? Почему цепляется за Гибралтар и Фолклендские острова Великобритания? Почему крохотная Дания владеет громадной Гренландией? Ирак по сравнению со всеми ними обладает главным неоспоримым

доказательством правомерности своих действий – он присоединил земли, населенные одним и тем же народом...

То, чего хотел Саддам Хусейн, было диаметрально противоположно “плану Льюиса”. Вместо фрагментации и создания цепи конфликтующих между собой государств, начали проступать очертания новой мировой державы. Кого устроило бы реальное ее возникновение? Вот почему в поразительном единстве слились как Буш с Горбачевым, так и арабские лидеры всех оттенков.

Возгласы о попранном суверенитете и морали немного стоят. Когда в 1971 г. шахская армия заняла арабские острова, когда в 1974 г. турки оккупировали Северный Кипр, когда в конце 70-х Ливия вторглась в Чад, когда Сирия оккупировала большую часть Ливана, никто на Западе не рвал на себе рубаху. А уж «другу Израилю» и вовсе сходит с рук аннексия арабских земель: никто и не думал заикаться о санкциях. Да и самому Саддаму, по сути дела, было позволено вторгнуться на иранскую территорию, и никто при этом не оглашал мир криками о тоталитарном диктаторе. Ибо во всех предыдущих примерах речь не шла о резком усилении того или иного государства до уровня региональной сверхдержавы.

Ирак, поглотивший Кувейт, стал бы настолько самостоятельным и важным участником любых возможных политических конфигураций на Ближнем Востоке, что были бы сломаны десятилетиями отработанные сценарии взаимоотношений больших и малых держав в регионе. А его могучая армия могла стать не только серьезной угрозой западным интересам в регионе, но и явиться инструментом реального воссоздания Халифата.

Нельзя сбрасывать со счетов и моральную сторону вопроса. Руководителей большинства арабских стран возмутило вероломство Саддама. Поглощение суверенного государства, члена ООН и Арабской лиги, ставило под вопрос принцип нерушимости границ, утвердившийся в мировом сообществе после Второй мировой войны. Позволить кому-то одному нарушить табу, значило создать опаснейший прецедент. Сокомандующий антииракской коалицией саудовский принц Халед ибн Султан писал: «Думаю, что долг всех арабов, а не только саудовцев, состоял в том, чтобы дать отпор Саддаму. Если бы арабский мир попал под пяду этого безрассудного, запятнанного кровью человека, мы бы покрыли себя бесконечным позором и создали массу проблем в будущем»²⁴. Возможная утрата стабильности, вдруг ставшая реальностью, сплотила всех и вся – королей и президентов, генеральных секретарей и шейхов...

Уже через несколько дней после объявленного присоединения Кувейта к Ираку начала формироваться коалиция в составе многих государств, в той или иной мере зависящих от США, или – если иметь в виду арабские страны – настроенных против саддамовского режима. За пять

²⁴Халед ибн Султан. Воин пустыни. Москва, «Дар аль-Кэмам», 1996. Стр.164. Стоит заметить, что несколько ранее в этой книге утверждается, что у короля Фахда с Саддамом «сложились отношения искренней дружбы» (стр. 21). Вряд ли в ту пору иракского «друга» саудовцы считали «человеком, запятнанным кровью». Вероятно, принц Халед поддался искушению задним числом «подредактировать» восприятие личности Саддама до кувейтского кризиса.

месяцев, отделяющих начало переброски войск от начала военных действий, Запад и его временные союзники сконцентрировали на берегах и в акватории залива невиданную по мощи ударную группировку.

Однако Саддам Хусейн не дрогнул, несмотря на все увещания и угрозы. Он отказался подчиниться ультиматумам и отвести армию из Кувейта. И 17 января в воздушное пространство Ирака вторглись крылатые ракеты и вереницы бомбардировщиков, несущих смерть.

Во время 42-дневной воздушной войны против Ирака американская авиация и самолеты других участников коалиции, действовавшей под флагом ООН, обрушили на землю Месопотамии 65000 тонн бомб. То, что получили Германия и Япония в ходе англо-американских налетов за годы Второй мировой войны, во много раз меньше (включая и 2 атомные бомбы в пересчете на тротильный эквивалент). Из тысяч убитых американцами и их подручными за эти полтора месяца, ни одному не предназначалось столько взрывчатки, как Саддаму Хусейну. В первые две-три недели бомбардировок авиация США и крылатые ракеты, стартовавшие с кораблей, имели одной из главных целей персону иракского президента. Одна за одной рушились его резиденции, превращались в руины лучшие строения Багдада – дворцы, министерства, залы конгрессов, любое здание, где мог укрываться Саддам. Но президент Ирака продолжал твердо руководить страной и организовал акции возмездия, заставившие Запад осознать степень подготовленности иракских вооруженных сил...

Наутро после первого дня воздушных налетов Ирак выпустил по Израилю первые семь «Скадов»²⁵. Затем, в течение сорока дней, было произведено еще 81 пуск. Всего по Израилю было нанесено 42 удара, 43 ракеты достигли Саудовской Аравии и 3 – Бахрейна. Старые советские ракеты образца 1963 г., модернизированные с помощью оборудования, закупленного в Западной Германии, с легкостью преодолевали ПВО враждебных Ираку государств, хотя она была в значительной степени укомплектована новейшей американской противоракетной системой «Патриот».

Десятки американских самолетов круглосуточно дежурили в воздухе, получая данные о пусках «Скадов» со спутников. Однако практически все их атаки оказались безуспешными. Иракцы настроили массу макетов, по которым яростно колотили пилоты антииракской коалиции. Да и фальшивых аэродромов с фанерными самолетами, и «грозных армад» фанерных танков они разгромили немало. В то время как основная часть боевой техники, надежно укрытая в подземных ангарах, сохранилась невредимой.

Одуроченные прекрасной системой маскировки стратеги воздушной войны в полной мере проявили свое «мастерство» в разрушении объектов гражданской инфраструктуры. Были уничтожены сотни мостов, электростанций, узлов связи и телестудий. Бомбы и ракеты пробивали золотые купола величайших святынь ислама в Неджефе и Кербеле. От

²⁵ Так именуют на Западе советские ракеты модели Р-300. В Ираке две разновидности модернизированных ракет этого типа получили имена «Аль Хусейн» и «Аль Аббас».

американских бомб треснули своды древнего кафедрального собора халдеев-христиан в центре Багдада.

Оставшееся без электричества и водоснабжения население городов и сел Ирака было обречено на голод и болезни. Те, кто пережил налеты, говорили: то время было величайшим в истории праздником собак и кошек; горы продовольствия, хранившегося в холодильниках граждан и в рефрижераторах торговых фирм, были выброшены на свалки. Из-за разрушения канализации и насосных станций нечистоты покрыли улицы. В госпиталях умирали люди всех возрастов, оказавшиеся беспомощными после отключения медицинской аппаратуры...

Перед входом в крупнейший багдадский отель «Рашид» был выложен на пороге мозаичный портрет американского президента Джорджа Буша-старшего, в 1991 году отдавшего приказ сбросить тысячи бомб на гражданские объекты. Одна из крылатых ракет ударила в цокольный этаж отеля и унесла жизни десятков людей разных национальностей. Но те, кто вытирал ноги об изображение Буша, вспоминали не только те жертвы, этим они выражали свое презрение к тому, кто обрек на гибель бесчисленное множество граждан Ирака, кто набросил на этот народ удавку бесчеловечной блокады.

Наверное, многие испытывали негодование и при виде монументальных изображений Саддама. Не все же разделяли официальную версию происходивших событий, но сказать, насколько значительна была оппозиция режиму, сегодня не представляется возможным. Скорее всего, большинство иракцев поддерживали бравату вождя, ибо средства массовой

информации с стране излагали только официальную оценку хода войны.

Другой вопрос, насколько сам Хусейн верил в произносимые им слова. Все кто писал об этих событиях, выражали удивление упрямством диктатора. Ибо всем было известно о прагматизма Саддама, о его способности развернуться на 180 градусов, если этот маневр мог обеспечить его политическое выживание. Александр Белоногов, назначенный первым заместителем министра иностранных дел СССР и отвечавший за координацию советской политики на арабском направлении как раз в дни кризиса, писал: «Вовсе не отрицая, что для любого уважающего себя политика, тем более главы государства, вопросы личного достоинства и имиджа имеют очень важное значение и что на Востоке по этой части есть свои особенности, я тем не менее считал и считаю, что проблема спасения лица в случае с Саддамом Хусейном самодовлеющей как раз и не была. Не была именно в силу его качеств как человека исключительно волевого, решительного, властного, привыкшего не считаться ни с кем и ни с чем и поступать, как угодно только ему самому, и пользующегося к тому же – и это, пожалуй, даже главное – безграничной личной властью у себя в стране.

Если заглянуть в прошлое С.Хусейна, посмотреть, как он поступал в трудных для себя обстоятельствах, нельзя не прийти к выводу, что, по крайней мере, в нескольких серьезных случаях он действовал без всякой оглядки на то, теряет он свое лицо или нет. И определяющим для него была сила складывающихся обстоятельств, а точнее, проблема

выживания баасистского режима и его собственной личной власти»²⁶.

Значит, в «упертости» Саддама все-таки присутствовала своя логика. Попробуем встать на его место, чтобы увидеть развитие событий его глазами.

Если принять за аксиому, что целью жизни Саддама было стать лидером арабского мира или даже восстановителем единой державы, наследницы Халифата, то действия его в ходе кувейтского кризиса вытекали из ожидания революционных событий в тех арабских странах, которые стали союзницами западного альянса. Он сформировался как личность в ту эпоху, когда одна за другой происходили антимонархические революции, он прекрасно помнил, что неудачи в войнах с Израилем приводили к массовым протестам арабских масс и смене правителей, ответственных за поражения.

БЕДА БЕЗ ПОБЕДЫ

23 мая 1995 года я посвятил двум поездкам. Первая – в порт Умм-Каср на границе с Кувейтом, вторая – на полуостров Фао, где были наиболее ожесточенные бои с иранской армией, закончившиеся победой иранцев, которые переправились через Шатт-эль-Араб и захватили Фао, а затем простояли там три года.

Итак, первая поездка в сторону Умм-Касра... Мы двигались по пустыне, которая пустыней может быть названа

²⁶ Александр Белоногов. МИД. Кремль. Кувейтский кризис. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Стр. 174.

только в географическом смысле, на самом деле вся она утыкана опорами линий электропередач, там и сям поднимаются трубы нефтеперерабатывающих заводов, горят факелы, сжигающие попутный газ, все по сторонам ископано, загромождено кучами земли. По дороге движется довольно много машин.

Миновали торчащую из небольшой куртины зелени стену какого-то древнего сооружения, вернее, то, что осталось от стены, рядом с ней стоит зеленый строительный вагон. Сопровождающий сказал, что это памятник времен Абу Бакра (первый халиф после Мухаммеда), чьи войска именно здесь двинулись из Аравии в Месопотамию. Не доезжая нескольких километров от Умм-Касра нам попало несколько вагончиков, над которыми треплется голубой флажок ООН,

Умм-Каср представляет собой довольно большой современный порт, полностью замерший. Ни один корабль сюда не приходит, десятки кранов застыли, никакой жизни в огромных пакгаузах, пусто на многочисленных подъездных путях железной дороги, виден только один грузовой поезд, но и он, видимо, стоит с тех времен, когда тут что-то шевелилось.

Мы въезжаем в поселок, который соседствует с портом, некоторое время кружим по его плохо ухоженным улицам, наконец, находим здание местной администрации. Нам, как всегда, выделяют двух солдат, и они следуют с нами до кувейтской границы. Проезжаем мимо миссии ООН – UNIKOM. В этой миссии большая, хорошо ухоженная территория, много деревьев, в тени которых прячется большое современное здание. Рядом находится иракский погранпост. К нам

присоединилось несколько офицеров, которые согласились дать разъяснения относительно того, что происходит на рубеже двух стран.

Прямо на границе находится большое и довольно бестолковое живописное панно, на одной половине которого изображена битва с персами: на переднем плане лежит раненный в глаз слон, из глазницы течет кровь, торчат стрелы; а вторая половина панно посвящена штурму нефтяной платформы иракскими катерами и вертолетами. Тут же цитата из Саддама, приличествующая случаю. Рядом стоит желтый пограничный столбик, он выполнен из бетона, с двух сторон на нем металлические таблички – на той, что обращена лицом к нам, написано “Республика Ирак”, а на противоположной - “Государство Кувейт”. Именно здесь проходит граница. За столбиком мы попадаем на чужую территорию.

Я ступил на землю Кувейта, но никакого трепета при этом не ощутил. В нескольких метрах от невидимого рубежа виден глубокий ров в три метра глубиной, а за ним насыпан вал, тоже метра три высотой. Этот вал тянется на все двести девять километров границы между Кувейтом и Ираком. Обе преграды устроены по настоянию кувейтской стороны. Когда мы поднялись на крышу дота, возвышающегося рядом, офицеры показали нам на поднимающийся над горизонтом дым. Вот там, сказали они, проходила старая граница, то есть где-то километров на 15 в этом месте сделано отступление от старого рубежа в пользу Кувейта. На всем протяжении границы, которая была демаркирована только недавно, была произведена передвижка столбов. Когда я спросил, всегда ли это делалось в пользу Кувейта, мне сказали, что в 99

процентах случаев. Где-то на 500 метров, как в районе месторождения нефти Румейла, где-то, как здесь, на 15 километров.

Что же осталось на территории уступленной Кувейту? Прекрасная военная база – ее видно отсюда – там много строений, поднимаются радиомачты, несколько дотов, обращенных в сторону старой границы. У офицеров, рассказывающих нам об этом, довольно обескураженный вид. Один из них потом спрашивает меня, почему Россия, которая является вроде бы дружественной страной, не употребляет права вето в ООН. Я объясняю ему, что Ельцин и Козырев - это проамериканские деятели, и режим, правящий сегодня в России - это не есть русский народ. Он с трудом может это понять, поскольку у них, видимо, правитель всегда ассоциируется с народом.

По кувейтской стороне за насыпным валом, по асфальтированному шоссе, которое идет строго параллельно, туда-сюда курсируют белые ооновские джипы. Каждую минуту проносится один из них в ту или другую сторону. И так они курсируют двадцать четыре часа в сутки, объясняет мне сопровождающий. Ооновские войска вооружены приборами ночного видения, и это патрулирование эффективно. Имеется пять контрольно-пропускных пунктов на границе, через которые могут проходить только сотрудники ООН, для всех остальных граница на замке. Рядом с дотом, где мы стоим, навалена груда старых военных катеров. Офицеры говорят, что катера русского производства, видимо, подбитые или просто вытащенные на берег. Когда я спрашиваю, какой процент судов пострадал во время войны, мне говорят, что 80

процентов иракского флота было уничтожено. Согласно решениям ООН Ираку запрещается иметь тяжелое вооружение в полосе, если не ошибаюсь, 15 километров, а Кувейту – только 5. Посему присутствующие здесь представители полиции и армии могут быть вооружены только пистолетами.

Для более подробных объяснений предложили пригласить иракского офицера, состоящего в комиссии UNIKOM, очевидно, для связи при разрешении конфликтов. Через некоторое время его привезли. Он поднялся к нам наверх, на крышу дота. На груди у него была карточка с фотографией, именем и указанием должности: офицер связи. Впрочем, он был в гражданском и, надо сказать, довольно вальяжно одет. Присутствовавшие представители военно-морских сил (у них черные погоны), и полиции (с погонами обычного зелено-хакистого цвета) с непроницаемыми лицами слушали его объяснения. Выслушав его информацию, я сказал всем “шукран” (спасибо), пожал руки, распрощался и спустился с дота к машине, за это время изрядно вспотев – температура держалась где-то около 40, хотя было еще утро.

Покинув полумертвый Умм-Каср, мы двинулись снова в Басру, так как дорога, которая раньше соединяла этот порт с Фао, бездействует из-за того, что мост взорван американцами. Потом мы видели еще два взорванных моста на Шатт-эль-Арабе в районе Фао – они пострадали, видимо, во время боев с Ираном. Всего, как мне говорили, американцы разбомбили полторы сотни мостов во всем Ираке, почти полностью прервав на какое-то время связь между регионами страны.

Заехав в Басру за пивом, мы повернули на Фао. Дорога шла сначала окраиной города, потом потянулась пустыней. Слева от нас метрах в двухстах от дороги виднелись пальмы, там где-то рядом был Шатт-эль-Араб. А справа потянулась сплошная пустыня. Опять-таки вся копанная-перекопанная. Потом я, наконец, понял, что это такое – то были укрепления времен войны с Ираном, бесконечные брустверы и укрытия для танков.

Чем дальше мы ехали, тем больше попадалось пальм без листьев, одни стволы, а затем пошли сплошные ряды этих древесных трупов. Все это очень походило на сибирские гари, места лесных пожаров. Там десятилетиями стоят почерневшие, обугленные леса без листьев. Здесь это зрелище усугублялось еще тем, что вокруг была пустыня, между пальм ни единой травинки. Видимо, когда они возделываются, между ними, в их тени развивается какая-то зелень.

Потом эти пальмовые гари потянулись уже на десятки километров, тут были миллионы стволов. Каждые 200-300 метров над верхушками этих обугленных пальм поднимались земляные конусы. На некоторых из них выложены из камней укрепления. Видимо, это были артиллерийские гнезда, может быть, танки туда поднимались, чтобы бить сверху, в пределах прямой видимости. Таких насыпей нам попались сотни. Вдоль дороги на километры тянутся высокие валы, вроде тех, что мы видели на кувейтской границе, только эти явно побывали в деле. Во многих сделаны бойницы – здесь, видимо, стояли пулеметы. Кое-где валяется ржавое искореженное железо...

Вечером я расспрашивал водителя нашей машины Исмаила и сопровождающего Салмана, которые принимали участие в боях в этом районе, о том, что происходило тогда среди пальм, они сказали, что загорались они и от бомб, загорались и от осветительных ракет, которые сыпались с неба тысячами каждую ночь. Но не все пальмы сгорели, у некоторых листву просто срезало снарядами. За несколько лет боев достаточно было уже и этого, чтобы сбрызнуть их кроны. Пальма, потерявшая листья, видимо, не растет, поскольку нет системы, которая будет испарять влагу, добытую корнями.

Насыпи, тянущиеся в несколько рядов вдоль всего фронта, вконец обезобразили эту уже обездоленную войной землю. Вид апокалиптический. Когда подъехали к Фао, увидели огромные груды металлических конструкций, искореженных огнем – остатки нефтехранилищ. Некоторые из них просто превратились в бесформенный металлолом, назначение других еще можно было понять, их как бы сплющил некий гигант, прихлопнув сверху ладонью.

Город построен заново, вернее сказать поселок, по нашим понятиям. Совершенно безлюдный, пустынный, непонятно, живет ли кто здесь. Зачем-то выстроен стадион, высится новая мечеть. Неподалеку мечеть старая, разрушенная войной, к ней прислонена огромная черная доска с металлическими буквами на ней – очередное высказывание Саддама. Немало таких черных досок мы видели на пути сюда.

Заехали в мэрию; нам опять дали двух солдат, которых мы посадили к себе в машину и поехали на берег Шатт-эль-Араба. Нам сказали, что теперь граница, как и до войны,

проходит посередине русла. Суда идут по реке только в Иран, а на иракскую сторону никакие суда не пропускаются. Здесь только производится ловля рыбы.

Древние, допотопные суда столпились возле берега с флажками Ирака. Эти деревянные посудины с тентами, натянутыми над кормой, словно пожаловали из времен Синдбада Морехода, да и люди на них сидят, кажется, с тех же времен. Только сети, сплетенные из синтетического волокна, огромными кучами громоздящиеся в носовой части каждого суденышка, говорят о том, что мы в XX веке. Ну, конечно, это я преувеличил – о том же свидетельствует весь берег, до безобразия загаженный всякими железяками, которые, видимо, превратились в железяки во время войны, а до этого были, может быть, бронетранспортерами, автомобилями, какими-то орудиями труда. На всем печать катастрофического запустения. Огромные зловонные лужи, грязные оборванные люди, веет безысходностью и тоской.

Противоположный берег, иранский, покрыт зеленью. Он такой же низкий, как и этот, но кажется девственным, не затронутым деятельностью человека. Когда мы отправились назад после безуспешной попытки застаться рыбой, (не было так любимой нашим сопровождающим зубайди-фиш), я стал смотреть больше на левую сторону дороги, на исполосованную валами пустыню. Если прежде я, в основном, безотрывно смотрел на ряды почерневших стволов пальм, то теперь я увидел, что и пустыня испоганена не меньше. Тягостное впечатление от увиденного лика войны еще усугубило государственное телевидение Ирака. Как только я приехал в бассорский “Шератон” и включил в своем номере

телевизор, на меня полились те же картины, что были только что увидены; только здесь среди песка и валов лежали десятки трупов, какие-то люди расхаживали между ними, оператор выхватывал то подбитый танк, то сгоревший бронетранспортер, то взорванный джип, а резкий воинственный голос вещал что-то очень воинственное, причем чаще всего повторялось узнаваемое “Ирак, Ирак”.

Закопанный в землю танк грохнул, подняв вокруг себя облако пыли, ему отозвался другой, третий. Вздрыбилась земля, и из накрывшего ее облака засверкали огненные снопы... Шарахнула куда-то “катюша” и тоже закрылась тучей пыли. Заревели ракеты, унося в небо огненные хвосты... Замолотили из пыльного марева скорострельные пушки, минометы – и полыхнуло где-то вдалеке: попали в жизненный центр, где сейчас извиваются на земле вражеские тела... Низко зависли над пустыней вертолеты, несутся над безрадостной землей, исполосованной гусеницами. Вот рванулись к земле ракеты, оставляя дымные следы, и что-то взметнулось вниз, потонув в пылище... Вчуже не по себе, а каково было тем, кто восемь лет захлебывался вездесущим прахом, и это при пятидесятиградусной жаре!

Тем, кто прошел сквозь этот восьмилетний ад, кто схоронил здесь друзей (напомню, иракские потери оцениваются в четверть миллиона человек), наверное, хотелось бы забыть все это. Но кто-то важный не устает напоминать о бессмысленной мясорубке. Мое дело, конечно, сторона, но все же двух проигранных войн вполне достаточно.

Следующий день провели в Басре, втором по величине городе Ирака. Основное население – шииты. Народ, сновавший по набережной, сильно отличался от багдадцев. На нас смотрели во все глаза. Я заметил, что взгляды женщин были куда откровеннее и пристальнее, чем у багдадских дам. Впрочем, такого количества женщин я и не видел в Багдаде. Здесь “все девчата парами” – сидят с парнями на бордюрах вокруг бронзовых воинов, указывающих пальцами на восток. Переводчик Саид и другие мои спутники подтвердили, что здесь народ более раскованный, чем в других местах, ибо Басра всегда была большим портом...

На набережной много неопрятных торговцев всякой всячиной. Продавцы поминутно вращают кастрюли с мороженым в ледяной каше, которая насыпана внутри металлических ящиков, на крышке такого ящика у каждого торговца наставлены разные сиропы, торчат целые гирлянды вафельных стаканчиков. Рядом торгуют семечками, упакованными в крохотные кулечки из газетной бумаги, продают орехи, какой-то домодельный шоколад, сигареты, все довольно незавидного качества, и в общей картине сие сильно напоминает Советский Восток, какой-нибудь Азербайджан или Узбекистан.

После обеда и двухчасового “тихого часа” отправились на машине смотреть город. Проехали по каналу, на который выходят дома старой Басры. Они, конечно, все страшно замызганные, но если бы их привести в надлежащий вид, то это были бы, пожалуй, даже оригинальные дворцы. Дома и канал настолько загажены, что говорить об этом пока можно только гипотетически. По словам сопровождающего, во время

войны население этих старых кварталов Басры их покинуло. Там стояли солдаты, которые, естественно, привели дома в соответствующий вид, хотя, думаю, что и жители не отличались особой любовью к чистоте. Вообще, надо сказать, все, что связано с армией, вызывает, в основном, негативные эмоции. Окружающую среду, как природную, так и городскую вояки обезображивают. Это мы видели и на примере бесконечных валов, каких-то куч, накопанных неизвестно для какой цели. Те же чувства пробуждает огромное количество железных отходов, которыми пронизали землю. Вообще, милитаризованная страна, это, скорее, бардак, чем порядок, хотя, казалось бы, люди, живущие по приказу, по жесткому уставу, должны вокруг себя создавать некую ранжированную среду. Солдат по природе своей временный жилец где бы то ни было, поэтому он гадит вокруг себя, особенно в зоне войны, где жизнь вообще ничего не стоит. Кто там станет ценить окружающую природу – ему, может быть, жить-то осталось 15 минут, а он вокруг себя наводить красу примется?

ЗОЛОТОЙ ВЕК

В одном из богатых кварталов Багдада - Кадиссия - расположена главная резиденция общины *мандеев* (сами они именуют себя *сабейцами*), последователей Иоанна Крестителя. По известиям евангелистов, Иисус был приверженцем именно этого пророка и от него принял крещение. Ныне на земле обитает, по разным сведениям, от 6 до 100 тысяч исповедников иоанновской религии, и центром своим они почитают Месопотамию, а Тигр и Евфрат наряду с

Иорданом, протекающим в Палестине, называют священными реками. Религиозным символом сабейцев является крест, олицетворяющий тело Иоанна – с его перекладины свисает шелковое покрывало, а вершина увенчана венком. Есть у них и священная книга – 600-страничная “Кензель Раба” (Великое Сокровище), по преданию полученная Адамом от Всевечного. Книга писана на арамейском языке, том самом, на котором говорили Иоанн и Иисус и на котором ведутся богослужения иоаннитов. На арамейском *мандеи* значит: *ведающие*.

Сабейский первосвященник, высокий седобородый старик с крупным носом и молодо горящими глазами, ведет меня по помещениям резиденции. Мы останавливаемся у бассейна, в который ведут широкие ступени – это средоточие культа. После сорокового дня жизни, когда впервые совершается водное крещение новорожденного члена конгрегации, эта процедура повторяется по многу раз в год. Белые одежды сабейского патриарха символизируют чистоту помыслов, в подобных одеяниях погружается в воду и его паства. На стенах картины, выполненные в примитивистской манере, изображающие различные моменты мандейского богослужения - больше всего крещение в реке, на фоне сочной зелени. Священное дерево мандеев - пальма, его изображения тоже то и дело попадаются на глаза. За отцом поспешает его преемник, по всей видимости будущий патриарх. Он тоже высок, но нет в нем еще той матерости, что в старце. Из-за стекол в золотой оправе смотрят внимательные живые глаза - именно в них самое большое сходство отца и сына. На мгновение почудилось: эти глаза глядят из тысячелетнего прошлого. Ведь отец нынешнего

патриарха тоже был патриархом. В мандейской общине все родственники – цепочки преемственности тянутся в прошлое и где-то там сходятся в одном звене. Излюбленная профессия сабейцев – ювелир. На багдадском базаре полно лавочек, увешанных золотыми и серебряными изделиями, созданными членами общины. Ювелир сидит тут же рядом готовый к торгу или приему заказа. Сам он золото и серебро не носит - не велит вера...

Я вхожу в кабинет патриарха. Бросается в глаза крупный портрет президента Саддама Хусейна. Уловив мой взгляд, старик говорит: “Это золотой век - эпоха Саддама. Мы считаем его особу священной. Мы против Америки, потому что наша вера отвергает войну...” Увидев снимок, на котором Саддам изображен в обществе сабейцев, спрашиваю, когда это было. Патриарх отвечает: “6 июня 1994 года. Нет, никакой специальной цели не было, просто мы просили его о встрече, мы хотели его увидеть”...

Христианский монастырь Мар-Бехнам расположен в 7 километрах от развалин Нимруда, ассирийской столицы, разрушенной много столетий назад. Обитель обращена к Нимруду своей темно-серой стеной, над которой возвышаются такие же суровые строения, но рядом видна новая стена, построенная недавно к 1600-летнему юбилею местночтимого святого Бехнама.

Мы проехали через элегантный въезд внутрь монастыря. Отовсюду высыпали бабки, детишки, монахов не было видно. Нас провели к настоятелю, гладко выбритому мужчине лет 50. По всем предметам обстановки его кабинета можно было сразу понять, что это католическое духовное заведение.

Настоятель рассказал, что монастырь основан в 5 веке в честь святого Бехнама, который был убит собственным отцом, правителем Нимруда, бывшего тогда колонией Персии. Убил его отец за то, что Бехнам перешел в христианство. С ним вместе были преданы смерти еще 40 мучеников. Но кончилось тем, что отец тоже уверовал со временем и был погребен там же, где Бехнам - так говорит легенда.

Основные постройки нынешнего монастыря Мар-Бехнам относятся к 12 веку. Кое-что восходит и к первым временам его существования, это - интересные рельефы с крестами, которые в предельно стилизованном виде изображают древо жизни. Надписи на арамейском и древне-сирийском языках, на армянском. Есть небольшие рельефчики, принесенные в средние века из Армении. Интересны своды порталов, сделанные по принципу puzzle, только если puzzle собирается в одной плоскости, то здесь - во многих плоскостях, использован принцип ласточкиного хвоста. Каким образом соединены эти фигурные камни, трудно понять. Над каждым порталом - обязательно изображение льва, как символа мощи. В храме есть древний барельеф, относящийся к 15 веку, изображающий конного Бехнама, поражающего сатану, а над ним вверху два ангела, несущие что-то вроде корзины с самим Бехнамом, возносящимся на небо после смерти.

Мы прошли в гробницу Бехнама, где покоятся его мощи: надземная часть - современная, а нижняя, подземная относится опять же к древним векам. На стенах вмурованы плиты с надписями на древне-ассирийском языке, уже знакомые нам кресты в виде древа жизни, наконец, над самой ракой Бехнама выведено из черного камня нечто вроде

мехраба мечетей - ниша, образованная ступенчато расположенными сотами. В центре мраморного пола отверстие, закрытое металлической складной крышкой. Я спросил, для чего это, настоятель сказал, что здесь, на этом месте, и были убиты 40 мучеников. “Из этого отверстия мы берем землю для ритуальных целей”.

Я спросил патера, был ли у него Саддам. Он сказал: “Нет, но Удэй (его сын) приезжал”. Настоятель служит здесь почти 20 лет, значит с 1982 года здесь Саддам не бывал, но в книге ливанского журналиста Фуада Матара “Саддам Хусейн. Человек, Дело и Будущее” (вышла в 1981 г.) описывается именно этот монастырь. Настоятель добавил, что Саддам посетил церковь здесь неподалеку, в селении Кош. И показал фотографию на стене покоев, где Саддам снят с клиром этой католической церкви. Мы решили туда поехать.

Дорога идет среди хлебов. Слева потянулось выгоревшее поле, посреди него несколько женщин в черном, нагнувшись, что-то собирают. Едем в сторону довольно высоких гор, поднимающихся у горизонта.

На улицах Коша очень мало людей в традиционных для арабов дишдашах, в основном люди одеты по-европейски. Женщины в привычных нам платьях. Когда я спросил насчет дишдаши и куфии (мужского головного платка), священник сказал, что это национальная одежда ассирийцев, просто она досталась арабам по наследству. Забавное проявление местного патриотизма. Похоже на рассказы армян, о том, что все самое лучшее – в Ереване. Похоже, здесь еще не смирились с утратой независимости Ассирией, что случилось

25 веков назад. Говорите мне после этого, что имперское сознание – фантом.

Солнце садится. Мы едем в Мосул по довольно плохой дороге, с выбоинами (что для Ирака не характерно), к близкому всхолмленному горизонту, из-за которого поднимается дым. И тут же рядом пасутся овцы, они такого же желто-серого цвета, почти сливаются с землей.

Символ вечности – хлебное поле, овцы, руины древних городов, которые 25 веков назад были полны жизни среди точно таких же полей и пастбищ.

Есть на севере Ирака и православные христиане, объединенные в отдельную епархию. Мои тогдашние краткие зарисовки дают русскому читателю возможность ощутить то, что, может быть, стерлось от частого употребления: Ирак это братская страна. В том числе из-за принадлежности значительной части его населения к одной с нами вере. Итак, последуем туда, где до нас не часто видели русских.

Мчимся под дождем (первый и единственный за долгое время пребывания в Ираке!) из Мосула в сторону Курдистана. Это древнейшая в мире дорога Ниневия-Эрбиль, проложенная задолго до христианской эры по повелению иранского царя Дария. Впереди вздымается мощная грива, местами покрытая отдельными деревьями – Маглуб. ~~Это название~~ Название переводится как перевернутая гора, то есть стоящая на вершине. Над ней сверкает молния. Мы сворачиваем в сторону массива, покрытого темно-зелеными точками растительности. Подъехав на несколько сот метров к склону, видим: наверху, прямо на обрыве расположен монастырь. Непонятно, как возвели столь мощные стены на такой круче.

По склонам желто-пепельных скал карабкаются кустики травы. Часть травы желтая, часть зеленая, растет клочками. Кое-где она выжжена, видимо, здесь траву жгут специально, вряд ли здесь был какой-то непреднамеренный пожар вроде того, что мы видели накануне.

Примерно в версте от группы основных строений нас встречают ворота монастыря. Выложенная из кирпича арка с двумя красивыми коваными створками. Проезжаем забранный решеткой вход в грот, над которым возносится крона огромного тутового дерева. У самого входа в пещеру склонились ветви фигового дерева, перевязанные ленточками, видимо, паломники привязывают дары на счастье. Дальше идут ступени - видимо, там пещерная церковь.

Четверть часа спустя беседую с настоятелем монастыря святого Матти епископом Локкошаи, ассирийцем. Кабинет украшен фотографиями православных патриархов Востока и большим портретом президента.

- Был ли здесь Саддам Хусейн?

- Да, он был здесь в 1981 году.

- Вы виделись с ним?

- Да.

- О чем вы говорили?

- Он дал нам деньги, на которые была построена эта дорога.

- Сейчас отношения у церкви с государством хорошие или есть напряженность?

- Да, хорошие.

Хозяин кабинета рассказывает об истории обители:

- После того, как Римская империя приняла христианскую религию, на престол взошел Юлиан Отступник. Он хотел вернуться к язычеству, и начал подавлять христианство. Матти бежал сюда из Римской империи. Мар (святой) Бехнам был крещен Мар Матти. Это было построено во времена Сасанидов. После того, как правитель Нимруда отдал приказ убить своего сына, он сошел с ума и его привели к Мар Матти. Святой его излечил. Потом он принял христианство и построил этот монастырь. И центр епархии здесь с 5-го века. Всего в Ираке три епископа – один здесь, один в Басре, один в Багдаде. Этот монастырь несколько раз разрушали и снова восстанавливали. Разрушали в том числе и курды. Здесь проходит граница с Курдистаном.

Сразу за стенами монастыря начинается огромная страна неприступных хребтов, увенчанных снеговыми шапками. Воинственные горцы веками сражаются против всех соседей в надежде обрести государственность. Как устояла рядом с ними почти две тысячи лет православная община Северной Месопотамии?

- Курды-христиане есть?

- Нет. Курды мусульмане. Но среди них еще немало язычников йезидов, здесь недалеко есть их храм.

Покидая обитель, проезжаем небольшую группу оливковых деревьев. И снова тянутся склоны, покрытые редкими кустами орешника и жесткой клочковатой травой, а на самом спуске в долину опять потянулись безжизненные каменистые косогоры.

При въезде в селение Башика, на подножье горы из камней выложена надпись “Ирак – Отечество для всех”, то

есть всех национальностей. Здесь находится главный храм йезидов...

Стою во дворе курдского языческого храма - это открытый в небо квадрат. По периметру этого квадрата раскачиваются фонарики, курд рассказывает, что во время собраний общины тут читают писание, которое именуется Черной книгой. На стене какая-то надпись на арабском языке и сбоку знаки солнца и луны. В стенах храма небольшие закопченные ниши, здесь жгут масляные фонари. Над храмом поднимается шпиль, на котором два шара, соединенных между собой – как бы навершие древка знамени, и там треплются какие-то тряпочки. Посреди пола храма, под открытым небом – углубления, в которых росли деревья, в одном еще стоит небольшой стволик с обрубками сучьев, обмотанных разноцветными нитками, а во втором пусто, видимо, дерево засохло. Тут же рядом с храмом курдские погребения; надгробия – это огромные вертикально стоящие камни с двух сторон, заостренные вверху в виде листка дерева, и между ними длинные плиты, закрытые сверху.

На курдском языке имя бога Худай. Курдский жрец говорит нам, что здесь находится место, где первый дом Бога, созданный Авраамом за 1800 лет до Христа. Того ангела, который построил этот храм, звали Мелик Салем.

- Это место, Иерусалим и Мекку посетил этот ангел, посланник бога.

- Что написано на своде храма?

- Там написано: Бог един. Мы не верим в дьявола, потому что Бог никогда не ошибается. Это слово - заблуждение человечества, а Бог далек от ошибок.

Идем по улице селения, обросшей чинарами. Вдали видны четыре йезидских храмика с остроконечными башенками, похожими на форму для кекса. Они находятся на небольшом возвышении над Баашикой, хорошо приметны отовсюду. По улицам ходят мужики в широченных шароварах, это курдская одежда. На голове у них куфии – арабские пестрые платки, только повязаны на курдский манер. Так надевал куфию и Саддам Хусейн, когда приезжал в гости к курдам – ведь именно он начал с ними переговоры о примирении и учреждении автономии вскоре после прихода БААС к власти. Далекой весной 1970 г. заместитель председателя СРК и председатель Демократической партии Курдистана Махмуд Осман вместе с тысячами людей отмечали ноуруз (традиционный праздник весны) на стадионе города Сулеймания.

Под йезидскими храмиками на холме выложено: "Да здравствует вождь!" От селения к дороге тянется большая оливковая роща, зелень ее как бы подернута сединой. Кажется, что видели эти оливы и пришествие ангела, и бесконечные колонны ассирийских, персидских, скифских и русских армий. В нескольких десятках верст отсюда возле Эрбиля находилась деревня Гавгамелы, близ которой 1 октября 331 г. до Р.Х. Александр Македонский сокрушил военное могущество Дария. Здесь же неподалеку – в Ревандузе – прошел передовой рубеж русской армии, проломившей в годы 1-й мировой войны турецкий фронт. Три года назад отсюда рванули на север танки Саддама, чтобы через несколько часов водрузить иракский флаг над древней

крепостью Эрбиля. Не иначе курдский бог споспешествовал вождю...

ПУТЕМ ПРОРОКА

Особого разговора заслуживает то значение, которое занимает ислам в жизни современного Ирака. На многих перекрестках еще недавно стояли выложенные из глазурованной плитки панно с изображением молящегося Саддама, главные святыни шиитов – покрытые золотом мечети Кербелы и Неджефа – были украшены фотографиями президента, творящего молитву, выпуски новостей прерывались трансляцией торжественных богослужений из Мекки. В свободные минуты Саддам Хусейн был занят толкованием Корана. Быть может, мы узнаем его не только как политика и стратега (есть у него работы по этим вопросам), прозаика (роман «Забиба и царь», автобиографическая книга «Люди и город») и поэта, но и как богослова. А мусульманским авторитетам тогда придется решить, опекал ли Аллах этого человека.

Но что касается политической составляющей, то в сравнении с некоторыми ~~европейскими~~ соседними странами, прикрывающимися исламом для ~~консервации~~ отживших ~~режимов~~ замазывания социального неравенства, саддамовский Ирак представлял государством, где ислам служил гуманистическим целям социального освобождения и сохранения культурных традиций. Это великое революционное учение с самого своего зарождения отвергло деспотизм и косность. Личность Мухаммеда потрясла современников тем бесстрашием, с которым он выступил

против могущественных догм. На заре ислама ничего не было противнее природе этого вероучения, чем застой и начетничество. Под его знаменем возникла цивилизация, в лоне которой несколько веков развивалась самая передовая наука, расцветали многообразные религиозные школы. Лишь после захвата арабских земель монголами, турками и европейскими колонизаторами атмосфера духовного поиска и творчества сменилась глубоким застоєм. И в ту эпоху это имело смысл – народам, попавшим под чужеземное иго важно сохранить свою самобытность, и консерватизм часто становится лучшей самозащитой перед нововведениями, внедряемыми захватчиками.

Арабский революционный национализм, возникший в середине минувшего века, ставил одной из главных задач возрождение прогрессивной миссии ислама. А режимы, связанные с империалистическими метрополиями, старались выхолостить это содержание религии Мухаммеда. Но молодое поколение арабских стран не привлекала перспектива сохранения обрядово-магической стороны ислама, их вдохновляли идеи арабского социализма, опирающегося на заветы Пророка. Одним из главных деятелей этого течения, получивших возможность реализовать идеи на практике, и стал Саддам Хусейн.

В одном из выступлений президента Ирака есть слова: «Выражая позицию нашей партии и мое глубокое убеждение, я еще раз хотел бы заверить, что наша партия не занимает нейтральную позицию между верой и ересью; она всегда на стороне веры. Тем не менее она не является и не должна

быть религиозной партией»²⁷. Это позиция современного человека, понимающего, что изменение условий жизни неизбежно сопровождается адекватным изменением механизмов регулирования жизни общества.

Даже в странах с консервативными режимами происходят сдвиги, вызванные появлением новых, не существовавших прежде проблем. Так, шариатское право не предполагает процедуры хозяйственного арбитража, и рыночная экономика властно потребовала принятия соответствующих кодексов и учреждения специализированных служб в государствах Залива, где все остальные стороны жизни пока регулирует шариат. Аравийские монархи – король Иордании Абдулла, султан Омана Кабус бин Саид, эмир Катара Хамад аль Тани, эмир Бахрейна Хамад аль Халифа – последовательно проводят курс на приобщение народов своих стран к делам управления, на повышение роли женщин в делах общества. Вступивший на престол в 2005 году король Саудовской Аравии Абдулла заявил собравшимся приветствовать его: "Целование руки чуждо нашим ценностям и не соответствует нормам нашей морали, этот жест неприемлем для благородных и свободных людей. Целование руки ведет к поклонам, а это нарушает закон Бога, ибо правоверный мусульманин не должен склонять голову ни перед кем, кроме самого Бога". На первый взгляд, вроде бы мелочь, но на деле полный символика вызов укоренившемуся обычаю. Особенно значимы такие жесты на фоне

²⁷ Saddam Hussein. On History, Heritage and Religion. Baghdad, Translation & Foreign Languages Publishing House, 1981 p.24

последовательного развития представительных учреждений (Маджлис аш-Шура – Совещательный совет, местное самоуправление), расширение доступа к источникам информации, роста экономической самостоятельности подданных королевства.

Революционные лидеры Гамаль Абдель Насер, Хафез Асад, Муаммар Каддафи при всем несходстве их взглядов и даже противоречиях между ними неизменно заявляли, что ислам является идейной основой арабского социализма. Руководители БААС всегда подчеркивали, что членство в партии и атеизм – несовместимые вещи. Возможно, поэтому Саддам Хусейн воспринимается частью молодого поколения арабских стран как антипод реакционным силам, и в то же время в нем видят подлинного рыцаря ислама, не на словах, а на деле доказавшего свою преданность духу учения Пророка.

Во всяком случае, его обличительные высказывания в адрес стран, допустивших размещение на своей территории иностранных войск, находили отклик в сердцах арабов. Саддам всегда старался представить себя истинным защитником мусульманских святынь в Неджефе и Кербеле.

Иракские ученые обнаружили его происхождение от Хасана, внука пророка Мухаммеда...

Когда в 1996 году было совершено покушение на старшего сына президента Удэя, Саддам поклялся у его постели дать столько крови, чтобы хватило для написания Корана. 25 октября 2000 года известный иракский каллиграф вручил созданную им книгу президенту. За этот период Саддам сдал 13 литров крови! Когда американцы ворвались в Багдад, этот экземпляр священной книги хранился в мечети

«Умм аль-Маарик». Если он уцелел, то, несомненно, станет священной реликвией будущих мстителей, чем-то вроде Корана Усмана, залитого кровью второго из «праведных халифов» ислама, наследников Мухаммеда.

БЕССИЛЬНЫЙ ВЛАСТЕЛИН

В самом начале блокады Ирака западная печать была переполнена предсказаниями скорого конца Саддама Хусейна. То и дело появлялись сообщения о заговорах в армии, о волнениях племен, о вооруженных выступлениях шиитов. На севере Ирака, объявленном зоной попечения «свободного мира», в мае 1992 года были проведены выборы в курдский квази-парламент. От этого «великого акта самоопределения» тоже ожидали катастрофических последствий для Багдада.

Но проходили месяц за месяцем, год за годом, а президент Хусейн и не думал эмигрировать (о чем неоднократно извещали самые информированные газеты). И не собирался умирать (о чем со стопроцентной гарантией не раз пророчествовали некие врачи, «только что вернувшиеся из Ирака»). Хуже того, он как будто дразнил Запад, продемонстрировав свою отличную физическую форму, когда в июле 1992 года переплыл Тигр и таким символическим образом отметил юбилейную дату – 33-ю годовщину «заплыва» через эту реку с простреленной ногой.

После годичного ожидания «благоприятных перемен» Америка решила само существование Саддама Хусейна превратить в некий пропагандистский капитал. Его образ стал страшилкой для оправдания политики большой дубинки, к

которой перешла американская администрация после войны в Заливе. В 1992 году ЦРУ обвинило Багдад в подготовке покушения на президента Буша, и вслед за этим американские крылатые ракеты разрушили здание Мухабарата (службы безопасности).

Используя в качестве повода бездоказательные заявления руководителя Спецкомиссии ООН по ликвидации оружия массового поражения Р.Батлера о том, что Ирак будто бы обладает бактериологическим оружием, ракетами средней дальности, Вашингтон неоднократно ставил мир на грань новой войны. Только усилия российской дипломатии позволили сохранить мир осенью 1997 года, но американцы продолжали выискивать повод для демонстрации силы. И в 3 часа ночи 16 декабря 1998 года вновь обрушили на спящий Багдад крылатые ракеты и самонаводящиеся бомбы.

Затем, используя в качестве предлога то отказ иракского правительства от сотрудничества со Спецкомиссией ООН, то облучение американских самолетов иракскими радарными, США начали регулярно бомбить различные объекты на территории суверенного государства.

Евгений Примаков, возглавлявший в тот период правительство России, пишет в своих мемуарах: «Через несколько дней после ударов по Ираку, завершившихся (или приостановленных?) 19 декабря с началом мусульманского священного праздника Рамадан, по британскому радио выступил американский эксперт в области разоружения С.Риттер, который до августа 1998 года входил в состав руководства Спецкомиссии. Он обвинил администрацию США и лично Батлера в преднамеренном провоцировании

вооруженного нападения на Ирак. Характеризуя в целом работу Спецкомиссии, С. Риттер заявил, что объекты для инспекции в Ираке выбирались не по соображениям их проверки на наличие оружия, а, скорее, в провокационных целях. По словам Риттера, от Ирака ждали соответствующей реакции, чтобы можно было создать повод для военной акции. Именно Батлер «позволил Соединенным Штатам манипулировать работой ЮНСКОМ (Спецкомиссией. - Е.П.) в интересах оправдания удара с воздуха».

Многие в США и в других странах считали, что администрация Клинтона, принявшая решение об ударе по Ираку, руководствовалась чисто внутривнутриполитическими соображениями — через два дня предстояло голосование в палате представителей Конгресса США по импичменту президенту»²⁸.

Хотя секс-скандал с Моникой Левински, из-за которого похотливый Клинтон едва не лишился кресла президента, стал достоянием истории, США продолжали наносить удары по Ираку. Видимо, для «сохранения лица» сверхдержавы. Похоже, администрация демократов зашла в тупик – отступить нельзя из соображений престижа, а продолжение бомбардировок только усиливает сочувствие к Ираку и его лидеру в арабском мире. Воздушный террор не прекращается и позднее, хотя у нового республиканского президента была прекрасная возможность не брать на себя грехи прежнего хозяина Белого дома. Складывалось впечатление, что организаторы «Бури в пустыне» Чейни и Пауэлл, занявшие

²⁸ Евгений Примаков. Годы в большой политике. Москва, Коллекция «Совершенно секретно», 1999. Стр. 332-333.

высшие посты в новой администрации, ~~ощущают~~ощуцали себя недовоеавшими героями. Но корни этой политики оказались куда глубже. После 11 сентября 2001 года пропагандистская машина американской империи заработала на полные обороты с целью доказать: Ирак – главный оплот международного терроризма...

Мужество Ирака и стойкость его руководства производили сильное впечатление на арабов. Каждая новая волна бомбардировок вызывала все более широкое негодование во всех арабских странах, с чем не могли не считаться даже самые непримиримые противники Саддама. Февральские (2001 г.) американские налеты на Багдад были осуждены руководством Саудовской Аравии. А общеарабская встреча на высшем уровне, состоявшаяся 27-28 марта 2001 г. в Аммане, одним из главных вопросов повестки дня обозначила снятие санкций с Ирака. И хотя предложение некоторых стран об одностороннем выходе из режима санкций принято не было, саммит обратился к ООН с призывом отмены санкций. Это, конечно, была всего лишь попытка сохранить хорошую мину при плохой игре. Ведь все прекрасно знали, что любая резолюция такого рода будет заблокирована американским вето.

Справедливости ради следует сказать, что после этого и сама вашингтонская администрация повела разговоры о смягчении блокады – будто бы для блага простых иракцев. Хотя 10 лет без зазрения совести душила страну, в надежде, что доведенные до отчаяния люди свергнут свое правительство к удовольствию Соединенных Штатов.

Казалось, время работает на Саддама Хусейна. Постепенно стала блекнуть стереотип западной пропаганды о кровавой диктатуре. Никаким запугиванием не заставишь народ подчиняться, если отсутствует солидарность между правительством и простыми людьми. То, что режим БААС устоял, свидетельствовало о его значительной социальной базе. При этом отсутствовали массовые антиправительственные протесты и, соответственно, репрессии. Случались отдельные разрозненные выступления, обычно финансируемые спецслужбами враждебных Ираку государств, но широкого сопротивления никогда не существовало. Время от времени происходили даже террористические акты, подобные взрыву (17 марта 2001 г.) в автобусном парке в центре Багдада. Однако никто при этом в панику не впадал, руководители страны с полной уверенностью говорили, что следы таких варварских акций ведут за рубеж.

Не сбылись и надежды Запада, что произойдет раскол в правящей элите Ирака, что в самой БААС начнутся процессы брожения. Саддам Хусейн не раз говорил о прочности партийных рядов. И одним из лучших доказательств этого служило то, что у каждого члена БААС имелся на руках автомат, пистолет, а то и что-то посерьезней. Вряд ли лидер вооружил бы миллионы людей, если бы не было доверия между ним и массой партийцев. И это при том, что гораздо больше, чем иностранных агентов и диверсантов, Саддам всегда опасался возникновения оппозиции внутри БААС или в армии.

При первых признаках недовольства Хусейн действовал быстро и беспощадно. То и дело возникали слухи о расстрелах генералов и офицеров, о подавлении волнений в племенах. Западная пропаганда придавала каждому такому событию – истинному или мнимому – преувеличенное значение. С особенным пристрастием старались раздуть информацию о неладах в семье вождя. Тем более, что даже иракская пропаганда не делала из них секрета...

Западные журналисты одно время писали о замышляемой будто бы передаче власти от Саддама к Удэю. Ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение было невозможно. Но относительно растущего влияния Удэя в стране сомневаться не приходилось. Несколько фактов из биографии этого долговязого мужчины, немного не дожившего до сорока лет, достаточно красноречиво говорят о его тогдашней политической роли.

До конца существования саддамовского режима первенец Хусейна возглавлял множество организаций – от Иракского Олимпийского комитета до Форума творческой интеллигенции. В то же время он считался главным редактором газеты “Вавилон”, выражающей точку зрения верхов, но не являющейся официозом. Только “Вавилон” позволял себе время от времени критиковать некоторых министров и губернаторов. Удэю же приписывали инициативу смещения некоторых могущественных людей – таких, каким был до середины мая 1995 года сводный брат Саддама Ватбан Ибрагим аль-Хасан. Дядя, занимавший пост министра внутренних дел, прогневал племянника неуместной мягкостью, проявленной к мятежному генералу Дулайми. Впрочем, такова

была версия западной печати – на самом деле противоречия возникли уже давно. Удэй стремился оттереть от власти прочих родственников, составлявших ближний круг президента.

Как было сказано выше, когда Удэю было всего 6 месяцев, он, сам того не ведая, играл важную роль в политической жизни Ирака. Саддам Хусейн сидел в ту пору в тюрьме в ожидании суда вместе с рядом других видных деятелей партии Баас. Молодая жена Саддама каждый день приходила на свидания к мужу и приносила с собой сынишку. В пленках Саджида проносила записки от товарищей по партии, таким же образом доставлялись на волю письменные указания ее супруга.

Позднее Удэй не чурался политики уже вполне сознательно. В 12 лет он уже был баасистом и состоял в руководстве школьной парторганизации. В то время он говорил, что хочет стать ядерным физиком – наверное, Ирак переживал в середине 1970-х тот же ядерный романтизм, что и Советский Союз в конце 50-х – начале 60-х. Именно в это время ударными темпами приступили к строительству мощного исследовательского центра. Кто знает, может быть, если бы 7 июня 1981 года израильская авиация не разбомбила реактор “Таммуз”, Удэй осуществил бы свою мечту.

Но в это время уже шла кровопролитная война с Ираном. Все иракское руководство облачилось в мундиры военного покроя. Саддам Хусейн как истинный вождь нации нередко выезжал на фронт. Удэй тоже надел военную форму и отправился в действующую армию. Иракское телевидение

постоянно демонстрировало кадры хроники: *раис* выступает на фронтовом КП перед генералами. Рядом стройный высокий Удэй в ладно пригнанной форме. Прощаясь, отец целует его. Несомненно, это зрелище согревало сердца чадолюбивых иракцев, отдавших Молоху войны четверть миллиона сыновей.

Сражения вдоль восточных границ страны затихли, хотя вооруженные армии еще два года стояли друг против друга. Тут бы и начать Удэю радовать родителей на мирной ниве. Но он подложил отцу большую свинью. Осенью 1988 года во дворце Саддама Удэй забил палкой насмерть личного телохранителя президента Камиля Ханну Джуджу.

Преступление было совершено на глазах у жены президента Египта Сюзан Мубарак (это было на приеме в ее честь) и получило огласку. Газеты поместили письмо Саддама генеральному прокурору Ирака, в котором президент требовал расследовать происшедшее и примерно наказать сына, как любого рядового гражданина страны. Слово лидера – закон. И Удэй получает год условно!

Из неполного перечня должностей Удэя, приведенного вначале, понятно, что на политической его карьере тот досадный эпизод не отразился. И год за годом, месяц за месяцем первенец Саддама становился все влиятельнее.

Именно во время моего пребывания в Ираке, произошло событие, имевшее весьма серьезные последствия. 22 мая 1995 года Саддам своим указом снял министра внутренних дел Ватбана Ибрагима аль-Хасана, назначив его советником при самом себе.

Тогда я посчитал этот указ отражением каких-то важных для страны перемен в правящей верхушке, ведь министр был двоюродным братом Саддама, ходили слухи, что он был в натянутых отношениях с Удэем. Когда я спросил переводчика Саида Нафтачи, как СМИ Ирака объясняют такого рода перестановки, он пожал плечами и сказал: «Это чисто семейные дела, я сам не знаю, зачем мы должны об этом знать. Во всяком случае, они ничего не объясняют, просто сообщают, что так произошло и все».

После отстранения Ватбана с министерского поста в семейном клане стало твориться что-то непонятное. Поползли слухи, что племянш Удэй стрелял в дядю и смертельно ранил его, но это было опровергнуто свыше: Ватбан стал-де жертвой случайной пули во время праздничной пальбы, каковая является обычным делом в Ираке. И сразу же после этого мир облетела сенсация: 8 августа две старших дочери Саддама Рагад и Рана вместе со своими мужьями (они же – их двоюродные братья) бежали в Иорданию. Старший из зятьев – Хусейн Камель Хасан – возглавлял военную промышленность Ирака, а его брат Саддам (сыгравший роль Самого в фильме “Долгие дни”), был одним из главных чинов в личной охране президента.

Западные аналитики предполагали: бегство организовал не кто иной, как Саддам Хусейн, дабы таким образом, не потеряв лицо, свалить на Камеля вину за то, что пришлось выдать Контрольной комиссии ООН документацию о военных программах Ирака. Но для знающих обстановку в Правящем Семействе наиболее достоверным показалось, как ни странно, официальное объяснение происшедшего “семейной

ссорой". Родичи бежали скорее всего из опасений перед усилившимся Удэем. Такое предположение было подтверждено самим Саддамом, заявившим, что в бегстве родственников повинен его старший сын. И вскоре после этого беглецы повинились и запросились обратно. Уже вскоре по прибытии на родину оба зятя и многие их родичи были перебиты Удэем и его подручными. Наверное, навсегда останется загадкой, не было ли заявление президента и отстранение Удэя со всех постов своего рода наживкой.

Вопрос о мотивах тех или иных поступков Саддама не так прост, как иногда представляют. Сведение счетов с зятьями и их родственниками вряд ли объяснишь жестокостью бывшего президента Ирака. Сама модель этой расправы продиктована, быть может, безотчетными религиозно-этическими ассоциациями, возникающими при решении трудных жизненных ситуаций перед человеком, воспитанным в лоне ислама. Мы знаем, что Саддам углубленно занимался изучением Корана и писал свое толкование священного писания. Естественно, что при столкновении с проблемами, имеющими прецедент в прошлом, он мог стремиться поступить в духе Пророка. История с беглыми зятьями и их наказанием напоминает ту коллизию, с которой столкнулся Мухаммед после завоевания Мекки.

Один из прежних сподвижников, некогда записывавший откровения Пророка, затем усомнился в нем и отпал от ислама. Перед вступлением в Мекку он был объявлен вне закона. Мухаммеду не хотелось выполнять просьбу о его помиловании, исходившую от одного из близких и влиятельных людей, но и отказывать было невозможно из

соображений престижа. Поэтому Мухаммед долго молчал, как бы размышляя – он ожидал, что найдется кто-нибудь догадливый и во исполнение прежнего приказа убьет ждавшего своей участи отступника. Ситуация с обещанным прощением зятьев, а затем с признанием правоты тех, кто свершил казнь предателей вполне понятна только в определенном контексте. Говорю об этом для того, чтобы предостеречь от поползновений к моральному суду со стороны людей иной культуры и воспитания. Пусть гуманисты, регулярно поглощающие сочные бифштексы, увидят себя глазами индуиста, поклоняющегося священной корове...

Что же касается Удэя, то через несколько месяцев после с расправы с мужьями сестер кто-то из родичей свел с ним счеты. Когда Согласно рассказам багдадцев, декабрьским вечером сын Саддама как обычно приехал в ресторан гостиницы «Мансур» за мясом для своего ручного тигра, Тут его и прошили очередью из автомата. Много месяцев после этого врачи боролись за жизнь Удэя. А когда отпрыск вождя оправился от полученных ран, то вновь взялся за старое. И возобновил амурные похождения – приближенные доставляли ему приглянувшихся девушек и женщин, привозили проституток из-за границы. Один из характерных эпизодов такого рода приводится ниже со слов стиптизерши Светы М., танцевавшей в одном из ночных клубов Москвы. Летом 2000 года она в компании трех других девушек была доставлена в Багдад неким Анатолием, посредником из окружения калмыцкого президента Илюмжинова, для Удэя, отмечавшего свой день рождения.

Свете Удэй с первого взгляда показался добрым, но хитрым. Выглядит чуть старше своих 36 лет. Рост около 185 см, узкогрудый. Густые коротко остриженные волосы. Тщательно ухоженная полумесячная щетина. Припомнив слова Анатолия, что на Удэя было много покушений, и после одного из них ему ампутировали ногу, Света обратила внимание на его несколько скованную походку.

Им показали видеофрагменты футбольного матча, в котором принимал участие Удэй. Он бегал по полю, бил по мячу. Трудно было поверить, что вместо ноги у него протез.

С Удэем постоянно было несколько приближенных. Одного из них он называл другом. По первому зову являлись слуги, обслуживали стол, снимали с Удэя пиджак или, наоборот, помогали ему одеться. При этом они не касались его одежды руками, а принимали или подавали ее, держа через белую ткань. Удэй сказал девушкам, заметив их предупредительность к слугам: они ничто, пыль, здесь я – солнце.

Сразу по прибытии к Удэю девушки спросили, надо ли танцевать. Им сказали: не беспокойтесь. Пришли арабские танцовщицы и стали услаждать гостей национальными танцами под музыку небольшого ансамбля.

Из всех русских девушек Света больше всех приглянулась Удэю. Он назвал ее: кукла Барби. Она и впрямь немного походит на длинноногую стройную Барби.

Удэй рассказал, что учился в Европе. Поведал, что у него есть пассия на Западе, рыжеволосая – это его любимый цвет волос. Что касается его любимого цвета

вообще, то Света заметила много синего в его одежде и предметах его окружающих – рубашки, брюки, лимузин.

Каждый вечер и часть ночи четверка проводила с Удэем и его свитой в ресторанах. Удэй много пил – виски, сладкое красное вино. Как-то предложил девушкам кальян с гашишем. Когда они отказались, тоже не стал курить, распорядился принести кальян с ароматом яблок. Возили девушек на набережную Тигра. Выезжали за город и катались по реке на водных мотоциклах. Супер-откровенные бикини русских смутили арабов из obsługi.

В один из дней сын Саддама отвез Свету к себе в дом. Когда они въехали через ворота в высоком каменном заборе, Света заметила несколько охранников. Дом был большой, в три этажа. Проходя через вестибюль и комнаты, гостья обратила на несколько мраморных статуй, изображавших в полный рост одну и ту же обнаженную женщину.

Когда стали ложиться в постель, Света увидела, что на ноге Удэя не протез, а несколько широких рубцов, достигающих до середины голени. На спине и на животе Удэя Света заметила много шрамов от пуль.

Выйдя ночью во двор, они с Удэем палили в небо из автоматов.

Наутро, когда на улицах уже было полно машин, Удэй отвез Свету в гостиницу. Окна лимузина не были затемнены, так что каждый мог видеть Удэя. И темных очков на нем не было. Под ногами в салоне валялось разнообразное оружие: пистолеты, автоматы. Удэй то и дело прихлебывал вино из бутылки. Гнал он со страшной

скоростью, так что машина с охранниками едва успевала за ним.

У входа в отель Удэй высадил Свету. Больше они не виделись. Нервный, дерганый охранник проводил девушку до номера. Было видно, что гонка за Удэем вывела его из равновесия.

По всей видимости, в душе Саддама постоянно шла борьба. Он по-своему любил Удэя, хотя время от времени подвергал его опале. Наверное, слухи о том, что он раздумывал о передаче власти одному из сыновей, не были лишены оснований. Следы таких раздумий можно обнаружить на страницах его романа «Забиба и царь». Опубликованный за два года до американского вторжения, этот литературный опус явным образом сигнализировал согражданам, что вождь не намерен отступать от народнических идеалов баасизма. В частности, на разные лады в романе обсуждался вопрос о престолонаследии. Alter его Саддама Забиба говорит: «Я полюбила тебя мой царь, потому что меня привлекли качества твоей личности, хотя в целом я против царей и против того порядка, благодаря которому царь становится царем, особенно против наследования, которое происходит, невзирая на пригодность наследника или отсутствие таково, на способность или неспособность править, на его качества и мнение народа»²⁹.

Похоже, с годами Саддам ощущал все большее одиночество. Если в начале своей политической карьеры он был скор на расправы со вчерашними товарищами по партии

²⁹ Саддам Хусейн. Забиба и царь. СПб., Амфора, 2003.

и совершенно не склонен был проявлять милосердие к тем, через кого переступил на пути к вершине власти, то со временем стал, судя по всему, ценить тот тесный круг соратников, который сложился еще в его молодости. Помимо нескольких родичей, таких как Барзан Тикрити и Аднан Хейралла Тульфах, в этот круг входили Иззат Ибрагим, земляк из окрестностей Тикрита, Саадун Шакер, организатор побега Саддама из тюрьмы, курд Таха Рамадан, шиит Саадун Хаммади, христианин Тарик Азиз. Они то и дело менялись должностями, становясь то вице-президентом, то вице-премьером, то министром иностранных дел, то заместителем председателя Совета Революционного Командования. Даже если кто-то из них и высказывал несогласие с Саддамом, то отправлялся не на эшафот, а в почетную отставку с присовокуплением почетной должности советника президента. Так было с главой службы безопасности Шакером в первые дни после вторжения в Кувейт. Кому-то же Саддам должен был доверять, чтобы не остаться в искусственном коконе без возможности составить представление о настроениях в партии и стране. Тем не менее, поверяя бумаге свои затаенные мысли, он постоянно возвращался к теме одиночества властителя. Вот один из многих диалогов царя и Забибы:

«Разве одиночество не заклятый враг того, кто правит? А чтобы положить конец одиночеству, нужно покинуть его. Покинь одиночество дворца, мой царь, и позволь своей душе делать то, что для нее естественно. Выйди к природе и к людям. Разве природа и люди не лучшее, что может развеять страх в твоей душе?»

- Я поступал так, как ты говоришь, Забиба, или почти так, когда впервые вошел во дворец, но обнаружил, что придворные сочли мое поведение странным и осудили меня. Возможно, они посчитали, что нарушение традиций дворца вызвано легкомыслием или незнанием приличий. В конце концов мне пришлось с этими традициями смириться»³⁰.

Как ни старался Саддам показать себя знатоком народной жизни, мудрым всеведущим вождем, постоянно нарастало отчуждение между ним и подданными (уместно употребить именно это определение, обычно употребляемое для обозначения населения монархических стран). Главной причиной было то, что всемогущий лидер оказался на целые десятилетия узником осажденной крепости. Уже на второй год его президентства началась жестокая война, поставившая крест на амбициозных планах превратить Ирак в процветающее государство. А потом, после краткой передышки, новая война и бесконечная блокада. И все эти годы сам он был постоянной мишенью покушений и бомбардировок.

Немудрено, что свойственная Саддаму недоверчивость переросла в подозрительность, а тот изначальный демократизм, который отмечали знавшие его в молодости, сменился высокомерием. Если даже в собственной его семье свила гнездо измена (бегство дочерей с зятьями), он не мог чувствовать себя в безопасности и в хорошо охраняемых резиденциях. Он взял за правило не оставаться на несколько дней в одном и том же дворце, вместо него на людях часто появлялись *тягюты* (двойники). Не оттого ли и в частной

³⁰ Там же. Стр. 43.

жизни у него произошли похожие изменения. Если первые двадцать лет брака Саддам хотя бы внешне сохранял верность Саджиде, то с середины 80-х все чаще искал общества других женщин. За несколько последующих лет у него появилось три новых жены.

Сначала Хусейн увлекся персиянкой Самирой Шахбандар, происходившей из старинного знатного рода. Муж ее, занимавший пост генерального директора государственной авиакомпании Iraq Air, не смел возражать против ее близости с президентом. В конце концов Саддам заставил супругов развестись и в 1986 году женился на Самире. Через год появился на свет их сын Али. Позднее она порвала с Хусейном и уехала в Ливан, где у нее было много родственников.

В 1990 году Саддам женился в третий раз. На этот раз его избранницей стала Нидаль аль-Хамадани. О ней мало что известно. Судя по фамилии, можно предположить, что она тоже иранского происхождения. Детей от этого брака не было.

Четвертой женой в 2002 году стала двадцатисемилетняя Вафа аль-Ховеиш, дочь министра военной промышленности, а затем вице-преьера в последнем правительстве саддамовского Ирака. Следует отметить, что информация об этом последнем браке не была подтверждена официально.

В прессе не раз появлялись рассказы о наложницах Саддама. Одна из них, гречанка Парисула Лампсос, оказалась весьма словоохотливой. От нее мир узнал, что Хусейн красит волосы, принимает виагру, любит смотреть видеозаписи пыток и казней своих врагов, прихлебывая виски и дымя сигарой, обожает красоваться перед зеркалом, выкрикивая: «Я –

Саддам. Хайль Гитлер!». К тому же он общался с Бин Ладеном и давал деньги «Аль-Кайде». Парисула якобы сбежала из Багдада за несколько лет до гибели баасистского режима, поселилась в Ливане и, хотя признавалась, что испытывает страх перед своим бывшим господином, почему-то не побоялась откровенничать с американскими тележурналистами. Судя по характеру ее разоблачений, появившихся незадолго до того как сформировалась «ось добра», с мадам Лампсос поработали специалисты по психологической войне.

Самих иракцев подобная информация вряд ли могла шокировать. Разве что добавила бы уважения к вождю: силен мужик! У нас в России такие сведения тоже не признают за компромат, тем более, что намеки на симпатии к Гитлеру делаются прессой всякий раз, когда нужно обмазать кого-то: то Лукашенко уличат, то Ахмадинежада, то кого-нибудь из патриотической оппозиции внутри России...

Выдвигая обвинения в адрес саддамовского режима, западная пропаганда не учитывала того обстоятельства, что из-за многолетней изоляции³¹ иракский лидер как бы остался в иной эпохе – когда еще не было никакого Бин Ладена, а линия идейного противостояния проходила между социализмом и капитализмом. В романе «Забиба и царь», написанном в 2000 году, бесконечные споры между сторонниками различных моделей общественного устройства очень напоминают

³¹ Надо помнить, что начало изоляции Ирака было положено уже в 70-е годы, когда он пытался экспортировать революцию в страны Персидского залива.

дискуссии в каирских и багдадских кофейнях 60-х годов. Карло Гоцци писал в «Бесполезных воспоминаниях»: «Моя прическа не менялась с 1735 до 1780, хотя люди переменялись с тех пор сто раз». Эти слова можно было бы использовать как эпиграф к повествованию о саддамовском Ираке.

Когда в 1995 году я впервые попал в Багдад из России, также переживавшей не лучший период своей истории, то поразился тому, что время как бы замерло здесь десятки лет назад. Улицы были переполнены до крайности изношенными автомобилями, выпущенными в 70-х, в лучшем случае, в 80-х годах, в отелях и офисах стояли давно устаревшие марки компьютеров. Даже прически дикторов телевидения казались сошедшими со старых фотографий. Долгая изоляция страны наложила отпечаток на все стороны жизни. Но доброжелательный, жизнерадостный, неунывающий характер иракца, проявлявшийся во всем, позволял быстро забыть об этом «временном сдвиге». Люди жили настоящим, не предаваясь печали о понесенных утратах. Не заметно было недовольства режимом, напротив, было ощущение, что люди воспринимают его как нечто естественное и неизменное.

Да и практически полностью восстановленная после тотальных бомбардировок инфраструктура – прекрасные шоссе, мосты, эстакады, общественные здания – свидетельствовали о большом запасе прочности иракского государства. Возведенная в центре столицы телевизионная башня Саддама заменила ту, что была разрушена английской авиацией в феврале 1991 года. В Багдаде строилась самая

крупная в мире мечеть, которая, говорили, видна будет даже из космоса.

Жизнь рядового иракца оставалась тяжелой. Но очень немногие могли связать свои беды с действиями руководства страны. Главным виновником трудностей виделись санкции против Ирака, наложенные ООН. Поэтому ни в западную, ни в арабскую печать не просачивались слухи о том, что кто-нибудь в Ираке разбил телевизор в порыве гнева на диктатора. Напротив, миллионы людей спокойно воспринимали доказательства величия страны и эпохи, в которой им привелось жить. Поэтому и пел в каждом иракском доме после вечерних теленовостей коренастый певец в малиновом пиджаке, воздевая руки к закатному небу:

*Можно ли отблагодарить тебя за добрые дела,
Которые ты сделал для нас!
Будем же участвовать в народном ликовании!
Мы идем по светлому пути,
Озаренному твоими идеями.
Все здесь построено руками иракцев,
И машины созданы их умными руками.
Достоин восхищения этот народ -
Несмотря на тяготы блокады,
Он все равно достигнет надежного берега.
Мы не нуждаемся в чужестранцах -
У нас есть свои умельцы.
Поздравим же Родину с победой -
Руки иракские, машины иракские.
Мы ликуем со всем народом!*

У иностранных гостей, которые в те годы посещали Ирак, такие приметы культа Саддама тоже не вызывали особенного волнения. Некоторые передачи иракского телевидения словно бы переносили в не столь уж далекое время, когда во всех частях земного шара царили культы вождей или монархов. А в большинстве соседних стран это было живой действительностью.

Новости, сообщавшиеся иракским ТВ, очень напоминали советские времен позднего Брежнева. Вначале появлялась картинка Саддама в шикарном белом костюме, в окружении ваз с цветами, с лучезарной улыбкой на лице. Сообщалась какая-то хорошая новость о президенте и новом успехе славного Ирака. И наступало время зарубежных новостей, которые, по контрасту с безмятежной жизнью осажденной страны, представляли собой череду катастроф, войн, актов насилия.

Если же отвлечься от пропагандистского содержания иракского эфира, то наполнение его было вполне стереотипным. Засилье американского кинематографа бросалось в глаза даже после России, где середина 90-х годов была временем разгула тех, кого в иные времена называли «низкопоклонствующими перед Западом». За два месяца моего пребывания в Ираке я не видел ни одного советского фильма, и очень немного фильмов производства европейских киностудий. Что показалось странным в контексте декларируемого баасистами антиамериканизма.

В час молитвы на экранах страны возникала главная мечеть Мекки, звучали суры Корана. Но потом опять начиналась пальба из «Смит-Вессонов». Даже присутствие в

эфире большого количества иракских и египетских картин не меняло первого впечатления – в культурном отношении Ирак в значительной мере оставался колонией англосаксов. А вот почти сорокалетние особые отношения с Россией (и старой – советской, и новой – посткоммунистической) почти не оставили следов. При всем показном арабизме баасистский режим так и не оторвался от пуповины, питавшей его западными идеями в эпоху становления.

Чаще всего Саддам Хусейн представлял перед своими согражданами в европейских костюмах «от кутюр» или даже в тирольской шляпе на фоне снеговых вершин. Гораздо реже его можно было увидеть в дишдаше и куфии или в широких складчатых штанах курдского фасона. Созерцая бесчисленные панно с его изображением, я постоянно возвращался к мысли об абсурдности произошедшего с Ираком. Самая космополитическая, самая светская страна арабского мира оказалась главным объектом ненависти Запада. Хотя заветной мечтой ее правителя была, не побоюсь предположить, встреча с президентом США на его тexasском ранчо³²...

³² Такое впечатление сложилось у меня лишь на основе наблюдений за духовной жизнью Ирака. Тем ценнее для меня мнение принца Халеда бин Султана, позднее писавшего: «Саддам очень хотел вступить в диалог с Вашингтоном. Он хотел этого больше всего на свете» («Воин пустыни» Стр. 161). Саудовский генерал, сокомандующий антииракской коалицией, работая над своей книгой, обобщил информацию из весьма осведомленных источников.

К России он относился как прагматик. Даже в те времена, когда она именовалась Советским Союзом, и представляла собой противовес Америке, многолетние отношения Ирака с нею не привели к сколько-нибудь заметному сближению в идеологической области. После распада СССР об этом, конечно, и речи быть не могло.

При всех различиях, обозначившихся во внутривнутриполитическом развитии двух стран после 1991 года, Россия оставалась одним из немногих государств, которые выступали за развитие сотрудничества с Ираком. Именно от России, много сделавшей для разрушения заговора молчания, царившего вокруг Ирака в первой половине 90-х годов, ожидали, что она подаст пример другим странам в отмене режима санкций.

Первые визиты оппозиционных российских политиков и общественных деятелей, не входивших в правящую элиту, помогли преодолеть боязнь окрика из Вашингтона и кремлевским обитателям. Не все из этих визитеров ехали ради поддержки дружественного режима, многие старались обтяпать шахер-махеры с иракской нефтью, с поставками лекарств и продовольствия. Но как бы то ни было, именно российские воздушные лайнеры первыми проббили воздушную блокаду страны, и вслед им полетели самолеты других стран. В годы, предшествовавшие американскому вторжению весной 2003 года, в аэропорту имени Саддама Хусейна приземлялись регулярные рейсы из Москвы и других столиц.

После разгрома Ирака в ходе «Бури в пустыне» экономику страны довольно быстро восстановили: был превышен довоенный уровень добычи нефти, шла разведка и

обустройство новых месторождений. И российский бизнес активно участвовал в реализации проектов развития. Визиты высокопоставленных деятелей России постепенно приучали общественное мнение к необходимости прекратить изоляцию Ирака. В частности, состоялся визит в Багдад председателя Государственной Думы Г.Н.Селезнева. Его встречи с Саддамом Хусейном и другими членами государственного руководства Ирака позволили говорить о том, что контакты на высшем уровне становятся нормальной практикой в отношениях наших двух стран. Стали все чаще вспоминать, что Россия является правопреемницей Советского Союза и всех его международных соглашений, в их числе – Договора о дружбе и сотрудничестве с Ираком.

В последние месяцы 2000 года и в начале 2001 года, когда на восточном берегу Иордана вновь разгорелась интифада палестинского народа, в арабском мире с новой остротой увидели, что блокада Ирака играет на руку только тем, кто заинтересован в расколе арабов и ослаблении их в противостоянии агрессивному Израилю. От Атлантики до Индийского океана вновь начала расти популярность Саддама Хусейна. 1 февраля 2001 г. корреспондент Франс-пресс передал из палестинского Рамаллаха: «Не прошло и недели после того, как сын 50-летней Наджи Ахмед Махмуд был разорван на части израильской бомбой в городе Рамаллах, управляемом палестинцами, когда в дверь ее постучались люди президента Ирака Саддама Хуссейна, которые принесли ей чек.

«Саддам был единственным, кто нам помог», - сказала Наджа, сидя в черной шали в своем доме в Рамаллахе под

портретом Иракского президента при полных военных регалиях и с решительным лицом.

«Саддам Хуссейн совершил благое деяние и дал денег из рук в руки в эти трудные времена», - добавила она, описав, как делегация основанного Ираком Фронта Арабского Освобождения вручила ей чек на 10.000\$, фотографию Саддама и флаг Ирака.

Интенсивная кампания помощи, проводимая Ираком – чрезвычайно эффективная на Восточном Берегу и в Секторе Газа, по словам многих семей, помогла укрепить и так большую популярность Саддама среди палестинцев. Во время почти ежедневных протестов на палестинских территориях, участники маршей всякий раз несут плакаты с изображением иракского президента и выкрикивают: «О Саддам, о любимый, ударь, ударь по Тель-Авиву!»».

Спустя несколько дней, 9 февраля американское агентство UPI утверждало, что сумма помощи Ирака палестинцам достигает почти 1 миллиарда долларов. Это походило на пропагандистскую утку – Ирак сам страдал от недостатка средств (по данным международных аналитиков за годы блокады от отсутствия лекарств и питания в стране умерло около 300 тысяч детей). Однако помощь иного характера вполне могла оказываться – как вооружением, так и подготовкой бойцов ООП в учебных центрах иракской армии. Американский корреспондент в частности сообщал: «В дополнение к огромной финансовой – и возможно военной – поддержке, которую он уже непосредственно оказал палестинцам, Саддам с впечатляющим успехом работает над образованием объединенного фронта трех самых крупных

ближневосточных военных держав к востоку от Израиля: Ирак, Сирия и Иран.

Он уже убедил неопытного молодого президента Сирии Башара Асада присоединиться к нему в планировании военных действий в любой войне против Израиля. В настоящий момент Саддам размещает две из своих наиболее вооруженных дивизий на сирийской границе, не для того, чтобы угрожать Башару, а для того, чтобы оказать ему помощь в случае войны. А Башар прилагает усилия к тому, чтобы наладить военное сотрудничество между Саддамом и его давним врагом на востоке, ближайшим союзником Сирии, Ираном.

Саддам открыто объявил о своей финансовой помощи палестинцам и призвал другие арабские нации присоединиться к Ираку в его святой войне против Израиля».

Приведенные цитаты отражают степень тогдашней растерянности Запада и его пропагандистской машины. Ведь мнение того, кого специалисты по промыванию мозгов мечтали превратить в изгоя, вновь учитывалось при выработке совместной стратегии государств, ставших объектом империалистического нажима.

Саддам Хусейн сумел провести государственный корабль Ирака через бушующее море войн, сквозь грозные рифы тяжелой экономической блокады и культурной изоляции. Освободившись от давления гегемонистских сил современного мира, Ирак наверняка быстро ликвидировал бы отставание и вновь оказался в числе лидеров ближневосточного региона. Но такой исход многолетнего противостояния не мог устроить США и Израиль.

ПОДВИГ, КОТОРЫЙ НЕ НУЖЕН?

Все изменило 11 сентября 2001 года. С этой даты сегодня ведут отсчет новой эры, хотя ни названия, ни основных черт ее еще не определили. Воспользовавшись террористической атакой, которая весьма напоминала поджог рейхстага в 1933 году, американская империя начала крестовый поход против всех, кто еще дерзал ослушаться команд из Вашингтона. Группировка так называемых неоконсерваторов³³ словно бы ждала сигнала, чтобы спустить с цепи свору «ревнителей свободы», большую часть которой

³³ Любопытное обобщение сделано недавно британской газетой «Файненшл таймс», которую не заподозишь в антипатии к израильскому лобби в США: «Сама концепция 'нового броска' была разработана и разрекламирована Американским Институтом Предпринимательства, вашингтонским аналитическим центром, где уже долгое время обкатываются 'центровые' неоконсервативные идеи. Иначе говоря, неоконсерваторы вместе с Бушем еще раз решили сыграть с Ираком в орлянку.

Однако специалисты по составлению некрологов уже готовят 'рыбу' для последнего 'прости' неоконсерватизму. Членов этого лагеря уже обвиняют и в империализме, и в ленинизме, и в троцкизме (имеется в виду нью-йоркская школа), и в милитаризме. Многим кажется, что главная проблема в том, что слишком многие из них – евреи, и, судя по моей корреспонденции, эта тема приобретает тревожную популярность. Однако реальная проблема неоконсерваторов не в том, что среди них много евреев. Она в том, что среди них слишком много журналистов...

составили правители карликовых «держав» вроде Латвии, Гватемалы и Грузии, готовые прислуживать мировому жандарму даже за мелкие подачки.

Разумеется, одной из первых жертв стал саддамовский Ирак, давно бывший бельмом на глазу у обитателей Белого дома. При этом не будет преувеличением предположить, что страна эта интересовала американских стратегов не сама по себе, а как наиболее удобный плацдарм для нападения на Иран. США уже давно проводят политику окружения

В мире неоконсерваторов между журналистами, аналитиками и политической элитой поддерживаются теснейшие связи, и из одной сферы в другую идет постоянный переток кадров. Например бывший журналист David Frum в свое время работал в Белом доме в качестве спичрайтера – именно при его участии родилась одна из самых упрощенческих концепций бушевской эры - 'ось зла'. А сейчас он работает в том самом АИП».

Гидеон Рахман. Кто вел неоконсерваторов к катастрофе ("The Financial Times", 16 января 2007).

Это высказывание трудно понять без пояснений. Автор обвиняет неоконсерваторов в использовании преувеличений, излюбленном журналистском приеме. Но дело, конечно, не в журнализме, и не в консерватизме, хотя бы и «нео», а в том, что обозначенная группировка с легкостью меняет идеологические одежды ради достижения господства. В Советской России мастером таких переодеваний был то террорист, то чекист Фрумкин, в Америке наших дней – вышепомянутый Фрум. Звучит как анекдот...

Исламской республики военными базами. Но без овладения сопредельной территорией, с которой легче всего нанести массированный удар по Ирану, неосуществима давняя мечта о сокрушении этого единственного реального соперника Америки и Израиля на Ближнем Востоке. Как бы то ни было, эта большая игра стоила головы Саддаму.

Излагать историю агрессии, начатой 20 марта 2003 года под заведомо ложным предлогом поиска оружия массового уничтожения (ОМУ) вряд ли стоит в подробностях. То, что Багдад падет в первые же недели интервенции, было ясно всякому, кто знал состояние иракского общества. Морально-политического единства БААС и народа здесь не было даже на первоначальном этапе строительства «арабского социализма». Если в первые годы блокады иракцы еще демонстрировали жизненную силу и оптимизм, вообще присущий молодым нациям, то к концу саддамовской эры в людях накопилось так много усталости и безразличия, что любой внешний толчок мог привести к складыванию карточного домика государственности.

Больше двадцати лет непрерывных войн, бомбардировок, лишений. Постепенное выхолащивание всех лозунгов официальной пропаганды. Утрата внятных целей и перспектив существования страны. Замыкание людей на мелочных обывательских заботах. Такова была динамика затухания всех функций общественного организма. Только личность Саддама оставалась фактором стабильности.

Это понимали и в стане врагов Саддама. В начале октября 2002 г. пресс-секретарь американского президента Ари Флейшер публично заявил, что проблему Саддама может

решить всего одна пуля. И это в тот период, когда США больше, чем когда-либо тщились доказать, что ведут борьбу с терроризмом! Можно представить, что было бы, если кто-нибудь из высокопоставленных лиц в Тегеране сказал что-то подобное о Буше – выжгли бы полстраны да еще сто лет поминали бы эту фразу как пример идейного спонсорства террористов.

Решить проблему Саддама одной пулей не удалось. Для сокрушения диктатора понадобилось двести тысяч солдат и неизвестное количество долларов. Этот вид «секретного оружия» применялся англосаксами неоднократно. В том же Ираке в годы Первой мировой войны британский экспедиционный корпус был осажден турками в крепости Кут эль-Амара. Не сумев прорвать окружение, командование «армии Ее Величества» попыталось подкупить турецкого генерала. Предложение было с презрением отвергнуто и стало достоянием прессы стран Тройственного союза, которая долго потешалась над «рыцарями» туманного Альбиона. В 2001 году залп «зеленых» накрыл некоторых вождей афганских племен; в результате Кабул достался американцам без боя.

Похоже, в Ираке, купюры с изображением отцов американской демократии также сломили стойкость саддамовских генералов. Когда весь мир ожидал ожесточенных уличных боев в столице, Багдад неожиданно сдался на милость интервентов.

Саддам не смог обеспечить единство и непоколебимость элиты. Даже обладая диктаторскими полномочиями, он оставался пленником традиций. Восточный обычай

задабривать верхушку племен и государственного аппарата регулярными подачками так и не вышел из употребления в годы пребывания БААС у власти. Верность, которая покупается, может быть перекуплена...

В последние годы Саддам Хусейн словно бы утерял интерес к государственным делам, зато по целым дням корпел над своими романами и стихами. Он потерял направление и одиноко брел, словно раненый зверь, кружащий по пустыне. Ветер быстро замечает следы, только сгустки крови, превратившиеся в бурые катышки, еще долго перекатываются по песку. Не то ли будет с делами Саддама? Затянет следы песок времени, забудутся кровавые жертвы, принесенные на алтарь его мечты о великом арабском отечестве. Потому что пошел уже новый счет жертв, потому что свежая кровь полилась – во имя иной мечты, о Новом Мировом Порядке.

Через неделю после начала американо-британской агрессии против Ирака я встретился в Москве с тогдашним премьер-министром Ливана Рафиком Харири. В тот момент неясно было, как долго продержится режим Хусейна; и в арабских странах, и на Западе опасались долгой затяжной борьбы и неизбежного кровопролития. У части противников интервентов существовали преувеличенные представления о стойкости иракского воинства, высказывались даже смелые предсказания о том, что Багдад станет арабским Сталинградом. Имея в виду этот непростой политико-психологический контекст, я высказал Харири умеренно-оптимистичную оценку последствий войны – просто из соображений политеса, подобно тому, как у одра больного говорят лишь о выздоровлении. Но ливанский лидер не

склонен был приукрашивать положение дел. Напротив, он смотрел в будущее с большим пессимизмом. «Наступает тяжелое время для Ближнего Востока, – сказал Харири. – Последствия даже трудно представить себе». На лицо его, минуту назад добродушно-приветливое, легла тень. Мне стало не по себе, словно я сказал что-то бестактное.

Прошло меньше двух лет, и страшной силы заряд, заложенный по пути следования автомобиля Харири, оборвал жизнь выдающегося ливанца. В покушении Запад и Израиль обвинили Сирию, началось беспрецедентное давление на нее, чтобы заставить вывести войска из Ливана, а когда это произошло, страна оказалась беззащитной перед израильскими ВВС, осыпавшими города и села американскими кассетными бомбами, лишившими крова десятки тысяч людей, уничтожившими инфраструктуру, едва восстановленную после предыдущего нашествия. Сама последовательность событий подсказывает: заказчиков убийства Харири нужно искать не только в Дамаске, однако следователи ООН почему-то даже не пытаются допросить руководителей спецслужб Тель-Авива.

Менее удачно подгадали «террористы» с организацией серии мощных взрывов во время 10 мухаррама (2 марта) в 2004 году, когда в священных городах шиитов на юге Ирака собрались десятки тысяч паломников, чтобы отметить дни *ашура*³⁴. Несколько сотен погибших должны были, по видимому, вызвать взрыв насилия, направленного против суннитов. Но вместо этого началось беспрецедентное по

³⁴ Траур в память убитых в эти дни потомков пророка Мухаммеда.

упорству противостояние шиитской «армии Махди» и войск интервентов. В течение нескольких месяцев Неджеф был зоной свободной от оккупантов, пока в августе американцам не удалось войти в город, превращенный в руины. При этом бомбардировкам подверглись даже священная для шиитов мечеть имама Али и древнее кладбище.

Взрывы в шиитских кварталах иракских городов приобрели после этого особую интенсивность. Создавалось впечатление, что кто-то очень упорствует в своем желании натравить друг на друга представителей двух основных мусульманских конфессий в самом Ираке, и, как следствие, вызвать напряженность между шиитским Ираном и странами, населенными по преимуществу суннитами. Пока это не удается – и в арабских странах, и в Иране понимают истинную цель провокаторов. Во время недавнего визита в Тегеран сирийский президент Башар Асад заявил: «Создание конфликта между шиитами и суннитами в Ираке и Ливане – последняя карта, на которую могут ставить Америка и ее союзники... Они пытаются скрыть собственный провал с помощью лживой пропаганды»³⁵. А король Саудовской Аравии Абдулла вскоре после этого принимал в Эр-Рияде президента Ирана Ахмадинежада, при этом демонстративно шествовал с ним по красному ковру от трапа самолета, держа его руку в своей – жест сердечности и доверия у арабов.

Саддама судили за репрессии против шиитов, последовавших за покушением на него в одном из селений на юге. Но никогда в его правление шиитское население не знало

³⁵ Телеканал Аль Джазира, 18.02.07.

таких потерь, какие оно понесло в годы оккупации³⁶. НеОднако можно быть уверенным – нежной дрябл^ю шеи богобоязненного Буша не коснутся грубые волокна пеньковой веревки. Ведь все его действия были продиктованы добрыми побуждениями, а если кто-то пытается увидеть какую-то корысть в его действиях, то это из комплекса неполноценности перед Великой Заокеанской Демократией.

Известный идеолог антиглобалистов Ноам Чомски недавно высказался на эту тему: «...существуют серьезные основания для того, чтобы США и Великобритания всеми возможными способами пытались сохранить эффективный контроль над Ираком. Американцы строят самое большое в мире посольство-дворец, являющееся практически отдельным городом в городе, и вливают деньги в военные базы не для того, чтобы оставить Ирак иракцам. Все это далеко от тех ожиданий, в соответствии с которыми американские корпорации должны были получать большие прибыли от освоения иракских богатств...

³⁶ Только за неделю с 29 января по 4 февраля 2007 года в Ираке погибло около тысячи человек. А общий счет потерь гражданского населения давно перевалил за полмиллиона. Впрочем, ведущие западные газеты ставят эту цифру под сомнение и приводят данные самих оккупационных властей: «всего» несколько десятков тысяч.

Эта дьявольская бухгалтерия вовсе не смущает хозяев СМИ – тех же самых, которые поднимают истошный вой при всякой попытке поставить вопрос об истинном числе жертв Холокоста. Более убийственного (во всех смыслах) примера двойной морали и не подыскать.

Есть и другой вопрос: даже самые преданные сторонники "продвижения демократии" признают, что в усилиях США по продвижению демократии на протяжении всего времени их осуществления наблюдается "уверенная последовательность": демократия поддерживается только в том случае, если это отвечает стратегическим и экономическим целям. Например, поддержка жестокого наказания людей, которые совершили преступление, проголосовав "неправильно" в ходе свободных выборов, как это происходит в Палестине в настоящее время, по предложениям, которые вызовут насмешку в свободном обществе. Что касается демократии в США, то элита обычно считала ее опасной угрозой, которой необходимо противостоять. Однако некоторые иракцы согласны с миссией Буша по распространению демократии в мире: когда Вашингтон объявил об этой благородной цели, один процент опрошенных жителей Багдада с ней согласился»³⁷.

Трудно спорить с этой позицией. Бесчисленны примеры утверждения двойной морали Запада. Одно только сопоставление судьбы Саддама с судьбой Пиночета показывает все лицемерие «свободного мира». Генералу, убившему законно избранного президента, устраивавшему концлагеря в центре чилийских городов и отправившему на тот свет тысячи политических противников, были открыты двери в лучших домах Старого и Нового света, его заботливо лечили и дали достойно умереть на руках безутешных близких. А Саддама за подобные прегрешения (минус

³⁷ "The Independent", 12th of Feb. 2007.

убийство легитимного главы государства!) потащили на виселицу.

При этом никого не смущают заявления, что арабский мир – это более отсталое общество по сравнению с Западом; оттого-де надо подтягивать его до уровня передовых стран. Если так, то Саддам принадлежал к обществу, жившему по понятиям и законам вчерашнего дня. Тогда почему живущего во вчера судили по законам сегодня? Почему не применили к нему снисхождения, как к Черчиллю или Трумэну, отдавшим приказы об уничтожении сотен тысяч мирных жителей в Дрездене, Хиросиме и Нагасаки? Почему западные СМИ не требуют посадить на скамью подсудимых Эхуда Ольмерта за организацию преднамеренного убийства 1200 мирных жителей Ливана в ответ на задержание трех израильских солдат движением «Хезболла»?

Памятники Саддаму снесли. Но памятник военному преступнику лорду Китченеру целехонек – всякий проходящий мимо британского парламента может любоваться на него. А ведь этот персонаж одержал «великую победу» в Судане: там колонизаторы положили из пулеметов десятки тысяч арабов, пытавшихся отстоять свою свободу с пиками и дедовскими ружьями. Да много, много монументов подобным мерзавцам натыкано по всей Европе и Америке.

Знаток жизни арабских племен английский писатель Вилфрид Тэсиджер почти полвека назад писал: «Отдаленным последствием того, что американская культура заползает в любую щель и в любую дыру в каждой пустыне и каждой горной долине будет конец мира. Наша потрясающая жадность к обладанию материальным, то, как мы действуем,

питая эту жадность, отсутствие равновесия в нашей жизни и наше высокомерное отношение к чужой культуре убьет нас в течение столетия, если только мы не научимся останавливаться и задумываться. Это может случиться слишком поздно».

В те времена, когда были написаны эти слова, большая часть человечества с восторгом следила, как прогресс культуры названного сорта распространяется по планете, а люди вроде Тэсиджера считались старорежимными чудаками. Сегодня под его строками могли бы подписаться не только интеллектуалы всех стран, но и миллионы простых людей, по чьим судьбам прошелся каток глобализации. За какие-то несколько десятилетий в мире созрели новые силы, которые очень скоро определяют лицо планеты. Их рождению и возмужанию в большой степени способствовала долгая эпопея Саддама, который вел безнадежную борьбу с Молохом. Наделал при этом множество ошибок, совершил немало преступлений, неоднократно позволял использовать себя как пешку в грязной игре великих держав. Но никто не сможет сказать, что он был одним из бесчисленных обывателей от политики, свившим пожизненное гнездышко и наслаждавшимся теми возможностями, которые дает власть. Таких не трогают, таких, напротив, пестуют те, кто покамест задает правила этой игры.

Сегодня Ирак кажется униженным, а население его испытывает лишения, в то время как претенденты на роль надсмотрщиков мира купаются в деньгах и наслаждаются своей мощью. Но такое положение не будет длиться долго. И здесь тоже возрастут новые силы, которых не знала история.

Древняя Месопотамия пережила за восемь тысячелетий беспримерное число завоевателей, сами имена которых канули в лету. Те, кто предавался тщеславному самовосхвалению, кичился богатством и силой, известны сегодня лишь дотошным историкам, а имя страны двух великих рек – арабского Ирака – пережило века. Правители новоявленных империй, возникших на памяти нынешних поколений, не могут похвастаться богатым прошлым. Тем более не могут они козырять своим великим будущим, ибо зависит оно не от них.

Тем, кто самонадеянно верит, что может стать исключением, стоит почаще перечитывать старых историков, например Полибия (История XXIX,21): «Я спрашиваю вас, считаете ли вы, что пятьдесят лет назад персы и правитель персов или македоняне и их царь, если бы даже какой-либо бог предсказал им будущее, могли бы они представить себе, что в наши дни исчезнет вовсе самое имя персов – тех, кто был хозяевами почти всего мира, и что македоняне, чье имя прежде было почти неизвестным, станут сейчас владыками над всеми».

Что касается Саддама Хусейна, то место в летописях XX века ему обеспечено – как ни парадоксально, гораздо более значительное, чем лишившим его власти Бушу и Блэру. Вторгаясь в Ирак, эти статисты истории явно рассчитывали на другой результат. Воистину: «Обещают им свободу, будучи сами рабы тления»³⁸.

³⁸ Второе послание апостола Петра 2, 19.

Конечно, в разных частях света этого человека будут воспринимать по-разному. Не будет однозначным и отношение к нему в исламском мире. Но можно быть уверенным: он станет иконой тех, кто будет искать альтернативу глобальной цивилизации. Сам он наверняка надеялся на такой финал «истории Саддама».

Баасистский проект возвращения единого арабского отечества в сообщество передовых наций потерпел неудачу. Но он постепенно реализуется теми странами, которые совсем недавно по всем показателям сильно отставали от Ирака и Сирии. Аравийские монархии, входящие в Совет сотрудничества Залива (GCC), а также Иордания, тяготеющая к тесной кооперации с ними, достигли таких успехов в развитии экономики и культуры, которые делают невозможной привычную классификацию этого региона как части Третьего мира. Кто рискнет говорить сегодня о слаборазвитости при виде гигантских промышленных комплексов и процветающего земледелия Саудовской Аравии, ультрасовременных финансово-биржевых конгломератов ОАЭ и Бахрейна, оборудованных по последнему слову техники университетов Омана, Кувейта и Иордании? В этом краю, превосходящем по размерам Западную Европу, создана совершенная инфраструктура, реализованы социальные программы, недоступные пока в большинстве стран мира. Здесь происходит реальная интеграция, ведущая к созданию общего рыночного пространства с единой валютой, единообразным законодательством, согласованной оборонной политикой. Народы, сохранившие исторические формы государственности, оказались в выигрыше по

сравнению с теми, кто поддался эпидемии «революционного невроза». История Ирака, Египта, Йемена и некоторых других арабских стран доказывает, что захват власти заговорщиками и поспешное формирование новых элит всякий раз приводило к нестабильности и регрессу. При этом дело не в запасах энергоносителей – у Ирака и у истерзанного внутренней смутой Алжира их не меньше, чем у «великолепной шестерки» аравийских монархий.

Еще и полувека не прошло с тех пор, когда в представлении самодовольного Запада пески и горы Аравии символизировали вековечный сон и неизбывную отсталость. То, что произошло на этой земле, похоже на воплотившуюся сказку. А ведь в масштабе истории арабов это только рассвет нового дня великого народа.

Аравия – это главная крепость ислама. И ее небывалый подъем в последние десятилетия доставляет постоянную головную боль архитекторам Нового Мирового Порядка, хотя они и прикидываются друзьями королей и шейхов-эмиров. Трудно объяснить простым совпадением то, что выпестованная американскими спецслужбами «Аль-Каеда» ставит главной своей целью низвержение правящих элит аравийских монархий. Вовсе не американский шайтан является мишенью людей Бин Ладена (в США он почему-то ограничился одним-единственным нападением) – десятки и сотни нападений атак боевиков пережила в последние годы именно Саудовская Аравия, материнская земля ислама. Легко представить, что могло бы произойти с арабским миром, если бы рухнул политический режим, обеспечивающий сохранение

базовых ценностей исламской религии и культуры. Выиграл бы от воцарившегося хаоса только Израиль.

Не получается. Поэтому последней ставкой изобличенного шулера становится провоцирование распада Ирака. Если страна расколется по конфессиональному и национальному признаку, начнутся этнические чистки, миллионы беженцев хлынут в соседние страны. У англосаксов богатый опыт такого рода – раскол Индии и образование двух враждующих государств, навеки скованных взаимной враждой, поддержка этноконфессионального сепаратизма в Югославии, обернувшаяся бесчисленными жертвами, разжигание конфликтов на территории бывшего СССР. А израильские спецслужбы подрывную работу внутри арабских экстремистских движений уже давно сделали своей главной задачей; немудрено, что громкие теракты и покушения происходят всегда очень вовремя – именно тогда, когда это выгодно Тель-Авиву.

Человек, правивший Ираком без малого четверть столетия, не мог не видеть вопиющего контраста между положением его собственного народа и поразительными достижениями соседних стран. Но всегда настаивал на том, что именно Ирак стал щитом этого процветания. Кто знает, верил ли он в то, что говорил во всеуслышание? Задумываясь о результатах совершенного им, Саддам Хусейн, по всей видимости, не раз погружался в отчаяние. Завершая свой роман «Забиба и царь», он писал, словно прося снисхождения: «Воистину, смерть справедлива. Мы обязаны проводить того, кто был царем нашего государства, в его последний путь, во-первых воздавая ему должное, а во-

вторых следуя традиции, угодной Аллаху». Три года, проведенные им в американской тюрьме, были для него борьбой за собственное достоинство. Борьбой, до которой не было дела остальному миру. Но его последний поединок с судьбой, запечатленный видеокамерой мобильного телефона, пробудил у миллионов людей понимание того, что достоинство – единственное, что необходимо сохранить перед лицом вечности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

День, когда возшла звезда Саддама

Летом 1995 года во время пребывания в Ираке, мне удалось встретиться с одним из участников покушения на генерала Касема 7 октября 1959 г., г-ном Самиром Азизом Аль Наджимом. В то время он занимал важный пост заместителя главы администрации президента. Во время встречи 7 июня 1995 в кофейне Багдадского отеля “Рашид” он заявил, что это первое интервью, данное им иностранному журналисту. Таким образом, предлагаемая читателю беседа носит эксклюзивный характер.

Когда происходили эти события, вы, наверное, были совсем молодыми людьми, сколько лет вам было тогда?

- Мне было тогда 20 лет. Нашему президенту тоже было около 20-ти. Всем остальным участникам было от 20 до 23-х. Одному из них было даже 19 лет.

Кто командовал этой операцией?

- Вы, наверное, читали об этом покушении.

Кое-что читал, но хотелось бы больше услышать от участника этих событий. Давайте предположим, что я ничего об этом не знаю.

- Операция была проведена в то время, когда Абдель-Карим Касем стал диктатором. Главной силой, которая подвергалась давлению со стороны Касема, была, прежде всего, партия БААС.

Кто конкретно принял решение о покушении?

- Региональное командование партии решило организовать покушение на Касема. Это было только начало изменения режима в Ираке.

Каким образом подбирали участников этой акции?

- Руководствуясь знанием жизни некоторых товарищей, их готовности к самопожертвованию. Среди них был Саддам Хусейн. И они заявили, что они готовы к этому.

Вы когда-нибудь уже участвовали в подобных акциях?

- Нет, этого раньше никогда не было. Мы только участвовали в демонстрациях против Касема или против того режима, который был до него.

То есть, вы были не профессионалы?

- Да. Поэтому нам пришлось долго готовиться. Нам приходилось выезжать за город, чтобы там тренироваться.

Служили ли участники покушения в армии?

- Сам я служил, а другие - не знаю. Меня исключили из школы по политическим причинам и поэтому меня забрали в армию.

Но у большинства не было военной подготовки?

- Не было.

Какое у вас было оружие?

- Было разное оружие... Автоматы...

В музее БААС я видел египетский автомат "Порт-Саид". Там написано, что им пользовались участники покушения.

- Не помню, чтобы у нас были такие автоматы. Это не очень хорошее оружие.

Сколько времени заняла подготовка?

- Чтобы подготовить план, найти оружие и на все остальное ушло только три месяца.

Когда покушение вступило в стадию подготовки, вы были на нелегальном положении?

- Нет, мы жили нормально, все в своих домах, в то время мы были студентами университета, только погибший Абдель-Вахаб аль-Гарири окончил институт.

Вы все время ходили на занятия?

- Мы все находились у себя дома, оттуда нас направили в конспиративную квартиру, где мы должны были ждать знака, что Абдель-Карим Касем вышел из своей резиденции. Наши споры в это время были по поводу того, успешно ли пройдет эта операция. Нас волновало, что люди скажут, будто БААСисты, молодые люди сделали дело не профессионально. Руководство партии считало, что это не просто покушение, но это первый этап изменения власти, это сигнал к революции.

Это было не первое в истории Ирака покушение на главу государства?

- Во времена монархии тоже было покушение, но не на короля, а на регента Абдул-Иллаха. Было покушение и на

Нури Саида (*премьер-министр Ирака, ставленник англичан - С.П.*)

Вы изучали опыт предыдущих покушений?

- Мы искали детали, которые могут привести к неукспеху, чтобы не было ошибок.

А опыт других операций такого рода, в России, например? Ведь у нас много было таких акций.

-Нет.

Занимались изучением обычного маршрута Касема вы же или другие люди?

- Нам помогало руководство партии.

Вашей непосредственной задачей было только осуществление покушения?

- Да, только исполнение.

Я читал, что это покушение откладывалось.

- Да, один раз мы его отложили, потому что мы получили сведения, что Касем будет в определенном месте, но мы туда не успели, потому что подвел транспорт. У Касема было намерение посетить в Багдаде церковь Мар Юсуф по случаю праздника. Все знали, что он поедет в эту церковь. Мы могли осуществить наше покушение именно там, но мы отказались от такого плана. Мы боялись, что могут быть убиты посторонние лица, потому что там бывало много народу.

Но когда покушение состоялось, ведь там тоже было много народу?

- Нет, рядом никого не было.

В то время у Касема была большая охрана?

- С ним был только один охранник и одна машина.

Какой автомобиль у него был?

- Шевроле, небронированный, окраска армейская.

Если бы он был бронированный, то покушение не удалось бы?

- Мы уже знали заранее об этом.

Значит, кто-то из окружения Касема работал на партию? То есть в тот момент Касем был уже “под колпаком”, под наблюдением?

- Возможно.

Когда Вы познакомились с Саддамом Хусейном?

- Во время подготовки к операции, когда нам давали указания, когда и что делать.

Как прошла ваша первая встреча?

- В тот день я познакомился с разными товарищами по партии. Он мало говорил, казалось, что этот человек не любит привлекать к себе внимание. В то время он вообще был неразговорчивым. Он говорил только тогда, когда надо было говорить. Он больше слушал, чем говорил. Это была черта выходца из села.

Как он держался тогда, раскованно или замкнуто?

- Нет, он не был замкнутым. Он умел слушать, но и умел высказывать свое мнение.

А как предпочитал одеваться Саддам Хусейн когда вы познакомились – в дишдашу (арабское мужское плптье – С.П.) или в европейскую одежду?

- Только тогда, когда мы были у себя дома в деревне, мы надевали дишдашу, а в городе - всегда костюм.

Как вы были одеты во время покушения?

- На нас были брюки, рубашки и пиджаки, для того, чтобы не видно было нашего оружия.

Какими были ощущения перед покушением и после?

- Наши чувства? Освободить наш народ от диктатора.

А сам Касем отстреливался во время покушения?

- Нет. Он был ранен.

Какой характер ранения был у Касема?

- Мы не видели этого. Мы видели только, как он упал и решили, что он убит.

А того вашего товарища, кто был убит, вы не пытались унести?

- Нет.

Ведь вас арестовали уже потом, когда опознали этого человека?

- Унести его было невозможно, нас осталось четверо, двое из нас были ранены.

Когда вы вышли из дома, вы естественно, волновались, но какие чувства вас охватили, когда вы увидели, что дело сделано, машина вся изрешечена, и вы решили, что Касем убит.

- Мы так думали. Я был очень сильно ранен. И в конце почти уже ничего не видел, был не в состоянии оценить результат. Один из наших товарищей (он умер недавно), должен был уточнить, убит ли Абдель-Карим Касем. Он сказал, что Касем убит.

Естественно, Вам уже было не до радости?

- Я был очень сильно ранен, но конечно хотел видеть результат события.

И когда Вы пришли на эту квартиру, у Вас, наверное, была большая потеря крови?

- Да, я был очень плох, но один вопрос я все время задавал: убит Касем или нет. Я думал, что я умру, потому что я был сильно ранен, и для меня важно было знать, выполнили мы свою миссию или нет.

А Саддам тоже был ранен?

- Да. Но, все равно, он прикрывал наш отход, последним, кто вышел, был он.

Вы могли умереть?

- Да. Саддам Хусейн вытащил сам из своей ноги пулю и сам обрабатывал рану йодом. Всем посоветовал разойтись по домам, потому что эта квартира уже, наверное, была раскрыта. Он ушел к себе домой.

А Вас кто-нибудь лечил?

- Мне делали уколы, а тот врач, который должен был лечить, извинился и отказался.

Вы один оставались там?

- Нас оставалось трое, потом еще один пришел, тот, который был в подполье.

Но Вы уже знали, что Касем не убит, когда пришли вас арестовывать?

- Да, потому что по радио было сообщение о том, что он жив. Мы оставались дома 8 дней.

У вас было большое разочарование, когда вы услышали об этом?

- Да, очень.

Вы себя ругали?

- Да, конечно.

Вы считали, что плохо подготовились, начали друг друга упрекать?

- Мы делали все, что от нас требовалось, но среди нас не было профессионалов. Друг друга мы не упрекали. Все, кто участвовал в деле, готовы были умереть, исполнить все, что от нас требовалось.

И после этого Вас бросили в тюрьму?

- Да, через несколько дней.

Расскажите, как Вас арестовали.

- Мы тогда уже привыкли к той мысли, что полиция придет к нам. Меня арестовывали в 1956 году. И тогда страха не было. Мы даже не знали, арестовали нас за покушение или по другой причине, мы привыкли к тому, что нас просто арестовывали.

Вам сразу предъявили обвинение?

- Нет, не сразу.

К каким наказаниям приговорил вас суд после покушения на Касема?

- Всем – казнь. Саддам Хусейн был приговорен заочно. После вмешательства народных масс наказание уменьшили. Приговорили к пожизненному заключению.

Когда вы сидели в тюрьме, вы были уверены, что скоро выйдете?

- Нет. Первый период был очень жестокий. Потом мы стали жить, как обыкновенные политические заключенные.

Когда в следующий раз после покушения вы встретились с Саддамом Хусейном?

- После событий 1963 года. После его возвращения из Египта. Я в то время вышел из тюрьмы и мы встретились.

А когда вы вышли из тюрьмы в 1963 году, вы тогда принимали участие в партийном руководстве?

- Мы вернулись в партию, как рядовые члены и продолжали учиться. Когда Саддам Хусейн вернулся из Египта, он начал работать руководителем сельскохозяйственного отдела. Он тоже начал учиться.

Что вы делали после переворота Арефа в ноябре 1963 года?

- До 1968 года продолжал работу в партии. Работал в некоторых частных компаниях.

Вы виделись в это время с Саддамом Хусейном?

- Он был моим непосредственным руководителем в партии. Я был членом партийного руководства Багдада.

Какие должности вы занимали после революции 1968 года?

- Я занимался профессиональной работой в партии. Работал послом в некоторых государствах, а теперь я заместитель начальника администрации президента. В партии – я член руководства по военным делам.

Вы часто видите с президентом?

- Да, я встречаюсь с ним по работе. Кроме официальных встреч нас связывают дружеские отношения.

Вы вспоминаете свое участие в покушении?

- Да, когда мы сидим так просто, не во время работы. Мой шеф, у которого я заместитель – он тоже один из участников покушения. Иногда бывают такие встречи.

Скоро уже будет 40 лет с момента покушения, вы собираетесь отметить этот юбилей?

- Мы каждый год вспоминаем его.

Могли бы Вы предоставить мне фотографию всех участников покушения?

- Нет, у нас нет такой фотографии, мы никогда не снимались вместе.

Мухабарат, или береженого Береженого Аллах бережет

Один из самых фешенебельных районов Багдада - Аль-Джадерия – застроен двух-трехэтажными виллами. Осененные пальмами особняки кажутся необитаемыми. Да и улицы словно вымерли – изредка прошуршат шины лимузина, и опять воцаряется благородная тишина. Хорошо, наверное, думается в этой умиротворяющей атмосфере, все располагает к писанию мемуаров. А то, что известно обитателям многих здешних домов, без всякого сомнения, могло бы стать материалом для сенсационных воспоминаний. Вся мировая пресса была бы к услугам таких мемуаристов. Но если кто-то и пишет об увиденном и пережитом, то знает об этом только он сам. Не пришло еще время для откровенности – пожалуй, даже преданному слуге, тихими стопами входящему с кофейником на подносе, незачем знать, о чем повествуют строки изящной арабской вязи, бегущие из под золотого пера справа налево...

С такими мыслями утром 10 июня 1995 года я подъезжал к вилле Саадун Шакера, загадочного человека, о котором так много писали, и который так редко разверзал уста для бесед с пишущей братией.

Один из ближайших друзей Саддама Хусейна – их связали полтора года, проведенные в камере военной тюрьмы, когда оба они, видные деятели Партии Арабского

Социалистического Возрождения (БААС) ожидали суда по обвинению в антигосударственной деятельности. Создатель Мухабарата (что по-арабски означает “безопасность”) – службы, схожей по задачам с советским КГБ и отчасти с американским ФБР. Руководитель Министерства внутренних дел с момента прихода Саадама к власти (1979) до июля 1990, когда решался вопрос о вторжении в Кувейт. Естественно, член Совета Революционного Командования до самого момента своего ухода в отставку с ключевого поста в государстве. (Для справки: СРК - это аналог всемогущего Политбюро, правившего нашей страной долгие десятилетия).

Меня, моего переводчика, а также сопровождающего нас чиновника Министерства культуры и информации встречают несколько улыбочивых предупредительных мужчин. Входим в прохладные покои – какой контраст с тридцатиградусной жарой багдадского утра! – навстречу нам идет высокий, довольно полный господин в темно-синей рубашке навыпуск. Из-за стекол очков на меня смотрят внимательные спокойные глаза. Я отмечаю про себя, что он чем-то похож на Андропова. Во всяком случае, таким я представляю себе шефа советской госбезопасности по хроникальным кадрам...

Смуглое лицо с седой щеточкой усов, легкая печать грусти. Уверенные манеры хорошо воспитанного человека. Указав на кожаный диван с резными ручками, Саадун Шакер занимает место в кресле рядом. Когда я начинаю доставать диктофон, он останавливает меня: сначала кофе. Слуга уже тут как тут, аромат мокко распространяется по всему кабинету.

Отхлебывая из чашки, я оглядываю массивные книжные полки из натурального дерева. Они тянутся по периметру

кабинета. Издания не только на арабском, много книг на английском. Несколько портретов маслом – на одном из них молодой Шакер изображен с соколом на предплечье. Выше полки развешаны охотничьи трофеи, в том числе – массивные рога косули на резном медальоне явно немецкого происхождения. Хозяин подтверждает: это в память об охоте в ГДР.

Множество фотографий президента (часть из них с его автографами), украшающих книжные полки и письменный стол, говорят о том что Шакер по крайней мере не безразличен к этому человеку или... Впрочем, есть ли резон предаваться домыслам, когда рядом сидит тот, кто согласился ответить на твои вопросы.

Покончив с кофе, переходим к письменному столу. Хозяин садится в привычное кресло, я и переводчик занимаем места напротив. Саадун Шакер начинает свой рассказ:

- Я баасист с 1955 года и надеюсь продолжать борьбу в рядах нашей партии за ее идеалы. У меня было много разных постов в БААС, но три поручения отмечу особо: я был ответственным за устройство подпольной штаб-квартиры партии, я был ответственным за обеспечение безопасности в помещениях и явочных квартирах партии до революции, я участвовал в революции 14-го Рамадана. Со времени революции до 1979 года я возглавлял службу безопасности, а когда Саддам Хусейн стал главой государства, я был назначен министром внутренних дел. И оставался на этом посту почти 11 лет, до июля 1990 года. Я ушел с этой должности из-за болезни. У меня был

инфаркт, пришлось сделать операцию. Сейчас я советник президента.

Итак, передо мной сидит иракский Дзержинский. Даже история болезни одна и та же. Только нашему не повезло – в 20-х годах медицина была послабее. А может, просто не так милосердна, как иракская...

- Революция имеет право защищать себя, - говорит Саадун Шакер, хотя я совсем не ставил под сомнение необходимость существования спецслужбы со звучным наименованием "Мухабарат амм". – Когда революция встречает сильную оппозицию или ненависть, она должна обороняться. Истина в революции обязана защищать себя. Когда мы пришли к власти, правительственный аппарат был ослаблен. К тому же, он не был лоялен партии. Мы заморозили деятельность соответствующих служб. Партия взяла на себя ответственность по собственной защите. Вначале это был комитет из нескольких человек. Я был одним из членов комитета. Один был специалистом по делам шпионажа, второй – отвечал за дела иных партий, третий - за оставшиеся от прежнего режима структуры власти. Это была не организация, это было временное образование, пока мы не создали новую службу государственной безопасности, где каждый работал в соответствии со своей конкретной специализацией.

В книгах, вышедших за последние годы, история становления Мухабарата излагается так: революционными властями был создан генеральный департамент разведки. В его состав вошел специальный отдел безопасности БААС, в ведении которого находилась партийная милиция,

возглавляемая Саадун Шакером, членом регионального руководства БААС. Партийная милиция БААС была построена по конспиративному принципу. И состояла из множества изолированных друг от друга ячеек. Руководили милицией представители группы выходцев из Тикрита, (к которой принадлежит и Саддам Хусейн) – Саадун Шакер и младший брат Саддама. И, кроме того, до сих пор часть членов БААС находится на нелегальном положении. Это сделано не только в целях безопасности, на случай внезапной угрозы режима. Я зачитал хозяину особняка соответствующий фрагмент из книги, вышедшей в Баку накануне распада СССР, и попросил прокомментировать его.

Выслушав меня, Шакер устало улыбнулся и медленно заговорил:

- Я скажу вам, как все было на самом деле. Мухабарат был создан до попытки переворота Назима Гзара в 1969 году. Фактически было три органа: Мухабарат, госбезопасность и военная разведка. Все эти органы были подчинены Комитету национальной безопасности - как у вас КГБ. Было отделение специальной охраны, это есть везде в мире. Оно ответственно за безопасность руководства партии, президента, министров.

Я знаю, что сейчас эту охранную службу возглавляет Кусай, сын Саддама. Много воды утекло с тех пор, когда старые революционеры создавали тайные спецслужбы партии, готовясь к возможному контрперевороту и уходу партии в подполье...

Наш разговор возвращается к событиям после революции 17 июля 1968 года. До сих пор о разных попытках

антибаасистского переворота пишется как об акциях, направленных персонально против Саддама Хусейна. Если не считать первого из серии заговоров – уже упоминавшегося заговора Назима Гзара, наиболее серьезным покушением на власть Саддама считается выступление ряда членов руководства партии и страны летом 1979 года, когда на заседании Совета Революционного Командования решался вопрос об отставке прежнего президента Бакра и о выдвижении на этот пост Хусейна. Четверо членов регионального руководства партии, выразившие свое несогласие с процедурой избрания нового главы государства, были обвинены в попытке переворота и казнены.

Самое интересное, что измена была обнаружена несколько позднее. Особая позиция четверки, как оказалось, не была случайностью. А разоблачить предателей удалось только благодаря хорошему знанию психологии руководителями спецслужб, обратившими внимание на некоторые странности в поведении членов регионального руководства БААС. Впрочем, слово Саадуну Шакеру:

- Тогда у руководства партии БААС существовал проект объединения Ирака с Сирией. У нас были хорошие отношения с этой страной, они приезжали к нам, мы – к ним, мы начали работать в единстве, мы доверяли им. Тем временем сирийцы начали готовить переворот внутри нашего руководства. Это стало ясно, когда Бакр подал в отставку со своих постов в государстве и партии, и власть перешла к товарищу Саддаму Хусейну. Сначала мы не знали, что делать. Мы видели, как сирийцы волновались – это было заметно на переговорах после ухода Бакра. Но мы

заметили, что проявления нервозности есть и у некоторых членов нашего руководства, которые находились под влиянием Сирии. Это было самым жестоким испытанием для народа. Мухи эль-Шеммери, Мухаммед Аиш, Мухаммед Махджуб, Ганем Абдель Джелиль, Аднан Хамдани – вот имена этих предателей.

Как только их отстранили от власти, Сирия сразу же разорвала отношения с Ираком. Суд был скорый и беспощадный. Подсудимые полностью признали свою вину и рассказали о деталях сговора с сирийским руководством, целью которого было, в сущности, завладеть Ираком.

Неудивительно после этого, что начавшаяся вскоре война Ирака с Ираном проходила для Багдада как бы на два фронта – Сирия, объявившая себя союзником Ирана, перекрыла важнейший нефтепровод к Средиземному морю, закрыла все транспортные артерии, вынудила Ирак отвлекать для прикрытия на сирийском направлении значительные воинские контингенты. Как могли воспринимать это в Ираке, только за несколько лет перед этими событиями оказавшего крупномасштабную военную помощь Сирии во время войны с Израилем (октябрь 1973 года)?

После этого было еще несколько заговоров, но они исходили не изнутри партии, поэтому Мухабарат не считал их серьезной угрозой режиму. Шакер подтверждает сообщения западной печати о существовании нескольких групп заговорщиков в офицерской среде и среди интеллигенции. Однако говорит о них с пренебрежением:

- Они – изменники, наемники. Большинство из них жили в Европе. Они не оказывали влияния на людей, которые живут здесь, ни политического, ни социального.

Многое в Ираке определяет не только политическая, но и племенная, религиозная принадлежность человека. Поэтому если начинается какая-то заваруха на юге, среди озерных арабов, исповедующих шиитскую версию ислама, все шииты приходят в возбуждение. И это вызывает соответствующую реакцию спецслужб - как никак, шииты составляют 60% иракских арабов, и правящее суннитское меньшинство (40%), к которому принадлежит и Саддам Хусейн, должно учитывать фактор единоверческой солидарности.

Что же касается племенной дисциплины, то она еще выше. Когда недавно была арестована группа заговорщиков во главе с генералом Ахмедом Мазлумом Дулайми, принадлежащим к многочисленному и влиятельному племени дулайми, населяющему западную часть страны, это вызвало большую тревогу Саддама. Казнив мятежного лидера племени и полторы сотни его сподвижников, он в то же время принялся щедро награждать видных людей племени – иракские газеты печатали длинные списки обласканных верховной милостью. К тому же, по сообщениям иностранной печати, Саддам предложил отступные племенной элите – 500 скаковых верблюдов и 5 миллионов долларов.

Доверить охрану порядка и спокойствия в государстве в таких условиях можно только тем, кто изначально предан руководству страны – так сказать, по определению. Это люди племени, к которому принадлежит президент, и уже – члены клана, в который входит его семья. Клан этот носит имя

Тикрити – именно под такой фамилией стал известен Саддам Хусейн. К Тикрити принадлежал и Ахмед Хасан аль-Бакр, предыдущий президент Ирака, в 1979 году передавший дела своему более молодому сородичу (Саддаму было тогда 42 года). Наверное, не случайно до последнего времени министром внутренних дел был Ватбан Тикрити, брат президента, не случайно и то, что Мухабарат возглавляет Сабауи Ибрагим аль-Хассан, сводный брат Саддама, а сын Кусай командует службой охраны президента... Впрочем, у Саадуну Шакера свое мнение по этому вопросу:

- Говорят, что эти органы укомплектованы выходцами из Тикрита, но это не так, я тоже был во главе их, хотя я не из Тикрита. Наши враги, чтобы исказить правду, пытаются уверить людей, что все, кто руководит революцией или участвует в ее защите - из Тикрита. Это неправильно - выходит, что власть опирается только на один маленький городок Тикрит. Есть города, в которых партия гораздо влиятельнее, чем в Тикрите.

Когда Саддам восприял власть, выражаясь державным стилем, он выступил с речью на багдадском стадионе, в которой дал отповедь тем в стране, кто поговаривал, что правит страной тикритская группировка: “Саддам Хусейн не тикритец, он иракец. Саддам родился в провинции Салахеддин. Но он не только салахеддинец. Он принадлежит точно так же провинциям Эрбиль, Сулаймания, Анбар, Кадиссия и Тхиквар, рекам Тигру и Евфрату, Бараде, Иордану и Нилу, он сын Дамаска, Аммана, Каира и Касабланки... Он сын арабской нации”.

Как бы то ни было, долговечность баасистского режима (ему уже 28-й год) свидетельствует о том, что в основе построения и работы иракской госбезопасности лежат правильные принципы. Ведь служба госбезопасности и охраны существует везде – при капитализме и социализме, при диктатуре и демократии. Но при одних режимах она действует эффективно, а при других неэффективно. К чести советских ЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ за семь десятилетий ни один из руководителей страны не стал жертвой террористов. Эпизод с Кировым можно по известным причинам вынести за скобки. Немудрено, что на этапе своего становления Мухабарат обратился к опыту КГБ – тем более, что такое сотрудничество было обусловлено секретным протоколом к Договору о дружбе и сотрудничестве, заключенном Ираком и Советским Союзом в 1972 году. Я задаю Саадуну Шакеру, может быть, самый неудобный для него вопрос: “КГБ помогал вам создавать службу государственной безопасности, какой-то опыт вы перенимали от КГБ?”

- С КГБ мы сотрудничали. В мое время, когда я возглавлял Мухабарат, в 1972-73 году у нас были отношения с КГБ, представитель КГБ был здесь, наш представитель был там, у них бывали командировки, мы обменивались информацией, с КГБ были нормальные отношения, как, впрочем, и со спецслужбами других стран. Конечно, отношения Мухабарата с КГБ были глубже и лучше, чем с другими аналогичными организациями, так как наши политические отношения с Советским Союзом были хорошими.

Зловещую аббревиатуру Шакер произносит на английский манер: “Кей Джи Би”. Видимо, немалое число английских книг на полках кабинета стоят тут не для понта. Да, создатель Мухабарата недаром похож на Андропова – тот ведь тоже резко выделялся среди своих собратьев по Политбюро, ребят от сохи и гаечного ключа. Я спрашиваю: “Вы лично с Андроповым встречались?” Шакер отвечает, что несколько раз виделся с ним.

- Он был сильным человеком в партии... Очень хорошо относился к нам. Практичный и спокойный политик, понимающий наши проблемы. Даже когда обсуждаемая тема была неприятна советскому руководству, он понимал эти обстоятельства. Когда возникли проблемы между нами и Советами, имею в виду межгосударственные отношения, на взаимодействии между Мухабаратом и КГБ этому не сказывалось.

Из тех, с кем Саадун Шакер виделся в Москве, ему запомнились Чебриков, который тогда был замом Андропова, и помощник шефа КГБ Александров-Агентов. Кто сегодня у нас в стране помнит этих могущественных когда-то людей?..

На вопрос об отношениях с сегодняшней русской службой безопасности Шакер коротко отозвался: “Не знаю”. Надо сказать, что такой ответ он давал на все вопросы, касающиеся нынешних событий внутри Ирака и вне его.

Вопрос об Андропове я задал неспроста – ведь у нас существует мнение, что Андропов был настоящим вдохновителем прозападного курса, названного перестройкой. Ибо все, кто оказался у власти после Андропова – это люди, которых поставил обер-жандарм. Горбачев, Яковлев,

Чебриков, Лигачев, Алиев, Шеварднадзе, да и сошка помельче - Арбатов, Бурлацкий, Бовин, тот, что сейчас посол в Израиле, - все они вышли из шинели Юрия Владимировича... Но экс-шеф Мухабарата сказал на это, что у него не было ощущения, что Андропов ведет двойную игру.

По вечерам, сидя в гостинице, я смотрю передачи иракского телевидения. После новостей и обязательного пропагандистского клипа о Саддаме Хусейне на экране появляются марширующие парни в камуфляже и черных масках. Парни едут на БТРах, десантируются с вертолета, стреляют навскидку. Звучит воинственная мелодия, сопровождающая слова песни:

Родина моя, я жизнь готов отдать за тебя,
Я отдам за тебя свое сердце и кровь!
Бог, Родина, Вождь!
Я фидаи Саддама!

По экрану бегут титры: “Если вы хотите записаться в фидаи (спецназ – С.П.) Саддама, обращайтесь по следующим адресам”.

Закономерно, что я заподозрил иракского Феликса Эдмундовича в отцовстве фидаев. Человек, создавший Мухабарат и больше десяти лет руководивший МВД, естественно воспринимается как автор любых идей в карательной сфере. Но Саадун Шакер с извиняющейся улыбкой отвергает мои предположения:

- Нет. Это новая партийная рать, народное воинство, как реакция против Америки.

В Советском Союзе нередко МВД и КГБ соперничали между собой. При Щелокове это стало особенно заметно.

Будучи человеком Брежнева, он постоянно добивался роста влияния МВД, со временем под его началом оказалась как бы вторая армия – и по численности, и по вооруженности. Недаром первой акцией Андропова после прихода к власти было отстранение Щелокова и организация массового десанта кагебешников в МВД во главе с Федорчуком (министр) и Лежепекковым (зам по кадрам). Интересно, что шеф иракской госбезопасности после прихода Саддама к власти также был переброшен на руководство МВД. Я интересуюсь, имело ли это ведомство в Ираке ту же структуру, как в Советском Союзе, или это другая по функциям организация?

- Да, у нас то же самое.

Когда едешь по улицам и дорогам Ирака, то постоянно видишь на перекрестках танки и бронемашины, пулеметы на вышках. И задаешься вопросом: это министерство внутренних дел бдит? У нас в России сегодня происходит то же самое - никогда на улицах не было столько техники, вооруженных солдат и милиционеров в бронежилетах. Саадун Шакер с холодком в голосе говорит:

- Да, это внутренние войска. Вы очень интересуетесь этим, вы когда-нибудь работали в этих органах?

Я отвечаю, что пишу политическую книгу. А информация в иностранной печати об Ираке одноплановая: везде, во всех книгах пишут, что здесь диктатура, но мне нужно знать, как оценивают обстановку внутри страны.

- Конечно, о нас пишут, как о диктатуре, хотя это они не дали нам возможность реализовать то, что мы задумывали: мы хотели провести выборы, создать

возможность для деятельности любых партии, но войны не позволили нам сделать это.

В этих словах есть правда. На исходе ирако-иранской войны на Западе много писали о реформаторских планах Саддама в экономике и политической сфере. Сегодня об этом в условиях блокады говорить не приходится. Пока Запад будет заниматься удушением нынешнего режима, Мухабарат и МВД останутся в фаворе. А организуемые то и дело иностранными спецслужбами покушения приведут ко все большему совершенствованию методов охраны вождя и баасистского государства...

Говорят, в одном Багдаде у Саддама 40 дворцов. И каждый день в каждом из них накрывается обед на полсотни душ - никто не знает, куда сегодня пожалует президент. Только Кусай да Сабауи ведают о передвижениях Хусейна.

Даже официальные делегации узнают о предстоящей встрече с президентом за несколько минут до того, как их повезут к нему. Один из людей, принятых прошлой весной Саддамом, рассказал мне, как его ориентировали в том смысле, что он будет принят министром иностранных дел, и только непосредственно перед отъездом кортежа от гостиницы ему и его коллегам объявили, что их примет Сам. Долго-долго кружили по улицам и проспектам Багдада, затем приехали во дворец. Посидели с полчаса в роскошном холле, затем сопровождающий объявил, что придется еще проехать немного до резиденции Хусейна. После довольно долгой поездки остановились перед неказистой кирпичной стеной – то ли завод, то ли казарма. Но когда въехали в ворота, увидели изящную виллу. Здесь-то и состоялась встреча. А когда

отправились назад, оказалось, что были в пяти минутах езды от гостиницы.

Наконец, одно личное наблюдение о принципах работы Мухабарата. Лучшая гостиница Мосула “Ниневия” одной стороной выходит на берег Тигра – именно из окон этой стороны видны предгорья Курдистана, земли где идет нескончаемая война. Над зеленой долиной летят красные клубы пыли на невидимый отсюда город. Хотелось бы обозреть древний Мосул, выстроенный на руинах еще более древней ассирийской столицы, чье имя носит отель. Но нельзя – вся вторая сторона закрыта, ни один из номеров там не сдается – дело в том, те окна выходят на дворец Саддама, высящийся в полуверсте от “Ниневии”. Вождь бывает там едва ли несколько дней в году, но половина гостиницы пустует всегда.

Много странного в логике тех, кто охраняет незыблемость государства. И у нас в России много чудесного творится в сферах, опекаемых Хранителями Тела. Но в Ираке логика еще причудливее. К примеру, в ноябре 1994 года в стране был введен запрет на продажу спиртного в общественных местах - для пользы здоровью и исламской душе. Но все истолковали это как повод для закрытия баров и пивных – народных клубов, где собирались посудачить о том, о сем, в том числе, о политике. Да ладно бы о внешней, иные и о внутренних делах дерзали суждение иметь. И в то же время на руках у населения – миллионы стволов нарезного оружия. Каждый член БААС держит дома АКМ, а то и поувесистей что. Повсюду идет бойкая торговля кобурами и чехлами для винтовок. На мой вопрос о процедуре получения

разрешения на оружие Саадун Шакер отвечал, что получить его очень просто. На любой свадьбе открывается отчаянная пальба в воздух из множества стволов.

Оружие, которым напичкан Ирак, нередко подает голос и в других ситуациях. Недаром мне настоятельно не советовали ездить в темное время по дорогам южной части страны. Иностранная печать сообщала о нападении мятежников на кортеж, в котором ехал двойник старшего сына Саддама Удэя. А недавно террорист “достал” и самого Удэя – по некоторым данным, он получил 6 пуль. Да и сам президент, как утверждают западники, то и дело становится объектом покушений - потому-де на людях обычно появляется не Саддам, а один из его *тягютов* – двойников, “сработанных” один к одному специалистами по пластической хирургии из Европы. Правда, официальные лица Ирака заявляют, что многочисленные сообщения о заговорах и покушениях на *раиса* – блеф. Кому-то очень хочется тешить себя иллюзией слабости баасистского режима. Все обстоит по-другому – Садам полностью контролирует ситуацию в стране, и реальных конкурентов у него нет.

НОЧЬ МОГУЩЕСТВА.....	1
 ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ.....	3
 ХОЛМ, С КОТОРОГО ВИДНА ВЕЧНОСТЬ.....	9
 ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ВАВИЛОНА.....	19
 СРЕДЬ ВЫСОКИХ ХЛЕБОВ.....	43
 СОЛДАТ ПАРТИИ.....	60
 ГОДЫ БОРЬБЫ.....	66
 ИСПЫТАНИЕ ВЛАСТЬЮ.....	77
 БАЗА АРАБСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	90
 ЕСЛИ НЕ МОЖЕТЕ ОТРУБИТЬ РУКУ, ЦЕЛУЙТЕ ЕЕ.....	104
КАДИСИЯ САДДАМА.....	114
 ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ.....	138
 БЕДА БЕЗ ПОБЕДЫ.....	152
 ЗОЛОТОЙ ВЕК.....	162
 ПУТЕМ ПРОРОКА.....	172
 БЕССИЛЬНЫЙ ВЛАСТЕЛИН.....	176
 ПОДВИГ, КОТОРЫЙ НЕ НУЖЕН?.....	202

ПРИЛОЖЕНИЕ	217
ДЕНЬ, КОГДА ВОШЛА ЗВЕЗДА САДДАМА.....	217
МУХАБАРАТ, ИЛИ БЕРЕЖЕНОГО БЕРЕЖЕНОГО АЛЛАХ БЕРЕЖЕТ.....	226

| -